

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 31

Москва
2005

ББК 81
Я410

К 250-летию МГУ имени М.В. Ломоносова

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*

д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безнонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2005. —
Вып. 31. — 170 с.

ISBN 5-317-01448-4

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г., выпуск 29 – в 2005 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-01448-4

© Авторы статей, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Железняк М.А.* Сравнение немецкой и русской языковых картин мира на материале анализа элементов архитектурно-домообустроительного кода «угол», «стена» и «дверь»4

ЛИНГВИСТИКА

- Филиппова М. М.* О роли двойного отрицания в английском языке23
- Панков Ф. И.* К проблеме создания реестра русских наречий. Статья 2: фрагмент на букву «Б».....64
- Шульскис С. А.* О формально-структурной дезинтеграции сложного предложения в устно-речевом потоке96
- Шульскис С. А.* Синтаксический потенциал бессоюзной связи при формировании полипредикативного предложения в устной речи.....105
- Ленкова Т. А.* Разновидности композиционно-речевой формы «описание»111

ЛИНГВОПОЭТИКА

- Алешко-Ожневская С. С.* Аллюзивность художественных текстов П. Дж. Вудхауза116
- Мошникова Н. Н.* Образ автора в тексте театральной рецензии.....126

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Красных В. В.* Психолингвистика: Программа курса для аспирантов филологического факультета140
- Нистратова С. Л.* Модификация программ по русскому языку в университетах Италии в условиях общеевропейского образовательного пространства157
- Изотов А. И.* Чешский императив и императивность165

РЕЦЕНЗИИ

- Сорокин Ю. А.* Поэтические энигмы: стихотворения Ли Бо в переводах Сергея Горопцева169

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Сравнение немецкой и русской языковых картин мира на материале анализа элементов архитектурно-домообустроительного кода «угол», «стена» и «дверь»

© М.А. Железняк (Германия), 2005

1. Введение. Цель работы

Одно из универсальных когнитивных качеств человека, без которого сложно представить себе язык, – это умение и стремление вырвать часть из целого и окружить её чёткими границами. Как представить себе номинативную функцию языка без этой способности? Как, не сочинив несуществующие в действительности границы поляны, человеческий мозг может выделить её из леса, чтобы дать ей имя – поляна?¹ Как невозможно строгое описание поляны, так же невозможно и универсально соответствующее действительности определение языка. Дело не только в размытых границах объекта и его многогранности, но и в многозначности самого лингвистического понятия «язык».

Описание языка производится с помощью его же. Метафоричность и многозначность слов или, наоборот, ограниченность и маркированность их значений, могут заставить исследователя пойти по ложному пути. К этому прибавляется различная концептуализация учёными одного и того же понятия. Так называемый «птичий» язык, снабжающий исследователей точными научными терминами, помогает не всегда, т. к. однозначность в определении термина не отменяет различия в ментальных конструкциях, обозначаемых этим термином в головах отдельных исследователей.

Язык дан исследователю в виде устной и письменной речи. Описать её, значит сделать лишь один шаг в исследовании языка, так как речь – лишь внешнее его проявление. Устремления лингвистов направлены на выявление и объяснение законов порождения речи. Поскольку начало своё язык имеет в недоступном для прямого наблюдения пространстве, образно говоря, в человеческой голове, исследователям остаётся довольствоваться косвенными выводами о нём. В данной работе нас инте-

¹ Lakoff G. Women, fire and dangerous things. Chicago, 1987.

ресует референциальная функция языка, т. е. то, как с помощью его элементов люди делят на части окружающий мир. Описание сгустков смысла, кроющихся за физической формой слов, и выявление возможной связи между смыслом и его выражением, может пролить ещё немного света на образование языка.

Определённый язык дан исследователям как создание множества индивидуумов. Совокупность высказываний одного человека отражает его идиолект. Различные идиолекты могут отличаться друг от друга в такой же мере, в какой отличаются между собой люди одного языкового пространства. Это утверждение касается не столько лексики, сколько семантики языка. Всякое заявление о языке является заявлением о сумме сказанного конкретным человеком или людьми, представителями определённой культуры, в определённое время, при определённых обстоятельствах, и далеко не всегда это заявление можно превращать в высказывание о языке вообще. Потому и представляется недопустимым из лингвистического исследования исключать человека и культуру². Изучая язык, мы должны использовать данные о последних и в результатах исследований получать новые знания о них.

Цель нашей работы заключается в попытке описать значения слов «дверь», «стена» и «угол» так, как они представлены в немецкой и русской культурах. Производится описание будет с помощью анализа немецких и русских фразеологизмов и данных, полученных при опросе носителей обоих языков (в основном, жителей Висмара – маленького города на северо-востоке Германии и Москвы – мегаполиса, столицы РФ). Сравнив полученные данные, мы попытаемся выяснить, какое существует соотношение между системами значений этих слов и национальной (зд.: культурной и языковой) принадлежностью людей. Иными словами, мы попытаемся выявить разницу между фрагментами русской и немецкой языковых картин мира.

2. Культурный код и фразеологизмы

Каждая значимая единица языка является одновременно элементом различных кодов. Хлеб – изделие из муки в знаковой системе русского языка и символ богатства и благополучия в знаковой системе русской культуры. Глаза – орган зрения и зеркало души. В различных ситуациях те же слова могут приобретать добавочные значения, понятные только в контексте данного кода. Те значения слова, которые обусловлены культурной традицией, определяют его как элемент культурного кода (КК). Культурные значения и их означающие могут быть универсальными – голова символизирует главенство и в славянских, и в германских язы-

² Из лекций В.В. Красных.

ках. Могут различаться означающие в разных языках – «у тебя крыша поехала» соответствует немецкому «ты прядёшь» («du spinnst»). И, наконец, отдельные значения могут иметь выражение только в одном языке – русские «воля» и «свобода» не соответствует английскому «freedom».

Означающие культурных значений группируются в такие КК как телесный («кровные братья», «волосы дыбом»), гастрономический («не жизнь, а малина», «медовый месяц»), архитектурно-домообустроительный («лежать на печи», «глядеть со своей колокольни»), зоологический («медведь на ухо наступил», «змея подколотная») и др.⁴ В данном исследовании мы будем иметь дело с архитектурно-домообустроительным КК.

Фразеологизмы строятся на образах, составляющих КК. Вернее сказать, именно они помогают выявить образы КК. Как считал Ф. Ницше, то, что сейчас инстинкт, изначально было порождением разума и, автоматизировавшись путём многократных повторений, лишилось осознанности. Так же и фразеологизмы, являющиеся теперь неделимыми единицами языковой системы, образовались когда-то в результате сознательного взаимодействия человека с окружающим миром. Связь выражения с породившей его ситуацией была утеряна, и буквальное значение фразы уступило место иносказательному значению фразеологизма. Например, выражение «работать спустя рукава», т. е. «небрежно, неаккуратно», говорит о моде прошлого. Буквальное понимание выражения «считать ворон», т. е. «быть невнимательным», скорее, наоборот, вызвало бы ассоциацию с очень большим вниманием⁵.

3. Работа со словарями, анкетирование

С целью отбора фразеологизмов были использованы толковые и фразеологические словари. Найденные фразеологизмы помогли выделить отдельные культурные значения исследуемых слов. Мы считаем, что работа со словарями не позволяет с уверенностью утверждать что-либо о состоянии языка на сегодняшний день. К примеру, для слова «стена» словари дают наибольшее количество фразеологизмов со значением «преграда». Так как мы не имеем никаких данных об употребимости фразеологизмов, можно предположить, что приведённые в словаре фразеологизмы не частотны, а носители языка воспринимают стену в основном как защиту. Также следует быть готовым к возможным неточностям толкования или к часто встречающемуся в двуязычных сло-

³ Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира. М: 2002. С. 70-75.

⁴ Из лекций Д.Б. Гудкова.

⁵ Шевелёва М.С. Словарь русского языка. Том 4. М., 1981. С. 582; Худякова Н.Ф. Фразеологизмы русского языка. Екатеринбург, 1999.

варах дословному переводу фразеологизмов, который выдаётся за самостоятельный фразеологизм в целевом языке, а в действительности непонятен и/или не употребляем.

Чтобы уточнить и дополнить полученные из словарей данные, был проведён пилотажный опрос носителей немецкого и русского языков. Составленная нами анкета⁶ состоит из двух частей. В первой выясняются данные об информанте: возраст, пол, образование, профессия и место жительства. Целью второй части анкеты является выявление значений элементов КК.

Всего было опрошено 40 человек, из которых 20 русских и 20 немцев. Мы стремились опрашивать людей различных возрастных категорий, профессий и уровня образования, но строго соблюдалось только разделение по полу, т. е. были опрошены 10 немецких и 10 русских женщин и, соответственно, по 10 мужчин – носителей немецкого и русского языков. Данный опрос не соответствует демографической системе РФ и ФРГ. Полученные данные указывают на возможные тенденции, но ни в коем случае не претендуют на истинность в описании выявленной части русской и немецкой гипотетических картин мира.

Первое задание в анкете представляет собой пример ассоциативного эксперимента. Информанту предлагается записать первое, что пришло в голову в связи с прочитанным словом. Эксперимент даёт возможность определить семантические связи, построенные информантом при появлении стимула в виде интересующего нас означающего. Во втором задании информант должен вспомнить устойчивые выражения с исследуемыми словами. Как оказалось, только обладающие лингвистической подготовкой информанты смогли вспомнить большое количество примеров. Остальные либо не написали ничего, либо привели один или два не всегда точных выражения.

Такие результаты свидетельствуют о барьере, встающем перед неподготовленными к языковому анализу людьми. В большинстве случаев речь порождается интуитивно. Употребляя фразеологический оборот, говорящий ориентируется на смысл, который стремится выразить. Это значит, что человек может не осознавать, что, произнося, например, «они припёрли меня к стенке», употребляет слово, означающее ‘вертикальную часть строения’. За означающим «стенка» он сейчас видит ‘преграду, не позволяющую избежать конфронтации с противником’. Это говорит о том, что слова во фразеологизме несут определённые культурные значения и лишены буквального. Вырванные же из контекста слова могут нести для воспринимающего их только буквальное значение, а значит, едва ли соотносимы с непредметными образами, скры-

⁶ Фрагмент анкеты см. в Приложении.

тыми во фразеологизмах. Результаты шестого задания, где информант должен дать свои определения слов, подтверждают наблюдение, что вырванные из контекста слова понимаются буквально. Собственные определения почти всегда максимально техничны. Реализация фразеологизма от слова к значению неестественна. На похожей сложности основываются, например, японские загадки: «– С чем можно сравнить лентя? – С бумажным фонариком. – Почему? – И тот и другой болтается» (здесь демонстрируется путь от двух субстантивов к общему предикату)⁷. Сравните: что такого иносказательного можно выразить с помощью слова «угол»?

Задания 3, 4 и 5 фактически не имеют решений. Они либо слишком неточны («Вы видите открытую дверь. Опишите Ваши действия.»), либо очевидны («Зачем нужны стены?»). Выбранные информантами «очевидные» ответы помогли нам получить информацию о той стене, образ которой в момент заполнения анкеты главенствовал в их сознании. То же можно сказать о последнем задании, в котором информант рисует дверь, стену и угол.

В следующем задании требуется объяснить немецкие фразеологизмы, дословно переведённые на русский язык. Для этого были выбраны «непереводимые» выражения, т. е. те, чьи значения, если и имеют аналоги в русском языке, передаются иными означаемыми. Например, «*keine ganze Ecke*» в русском соответствует выражению «идти и идти», хотя в некоторых словарях в качестве перевода предлагается дословное «целый угол». Как показало анкетирование, такой перевод далеко не всегда понят русскими информантами. Результаты этого задания указывают на то, чего нет в языке, и помогают очертить границы исследуемых понятий. Поскольку мы не уверены, что неверные толкования связаны именно с ключевым словом, а не с остальными частями фразеологизма, лишь в отдельных случаях результаты этого задания позволяют нам делать какие-либо выводы.

Для немецкоговорящих информантов следовало либо составить независимую анкету на немецком языке, либо перевести готовую русскую анкету. Мы пошли вторым путём. С одной стороны, это упрощает сравнение полученных данных. С другой стороны, существует опасность, что те вопросы, которые оказались наиболее удачными в русском варианте анкеты, не попадут в цель, будучи заданы немцам. Разница в результатах опроса может в таком случае быть обусловленной незначительными деталями КК, плохо состыковавшимися с неудачно выбранной формой задания.

⁷ См.: *Е.Д. Поливанов*. Структура японских загадок.

Множество внутренних и внешних факторов, воздействующих на информанта, обуславливает значение элементов его идиолекта. На результат анкеты влияют возраст, профессия, образование, характер и т. д. Из внешних факторов следует учитывать не только погоду, время суток и происшедшее с информантом на час раньше, но и то, что русские опрашивались в интимной атмосфере кухонь мегаполиса, где в помещении хорошо, а снаружи неуютно, немцы же – в школьных классах курортного городка. Из этого следует, что выводы, сделанные в данной работе, напрямую касаются сорока опрошенных человек, какими они были в момент опроса и вряд ли поддаются переносу на общество в целом. Очевидно также, что отношение человека, например, к двери зависит от конкретной ситуации, в которой она ему встречается. Тем не менее, существуют некие общие ожидания, заставляющие человека формировать свои суждения о мире и подстраивать своё поведение под них. Кто-то не может работать при открытых дверях, кого-то раздражают занавешенные окна. Такие «привычки» отражают внутреннюю картину мира человека. Общее в данных, полученных от информантов каждого языка, отнесено нами к соответствующей языковой картине мира.

4. Угол как элемент КК

В угол «загоняют», отрезав противника от внешнего мира и лишив его возможности избежать конфронтации. В тесноте угла не размахнуться, в его открытости не спрятаться. Тупиковость ситуации, символизируемая углом, распространяется на пространство, время, ресурсы и возможности. Схожей символикой обладает распространённое в России наказание детей – их ставят лицом в угол, чтобы они в тишине и одиночестве смогли подумать о содеянном. Здесь время превращается в противника. Человек, чья свобода ограничена либо обстоятельствами, либо надобностью решить какую-то проблему, ходит «из угла в угол», как бы «из тупика в тупик». Нами были найдены 3 русских выражения, отображающих значение угла ‘тупик’. В немецкой фразеологии оно выявлено не было⁸.

В русском доме «красный угол» украшали иконами и рукоделием. Позже вместо икон в него ставили портрет В.И. Ленина и нарекали «ленинским уголком». Такую традицию можно связать с символическим значением вершины угла. Вершина угла – это точка, в которую устремлено движение. Она воспринимается как цель, т. е. важнейший аспект движения. Поэтому с вершиной угла связывается значение ‘главный’. То, что «ставится во главу угла», объявляется наиболее важным аспек-

⁸ Списки и переводы фразеологизмов см. в Приложении, таб.1-3.

том дела. Значимость угла также не находит выражения в немецких фразеологизмах.

Внешний угол, как ограничитель поля зрения, скрывает злой умысел – сделать что-то «из-за угла», значит ‘неожиданно и подло’. Из-за угла нападёт тот, от кого в данный момент не ожидают ничего плохого. Обрадовать или помочь из-за угла нельзя. Немецкое «завести кого-то за угол» значит ‘убить’, «завести что-то за угол» – ‘растратить’. Слово «угол» играет здесь лишь роль орнамента. Основную роль в семантической игре несёт отделяемая приставка «um» (umbringen – ‘убить’). Одним из её значений является ‘направленность движения вокруг чего-то’, т. е. во фразеологизме «jemanden um die Ecke bringen» благодаря вставленному слову «Ecke» глагол «umbringen» лишается значения ‘убить’ и превращается в более безобидное – ‘завести за, обвести вокруг’, а значение ‘убить’ переносится на фразеологизм в целом. Суть не в том, каким образом попало в выражение слово «угол», а в том, какое действие с ним ассоциируется. Как видим, внешний угол для русских и немцев является «пособником» злему намерению.

Следующее значение у сигнификанта «угол» было выявлено только в русской фразеологии. Угол выдаётся наружу, но его легко не заметить, т. к. внимание смотрящего обычно обращается в центр, а не на периферию, а сознание упрощает видимую картину, отсекая сложные формы. В данном контексте углы вроде нежелательных «сучков и задоринки». Если перенести такую «угловатость» с деревянных вещей на абстрактные идеи, «углы» приобретают значение мелких погрешностей, которые пребывают в конфликте с гармоничным целым и мешают контакту с ним. Отсюда устремление «сгладить острые углы» и потому «угловатый» характер не в цене. В немецком языке существует похожее выражение, в котором «угол» заменён словом «die Kante» – ‘край’, обычно какой-то вещи, семантически близким к углу. Уместно вспомнить русское поверье – если девушка сидит на углу стола, ей не выйти замуж. В немецком варианте у сидящего на углу будет злая свекровь или тёща.

Естественной родиной ещё одного значения угла представляется город. «Магазин сразу за углом» значит не столько то, что он за поворотом, сколько то, что он находится близко. Значение близости несёт слово «сразу», значение пути, который надо преодолеть, – «угол». В немецком языке обозначаемый углом путь может быть не только коротким, но и длинным («целый угол»). Поворот пути связывается с углом только в немецком КК, например, во фразеологизме, звучащем по-русски как «говорить за угол». Русский, толкует дословный перевод

этого выражения как ‘говорить в пустоту’ (*бу*⁹), либо проводит аналогию с выражением «говорить по углам» (*8и*). Для немца же делать что-либо «за угол» значит ‘делать это излишне сложным способом’. Аналогично «быть родственником через семь углов» в немецком языке значит ‘быть очень далёким родственником’.

Угол – это не только точка пересечения плоскостей или линий, но и ‘место’ – пространство между восходящими к ней / исходящими из нее их частями. «На каждом углу» означает ‘на всех местах’, т. е. везде, но в отдалённости от центра, потому что угол всегда на периферии. «Говорить по углам» значит говорить ‘везде, но тайно’ (угол – скрытое место). На немецком языке можно сказать *кому-л.* «не хватает на всех углах и концах», что обозначает крайнюю бедность. Если представить для иллюстрации этого фразеологизма склад, то в нём не хватает добра не только в центре помещения, но даже в самых далёких его закутках. «Укромный уголок» – это ‘уютное место, где можно спрятаться либо спрятать что-нибудь’. «Свой угол» это уже не просто своё место, но свой дом – ‘личное пространство, отгороженное от остального мира’. Такое толкование последнего выражения касается только русского КК.

Русский фразеологизм «медвежий угол» показывает переход от значения ‘место’ к значению ‘местность’, т. е. обжитому пространству на некоем количестве земли. Атрибут «медвежий» указывает на «глухость» обозначаемой местности, подчёркивая значение отдалённости и намекая на отсталость её жителей от цивилизации. «Мы из одного угла» (*нем.*) значит ‘из одной местности, в которой в данный момент говорящий не находится’, но значение отдалённости, тем более «глуши» здесь не задействовано. Русское «со всех концов» соответствует немецкому «со всех углов и концов», т. е. из ‘всех местностей и окраин’. Становится ясно, что в немецком языке значение угла ‘местность’ перекрывает значение ‘место’, превалирующее в русском КК. Это указывает на то, что для русских угол является в первую очередь замкнутым пространством, что объясняет значение ‘тупик’, актуальное в русском КК, а для немцев – открытой местностью, к которой образ близкого значения как минимум одна плоскость или прямая линия. Поскольку в природе не существует ни того, ни другого, отнесём понятие УГОЛ к порождениям человеческого разума. Большинство информантов в ответ на вопрос «Где есть углы?» называли строения, мебель и города (*27и*). Из этого следует, что прототипический угол осознаётся как дело рук человека. Но сама концепция угла связана именно с природой. В то время как внутренний угол, проявившийся в воображении информантов, ассоциируется с остановкой (*кто-то сидит*

⁹ Цифра указывает число информантов, давших данный ответ.

или стоит, копится пыль, можно что-нибудь поставить, нет продолжения пути – $23u+$, $8u-^{10}$), описывают его почти всегда с помощью глаголов движения (схождение стен, кончаются / встречаются стены, две пересекающиеся прямые – $11u+$, $1u-$). Движение стен или линий воспринимается как происходящее по направлению к вершине угла. Предположительно это связано с восприятием перспективы. С увеличением расстояния между предметами и наблюдающим предметы кажутся меньше, отдельно лежащие точки и линии – ближе друг к другу. При этом внешний мир для человека начинается у его ног и простирается к пределам поля зрения. Отсюда направленность кажущегося движения к точке, где линии «сливаются», «встречаются». Один русский информант назвал угол «засасывающей пропастью», ссылаясь на видимый человеком угол в природном пейзаже, где тот сродни горизонту, не являющемуся действительным краем света.

Внутренний угол – это *уединённое, тёмное, скрытое* от посторонних взглядов место. Он уютен ($\approx 7u$), т. к. тесен и защищён двумя стенами. В углу *можно постоять и подумать о жизни*, ведь не предполагается возможность заглянуть вперёд (в будущее), но можно оглянуться и хорошенько обдумать то, что позади (в прошлом). Такое видение угла было выявлено у представителей обеих культур. А вот что связывают с внутренним углом только русские: *отбывает наказание непослушный ребёнок, отрицательная энергетика, тёмная засасывающая пропасть* ($\approx 12pu^{11}$). Теснота и защищённость, если не образуют уют, становятся в тягость. Они мешают двигаться, воспринимаются лишающими сил. Здесь можно укрыться от мира, но не избежать того, что находится в углу.

В отличие от внутреннего угла, который как-либо выражен в ответах $27u$ (из них ярко у $\geq 14pu$, $\approx 4ни$), о внешнем угле вспомнили только $18u$. При примерном подсчете явна намного более частая ассоциация русских с внутренним углом. То, что у немцев внутренний угол менее актуален чем внешний, видно и в том, что среди объёмных рисунков только $2ни$ нарисовали внутренний угол, $6ни$ – внешний, а $4ни$ нарисовали срез угловой части дома (или поворот улицы) сверху, что не пришло в голову ни одному русскому. Это говорит о том, что немецкий угол вписан в схему города. Русский же воспринимается изнутри помещения.

Внешний угол, как и внутренний, может ассоциироваться с остановкой (*можно постоять, прислонить велосипед*), но чаще его связывают с поворотом дороги и с движением по ней (*надо обойти, повернуть направо или налево, продолжается путь, начинается новая улица* – $8u+$,

¹⁰ Знаки «+» / «-» / «0» означают положительный / отрицательный ответ или отсутствие четкого ответа; например: $5и+ / - / 0$ = пять информантов за / против / воздержались.

¹¹ $Pи$ – русский информант, $ни$ – немецкий информант.

3и-). Остановимся подробнее на том, что ожидает человека за углом. Это могут быть:

- а) *собака, чёрный кот, бандит, опасность* – 13и (13ри);
- б) *новые места и люди, продолжение, что-то неизвестное* – 10и (4ри, бни);
- в) *мне безразлично, никто и ничего, может быть многое* – 9и (1ри, 8ни);
- г) *другая улица, МакДональдс, мусорные баки, мой сад* – 8и (2ри, бни).

Информантов, чьи ответы попали в группу (а), ожидает за углом опасность. У следующей группы (б) неизвестность за углом вызывает скорее любопытство. Им противостоит группа (в), в которой не проявлен никакой образ «за углом», вытесненный безразличием к тому, чего не видно. Остальные информанты не связывают никаких эмоций с «за углом», потому что точно знают, что там находится. Для русских за углом чаще всего опасно, а большинство *ни* относится к «зауголью» с равнодушием.

5. Стена как элемент КК

Стена часто фигурирует во фразеологизмах в качестве преграды. «Припереть к стенке» значит почти то же, что «загнать в угол», с тем лишь отличием, что описываемая ситуация не является тупиковой. Здесь скорее ставят человека в затруднительное положение. «Попасть спиной к стене» (*нем.*) означает ‘занять невыгодную позицию’, а «прижать к стене» – ‘перешеголять’.

На стену «взбегают» (*нем.*), на неё «лезут» и «бьются об неё головой». Стена символизирует фактор, не позволяющий выйти из затруднительной ситуации. Пострадавший будто бы производит над стеной перечисленные действия, но не в надежде на спасение, а с целью «выпустить пар» или продемонстрировать свое внутреннее состояние. Сильные эмоции сдерживаются стенами, которые способны погасить вспышки безудержной радости, гнева или тоски.

Для тех, кто решает проблему грубо, не подумав, существует немецкое выражение «пробежал головой сквозь стену». Немецкая стена – преодолимая преграда, но существуют более умные способы решать задачи, чем, например, «снося стены». Иначе для русских. Фразеологизм «пробежать головой сквозь стену» толкуется *ри* как *сделать невозможное* (4ри), *преодолеть преграду* (5ри). Только 4ри придали этому действию негативную коннотацию (*сделал не подумав 2и, невнимательность, лишь бы пободаться*). Можно заключить, что русская стена является непреодолимой преградой, подвластной лишь сильнейшему.

Стена – преграда пониманию. Если вас не слышат или не понимают, никак не реагируют на ваши просьбы или провокации, значит вы говорите «со стеной» (*нем.*) или бросаете «об стену горохом». Любые действия по отношению к стене бессмысленны. Стена, более чем какой-либо другой предмет, отраженный в КК, кроме разве что камня, лишена сознания. Частично в этом и заключается её сила как преграды – с ней не договориться.

Стены, как наиболее явная часть дома, могут метонимически заменять его: «в стенах Большого Театра», быть «в четырёх стенах». В «собственных четырёх стенах» (*нем.*) человек ощущает уют и защищённость, а «каменная стена», соответственно, обозначает нерушимость защиты.

Стена – белая, плотная, неподвижная и нерушимая. Поэтому бледный человек сравнивается с ней, люди с отсутствующей реакцией и плотный ряд чего-либо (людей, деревьев, дождевых струй) обозначаются ею же. Тот, кто подслушивает, как правило, делает это из-за стены. Он обладает на данный момент единственным качеством – слухом, в остальном же он безличен и бездушен. А так как он невидим, то фактически не существует, оставляя стенам свою способность слушать. Поэтому у стен могут быть уши. Стена, одарённая человеческими способностями слышать и запоминать, является свидетелем происходящего вокруг. Но, будучи не способной действовать, т. к. неподвижность – основной её атрибут, она лишена возможности поведать об этом. Отсюда немецкое выражение: «если бы стены могли говорить!»

Стена в различных культурах выступает как символ разделения. Берлинская и Китайская Стены стоят не только и не столько между территориями, сколько между воззрениями на мир. Китайская Стена символизирует отграничение китайской цивилизации от остальных, нежелание терпеть какие-либо влияния извне. Берлинская стена воздвиглась не между западным и восточным Берлином, а между коммунистическим и капиталистическим миром, как знак непреодолимой преграды между чужим (злом, тьмою, деспотизмом) и своим (светом, добром, справедливостью). Несогласие с этим было выражено восточными берлинцами символическим актом покупки кока-колы на западной стороне в день падения Берлинской Стены.

Анализируя ассоциации информантов со стеной, можно сделать предположения о её культурных значениях. Стены образуют помещение для жизни (*дом, комнату, квартиру, пустое помещение для жизни – 30и; ограду – 7и*). Они держат крышу или потолок (*би*), защищая от непогоды. Здесь стена фигурирует как защита от недружественного человеку внешнего мира. Перечисленные атрибуты домашнего про-

странства, связанные со стеной, ассоциированы с домашним уютом: *картины (4и), часы, полотенце, мебель, кот.*

Дом – это замкнутое пространство, а значит, стена может также оказывать ‘преградой’. Стена может быть непреодолимым препятствием. Она бесконечна, её не обойти, не перелезть, не переждать, она вызывает чувство замкнутого пространства, тоску, ощущение собственного бессилия. *16и* показывают такую картину стены. Глухая, непреодолимая стена представляется в опросе наиболее близкой русскому человеку. Для немцев же она чаще всего выглядит следующим образом. Стена – дело рук человека. Будучи разумным, человек ничего бессмысленного творить не будет, и в любом случае другой человек способен это устранить. В стене есть двери, на худой конец – окна, её можно обойти либо подумать, *действительно ли вам туда так сильно надо*, может быть, за ней опасно – не просто же так она здесь поставлена. В любом случае *глупо пробивать стену головой.*

Стеной ‘перегородкой’ могут разделяться *дома и квартиры*, отделяться друг от друга – *комнаты и помещения*. Всё перечисленное – жилые пространства (*21и*). Они отождествляются с личной сферой человека. Дом, квартира – личная сфера семьи. Значит, стена является разделением между людьми и семьями, что прямо сказали ещё *10и*. Стеной отделяется мир своих знаний и воззрений от чужих («*стена непонимания*» – *2и*, *Берлинская стена* – *1и*); мой личный мир (*тепло, уют*) отделяется стеной от общего (*публичного, холодного* – *7и*).

Стена ‘защита’ *укрывает от ветра (2и), изолирует звук (2и), скрывает от окружения (12и).*

Как немцы, так и русские, видят в стене защиту – будь то от ветра, шума или чужих взглядов (*12ри, 12ни*). Почти в равной мере и немцы, и русские воспринимают стену как перегородку (*7ри, 11ни*). Значительное отличие появляется в значении стены как преграды – *13ри* и всего *4ни*. Естественно, что лишь в отдельных случаях можно было выявить одностороннее видение стены. Большинство информантов указывало как минимум 2 значения. В своих рисунках *5ни* изобразили стену как бы со всех сторон (параллелепипед – *3ни*), срез дома сверху – *2ни*), в отличие от *ри*, которые всегда позиционировали себя перед ней. Из анкетных данных видно, что для немцев стена является в первую очередь «защитной перегородкой», а для русских – в большей степени «преградой» и в меньшей степени «защитой».

6. Дверь как элемент КК

Дверь является для входящего в помещение целью, самой важной частью дома, поэтому она метонимически заменяет строение, частью которого является. «Жить дверь в дверь» значит ‘жить в соседних до-

мах»; нежелание покидать дом обозначается нежеланием выставить ногу за дверь.

Пуская в жилое помещение, дверь одновременно впускает гостя в личное пространство живущего в нём человека. Личная сфера человека отождествляется с ним самим. «Подметать перед собственной дверью» (нем.) означает 'наводить порядок в собственной личной сфере, в себе', сравнимо с русским «на себя посмотри», а «ходить из двери в дверь», так же как и «стучаться в чью-то дверь», передаёт значение 'обращения к человеку' (скорее всего с просьбой).

Все действия, производимые с дверью, касаются отношения человека к пространствам по обе её стороны: человек «выходит в мир», «закрывается в себе», «открыт» для чего-либо. Дверь – это не только доступ, но и инструмент общения с миром и людьми. Не желая продолжать общение с кем-либо, его «выставляют за дверь», «закрывают перед ним дверь», «указывают на дверь». «Хлопают дверью», демонстративно уходя от разговора – покидая пространство общения. Желая попросить кого-то о чём-либо, первым делом «стучаться в его дверь», а если человек всегда готов помочь, его «дверь открыта для вас». «Упасть с дверью в дом» (нем.) значит 'сказать что-либо неожиданно и не к месту'. «Сказать что-либо между дверью и дверной петлёй» значит 'мимоходом'. Собрание без посторонних происходит «при закрытых дверях». При «политике открытых дверей» и на «дне открытых дверей» наоборот – вход посторонних приветствуется.

Дверь открывает или перекрывает путь к действиям и возможностям, а также через неё в настоящее входят дела, происшествия, времена года. Немецкое «стоит перед дверью» эквивалентно русскому «у дверей». Чтобы иметь возможность отступления при принятии важного решения, немец «держит ещё одну открытую дверь». Попустительствуя чему-либо или кому-либо, «открывают дверь и ворота» (нем.). Если человеку, например, благодаря его социальному положению позволяет многое, говорят, что для него «открыты все двери». Оставленный «между дверью и дверной петлёй» человек пребывает в состоянии неопределённости, как бы застряв между мирами (*чит.*: действиями, возможностями, решениями).

Для немца дверь является в равной мере связью между мирами и условным знаком в общении. Русский же смотрит на дверь в основном как на пропуск к достижению своих целей. Это утверждение основывается на следующих данных, полученных из анкет.

Половина *ри* отнеслась к закрытой двери как к преграде на пути, и только шестеро предпочли закрытую дверь как гарантию защиты и уюта. *Бри* отнеслись нейтрально к открытой двери – она может и не быть на намеченном пути. Любопытство при виде открытой двери проявила

примерно половина русских и немцев. Но только один немец остался нейтральным по отношению к открытой двери. В отличие от русских *9ни* предпочли закрытую дверь открытой как «охрану» индивидуальности и личной сферы.

Отвечая на вопрос «кто или что за дверью», половина немцев называли людей (*гости, добрые или злые люди, шеф, клиент*). Среди русских только трое предположили человека за дверью, причём скорее отсутствие оного, отвечая *никто* либо *а кто-то ждёт?* Остальные информанты представляли за дверью *мир, будущее, помещение* или *неожиданность и неизвестность*. Четверть и немцев, и русских ассоциировали с тем, что за дверью, что-то хорошее, подавляющее же большинство остальных информантов не дали никакой оценки того, что за дверью.

На вопрос «куда ведёт дверь» почти равное количество *ни* и *ри* ответили, что дверь ведёт либо *внутри* (*7ни, бри*), либо *наружу* (*7ни, бри*). Столько же *ни* ответили *в другую комнату* (*бни*). Дверь ведёт в *неизвестность, в будущее, туда, где нет меня* – такими были ответы *8ри*. К тому же *4ри* выбрали в качестве лучшего определения двери ‘границу’, а двое – ‘допуск к каким-либо действиям’, чего не сделал ни один *ни*.

7. Отличия русской и немецкой языковых картин мира

Внутренняя картина мира человека неделима на части. В ней теснейше переплетены «отношения» человека с реальностью и его впечатления о ней, воспитание и повседневная жизнь, социальные элементы и индивидуальные. Связи между понятиями и сами понятия, составляющие картину мира, индивидуальны и очень сложны. Нет двух человек, выросших в одинаковых условиях, которые обладали бы идентичными картинками мира. Несмотря на это, полученные в нашем пилотажном исследовании данные являются возможным свидетельством фрагмента культурно обусловленной картины мира, выраженной в языке. Благодаря детальному рассмотрению понятий, обозначаемых словами «угол», «стена» и «дверь», было выявлено отношение представителей русской и немецкой культур к непосредственно окружающему их пространству.

Основные отличия немецкого и русского угла сводимы к тому, что для русского сознания более актуален внутренний (в доме), а для немецкого – внешний угол (на улице). Немецкая стена является перегородкой, отгораживающая людей друг от друга и защищающей, а русская – либо «преградой», либо «защитой» человека от внешнего мира. Дверь является для немца регулятором общения и доступа в другие пространства, а для русского – доступом к другим пространствам и пропуском к своим целям.

Свой мир для русского человека не выходит за границы его дома. Русский видит угол изнутри дома, вообще не связываясь с внешним

миром («миром иным»?). Внутренний угол может быть вместилищем уюта, но чаще он ассоциируется, как и закрытая дверь, с несвободой. Мир вне стен, не ограниченный углами, воспринимается как чужой и враждебный. От него отгораживаются двойными дверями, ставнями, занавесками и шторами. Снаружи темно и страшно, лучше туда даже не смотреть. И потому для русского всё, что не видно и не предсказуемо, например, за углом (но не за дверью), кажется страшным. Стена защищает русского человека и одновременно не выпускает его наружу. Здесь неспособность проникнуть во внешний мир переносится с враждебности мира на непроницаемость защищающей его стены, поэтому для него она становится преградой. Дверь в русской картине мира является единственной возможностью связи с внешним миром. Создаётся впечатление, что человек с такой картиной мира, хотя и опасается того, что может встретить вне своего дома, и связан с домом сильнее, чем образ, воспринимая его как свой естественный мир, всё же больше всего боится оказаться запертым в нём.

Свой мир для немца не ограничивается личным пространством в стенах дома: ср. русское «свой угол» с немецким «мы из одного угла». Похожих конструкций среди немецких фразеологизмов намного больше, чем в русском языке, в котором даже «медвежий угол» скорее выдвигает на первое место значение ‘отдалённость’, ‘край’, чем ‘местность’. Именно поэтому в немецком сознании ярче угол улицы (внешний), и поэтому немец рисует весь дом как носитель углов, являющийся в свою очередь частью большей реальности. Немецкая стена не разделяет миры, а служит лишь перегородкой, разделяющей личные сферы людей. Немцы привыкли окультуривать не только свой дом, но и его окружение – двор, улицу, город, распространяя зону уюта на всю местность обитания. Она может сузиться до размеров комнаты, при запертой двери. Но как только дверь открывается, «свой мир» включает всё обозримое пространство вокруг дома и далее. Немцы не боятся того, что за углом. *Ini* сказал, что за дверью может быть опасность (и это не противоречит моим предположениям), но только пока дверь закрыта, она призвана ограждать и защищать. Открытая дверь свидетельствует о готовности хозяина дома общаться со всем, что может прийти с улицы.

Обобщая, можно сказать, что то, что для русского дом, для немца – город. Возможно, это связано с тем, что житель немецкого дома привык ожидать снаружи такой же порядок, как и внутри, а житель русского дома уверен в порядке внутри дома и в хаосе снаружи.

Л и т е р а т у р а

1. *Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.*
2. *Lakoff G. Women, fire and dangerous things. Chicago, 1987.*
3. *Müller Wolfgang. Duden. Die Sinn- und Sachverwandten Wörter. Wörterbuch der treffenden Ausdrücke. Band 8. Mannheim, 1972.*

4. *Бинович Л.Э.* Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1956.
5. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
6. *Гудков Д.Б.* Телесный код культуры в макро- и микрокосмосе человека // Язык, литература, культура. Выпуск 1. М., 2005. С. 117-123.
7. *Караулов Ю.Н. и др.* Русский семантический словарь. М., 1983.
8. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002.
9. *Макарова О.В.* К проблеме лексикографии русских культурных кодов // Язык, литература, культура. Выпуск 1. М., 2005. С. 124-128.
10. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1935.
11. *Худякова Н.Ф.* Фразеологизмы русского языка. Екатеринбург, 1999.
12. *Шевелёва М.С.* Словарь русского языка. Том 1. М., 1981. С. 367.
13. *Шевелёва М.С.* Словарь русского языка. Том 4. М., 1981. С. 260, 459, 582.
14. *Шмелёв А.Д.* Русская языковая модель мира. М., 2002. С. 69-98.
15. *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24-38.
16. *Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 39-59.

Приложение 1. Фрагмент анкеты

3. Вы видите открытую дверь. Опишите Ваши действия.

4. Продолжите предложение:

Угол – это место, где...

5. Ответьте на вопросы (не сильно задумываясь):

Что для Вас – закрытая дверь?

Что или кто ждёт Вас за дверью?

Зачем нужны стены?

Где есть углы?

Кого или что разделяет стена?

Куда ведёт дверь?

Кто или что за углом?

6. Подчеркните наиболее подходящее определение слова «угол». Дайте собственное определение.

Угол – это тупик, вершина, ограничение поля зрения, родной дом, место, местность, мера длины, конфликт с целым, вектор, ...

7. Как Вы думаете, что значат следующие немецкие выражения?

Напишите короткое толкование каждого:

Ты пробежал головой сквозь стену.

До этого места – целый угол.

Он завёл его за угол.

Он упал с дверью в дом.

Он сказал это между дверью и дверной петлёй.

УГОЛ – die ECKE (8 н.фр./13 р.фр.)

местность (2 н.фр./1р.фр.): an/aus allen Ecken und Enden (*на/из всех углах/-ов и концах/-ов*) – повсюду/отовсюду; aus der selben Ecke kommen (*быть из одного угла*) – быть родом из одной местности; медвежий угол – отдалённое, малонаселённое место

путь (4 н.фр./1 р.фр.): eine ganze Ecke (*целый угол*) – далеко; gleich um die Ecke (*сразу за углом*) – близко; um die Ecke herum sagen (*говорить за угол*) – говорить очень сложно; um sieben Ecken verwandt sein (*быть родственниками через семь углов*) – быть далёкими родственниками; сразу за углом – близко

место (1 н.фр./ 4 р.фр.): es fehlt an allen Ecken (*не хватает во всех углах*) – не хватает везде; говорить по углам – говорить тайно; на каждом углу – повсюду; свой угол – родной дом; укромный уголок – уютное место

пособник злему намерению (1 н.фр./ 1 р.фр.): jmdn/etw um die Ecke bringen (*завести кого-то/что-то за угол*) – убить кого-то / растратить что-то; из-за угла – исподтишка, вероломно

тупик (0 н.фр./3 р.фр.): загонять в угол – поставить в безвыходное положение; ставить в угол – наказывать; ходить из угла в угол – бесцельно ходить взад вперёд

вершина (0 н.фр./ 2 р.фр.): красный угол – угол с иконами; ставить во главу угла – считать основным

конфликт с целым (0 н.фр./1 р.фр.): стереть (сгладить) острые углы – исправить мелкие ошибки

СТЕНА – die WAND (16 н.фр./12 р.фр.)

преграда (6 н.фр./3 р.фр.): an die Wand drücken (*прижать к стене*) – заставить реагировать на провокацию, перещеголять; an die Wand spielen (*«прииграть» к стене*) – перещеголять; an die Wand stellen (*поставить к стене*) – объявить приговор в споре; die Wände niederreißen (*сносить стены*) – снести все преграды; mit dem Kopf durch die Wand laufen (*головой сквозь стену*) – неуклюже и бездумно преодолеть препятствие, которое можно легко преодолеть другим способом; mit dem Rücken an die Wand kommen (*попасть спиной к стене*) – занять невыгодную позицию; как об стену горохом – бессмысленное действие; припираться к стенке – заставить реагировать на провокацию; ставить к стенке – объявить приговор в споре

объект выражения сильных эмоций (4. н.фр./2 р.фр.): die Wände hochgehen (vor Zorn) (*взбегать (восходить) на стены (от злости)*) – выражать негативное состояние; die Wände hochspringen vor Freude (*вспрыгивать на стены от радости*) – сильно радоваться; es ist, um die Wände hin-

aufzuklettern (*хоть на стены лезь из-за этого*) – выражать негативное состояние; lachen, dass die Wände wackeln (*смеяться, чтоб стены шатались*) – очень сильно смеяться; лезть на стену – выражать негативное состояние; хоть головой об стену бейся – этого невозможно достичь

человек (5 н.фр./4 р.фр.): für die Wände prädigen (*проповедовать для стен*), gegen eine Wand reden (*говорить со стеной*) – говорить перед дураками или равнодушными, без отклика; Wände haben Ohren (*у стен есть уши*) – помещение прослушивается; weiß wie eine Wand (*белый как стена*) – очень бледный; wenn die Wände reden könnten (*если бы стены могли говорить*) – здесь происходило много интересного; стать стеной – дружно выступить; стена дождя (равнодушия, детей) – плотная преграда из...; стена об (в) стену – в непосредственной близости; у стен есть уши – помещение прослушивается

дом (1 н.фр./2 р.фр.): in seinen vier Wänden (*в своих четырёх стенах*) – у себя дома; в стенах Малого Театра – в Малом Театре; в четырёх стенах – в помещении

защита (0 н.фр./1 р.фр.): как за каменной стеной – в полной безопасности

ДВЕРЬ – die TÜR (17 н.фр./14 р.фр.)

дверь в общении (6 н.фр./8 р.фр.): an jemandes Tür klopfen (*стучать в чью-то дверь*) – просить помощи; auf die Tür zeigen (*указать на дверь*) – выгнать; die Tür vor der Nase zuschlagen (*захлопнуть дверь перед носом*) – прогнать, прекратить общение; von Tür zu Tür gehen (*ходить от двери к двери*) – обращаться ко всем подряд; zwischen Tür und Angel sagen (*сказать между дверью и дверной петлёй*) – сказать мимоходом, в спешке; zwischen Tür und Angel stehen lassen (*оставить между дверью и дверной петлёй*) – оставить в состоянии неопределённости; закрой дверь с той стороны – уйди; закрыть все двери – отмежеваться; закрыть двери дома перед кем-то – поссориться; захлопнуть дверь перед носом – прогнать, прекратить общение; открыть дверь кому-либо – дать свободный доступ куда-либо; стучаться в дверь – просить о помощи; указать на дверь – выгнать; хлопнуть дверью – демонстративно удалиться

допуск куда-либо (9 н.фр./3 р.фр.): er soll vor seiner eigenen Tür kehren (*пусть подметает перед своей собственной дверью*) – пусть следит за собой; etwas Tür und Tor öffnen (*открыть чему-то дверь и ворота*) – попустительствовать; ihm stehen alle Türen offen (*для него все двери открыты*) – ему предоставлены все возможности; mit der Tür ins Haus fallen (*упасть с дверью в дом*) – сказать вдруг, не подумав; offene Türen einrennen (*сбивать открытые двери*) – продолжать уговаривать, хотя цель уже достигнута; Politik der offenen Tür (*политика открытой двери*) – приятие приходящего извне; Tag der offenen Tür (*день открытой двери*) – день свободного доступа; sich eine Tür noch offen halten (*держат для себя ещё одну дверь от-*

крытой) – иметь в запасе ход; vor der Tür stehen (*стоять перед дверью*) – скоро придёт; день открытых дверей – время свободного доступа; лопиться в открытую дверь – доказывать очевидное; при закрытых (открытых) дверях – собрание без посторонних (со свободным доступом); у дверей – скоро

дом (2 н.фр./ 3 р.фр.): keinen Fuss vor die Tür setzen (*ни ноги перед дверью не ставить*) – не выходить из дома; Tür an Tür wohnen (*жить дверь в дверь*) – жить по соседству; дверь в дверь – по соседству; носа не совать из двери – не выходить наружу

ЛИНГВИСТИКА

О роли двойного отрицания в английском языке

© кандидат филологических наук М. М. Филиппова, 2005

Данная статья посвящена двойному отрицанию – языковому явлению, которое известно не только в английском, но и в русском языке. Задача статьи – понять ту роль, которую оно играет в английском, ведь с точки зрения грамматики (а точнее синтаксической структуры) оно недопустимо. Цель статьи – показать, что двойное отрицание принимает в английском языке много форм: оно может быть внутрилексическим, т.е. присутствовать в слове имплицитно, может проявляться как сочетание двух эксплицитно отрицательных морфологических элементов внутри одной лексической единицы, иметь стилистический характер, маркировать просторечные и диалектные формы, являться выражением определенных коммуникативных и когнитивных стратегий и т.п. Такой пристальный взгляд на это явление тем более целесообразен, что оно довольно распространено в английском языке (особенно в его британской разновидности) и что можно наблюдать некоторое расхождение между рекомендациями, обычно формулируемыми в грамматиках, руководствах по правильному английскому языку, стилистических пособиях и справочниках, и реальным словоупотреблением (речевым узусом).

В качестве ярких примеров двойного отрицания можно привести слова типа *небезопасный*, *небезвредный*, *небескорыстный* и т.п., в которых одновременно присутствуют две приставки со значением отрицания признака. Аналогичные примеры в английском языке – это прилагательные, также имеющие две отрицательные приставки: *unimpeachable* «безупречный, безукоризненный», *unimpaired* «неослабленный, незатронутый» и др.

Сразу же обратим внимание на то, что если попытаться подобрать эквивалентные примеры с двойным отрицанием в другом языке, то, как правило, это будут лексические единицы несколько иного морфологического состава – во всяком случае, две отрицательные приставки в них сохранить не удастся. В лучшем случае это слова или выражения с двумя отрицательными элементами, например: *небезопасный* dangerous, unsafe, insecure; *небезнадежный* not hopeless; *небезвредный* rather injurious, rather harmful. Эти примеры показывают, насколько тонки семантические различия, существующие между производными одной и той же лексической единицы, – и отнюдь не всегда одна и та же единица, полу-

чившая двойное отрицание благодаря некоторым негативным морфологическим элементам, равна самой себе, как в случае с *небезопасный dangerous* или *небеспристрастный biased*.

Можно привести пример и синтаксической конструкции, содержащей несколько отрицаний: «Никогда *не* встретить ту, которая вас никогда *не* полюбит, – вероятно, это и есть самое правильное определение человеческого счастья»¹. Подобный пример из романа У.С. Моэма «Театр» приводит Т.А. Комова: «I don't not eat bread because I'm afraid of getting fat. I don't eat it because I see no point in it. After all with the exercise I take I can eat anything I like (Я отказался от хлеба не потому, что боюсь потолстеть. Я не ем его, так как не вижу в этом смысла. При моем моционе я могу есть все, что хочу)»².

Одно из двух отрицаний может не быть выраженным эксплицитно, а содержаться в семантике соответствующей языковой единицы, имеющей «отрицательное» значение (т.е. такой, у которой отрицание является компонентом значения слова). Такое отрицание называется внутрилексемным, его примерами являются слова типа *рус.* «отказаться = *не согласиться*» или *англ.* *fail* «*не преуспеть*». Еще один пример двойного отрицания морфологического типа – ‘unbiased = *not* biased, *impartial*’; ‘partial = biased, *unfair*’. Таким образом, ‘unbiased’ можно объяснить как ‘not unfair’.

Можно также обратиться к словам типа *undeceive* и вспомнить знаменитую фразу леди Брэкнелл из комедии О. Уайльда «Как важно быть серьезным»: *I do not propose to undeceive my husband. Indeed I have never undeceived him on any question.* Это высказывание фактически означает «Я всегда скрывала правду от своего мужа», или «Я никогда не пыталась сообщать своему мужу правду», или, если эксплицировать подтекст и «назвать вещи своими именами», «Я всегда лгала своему мужу» – фраза, несущая благодаря глаголу *лгать* очень сильные ингерентные отрицательные коннотации; в отличие от оригинала, этой фразе практически невозможно придать респектабельность и ее невозможно произнести с тем апломбом, с которым это неизменно делает леди Брэкнелл во всех постановках этой пьесы. Можно сказать, что данный пример демонстрирует возможности «вуалирования» действительного положения дел при помощи двойного отрицания, методику языкового манипулирования теми представлениями, которые возникают у слушателей при восприятии высказывания.

В словарях найдем следующие объяснения *undeceive*: *undeceive v. tr.* (often followed by *of*) – free (a person) from a misconception, deception, or error³; *undeceive* – вывести из заблуждения, открыть глаза; отрезвить; *undeceivable* – не поддающийся обману; *undeceived* – разочарованный; увидевший что-л. в истинном свете⁴. Даже беглый взгляд на данные

объяснения показывает, что при присоединении отрицательной приставки (в данном случае *-in*) к основе происходят некоторые модификации значения данного слова, что в результате делает дериват не вполне эквивалентным простому сочетанию изначального глагола с отрицательной частицей.

Один из самых известных специалистов в области английского языка Дэвид Кристал упоминает двойное отрицание в своей книге «Кому есть дело до английского словоупотребления? Развлекательный путеводитель по наиболее распространенным проблемам словоупотребления в английском языке»⁵. Он обращается к этому вопросу, поскольку двойное отрицание считается недопустимым в стандартном английском языке, т.е. в его литературной разновидности.

В отличие от русского языка, где в одном, причем достаточно простом по своей синтаксической структуре предложении могут встречаться несколько отрицательных грамматических форм и лексических единиц одновременно (*В наших магазинах никогда ничего не найдешь*), предложение в английском языке согласно грамматическим правилам может содержать только одно отрицание, которое придает отрицательную окрашенность всему его лексическому составу (*You can never find anything in our department stores when shopping*). Логический аргумент, применяемый для объяснения этого правила, таков: два отрицания взаимно отменяют смысл друг друга. Однако, если конструкция выстраиваемых предложений усложняется, могут возникать различные неожиданные и непредвиденные оттенки смысла.

Кристал в качестве примера приводит предложение, которое было употреблено в публичной речи некоего политика: *You should not think there are no cases where a strike might not be warranted* (*Не следует думать, что не бывает случаев, когда забастовка не окажется оправданной*). Вопрос, которым задается данный лингвист, таков: неужели оратор использует отрицательные формы намеренно, с тем, чтобы они отменяли отрицательный смысл друг друга? Или эти отрицательные формы нагнетаются им для создания драматического эффекта? У слушателя этой речи, как считает лингвист, нет времени для того, чтобы определиться и решить, каково все же намерение оратора.

Вердикт Кристала, который, как представляется, можно с легкостью поставить под сомнение и оспорить, заключается в следующем: такого рода структуры сильно запутывают читателя или слушателя и поэтому совершенно справедливо подвергаются критике со стороны авторов стилистических пособий. По его мнению, они правы, когда не советуют использовать отрицательные формы там, где можно обойтись утвердительной. Однако в языковой ситуации англоговорящего сообщества можно наблюдать некоторое расхождение предписаний и узуса, по-

скольким примерам двойного отрицания с легкостью обнаруживаются во многих произведениях современной английской художественной литературы и присутствуют в разговорной речи носителей в виде устойчивых морфологических и синтаксических структур, которые мы рассмотрим ниже.

Высказавшись о двойном отрицании негативно, Кристал тем не менее тут же изменяет ход своих мыслей и вспоминает о том, что некоторые типы двойных отрицаний могут приносить в высказывание важные оттенки значения. *'I shouldn't bother going to the meeting'* (Я бы (имеется в виду «на твоём месте») не стала беспокоиться о том, чтобы идти на собрание), – говорит жена своему мужу, на что он отвечает: *'I can't not go – I've got to organize the raffle'* (Я не могу не пойти – я должен организовать лотерею). В данном случае *can't not* не означает того же, что и *can*; оно, скорее, означает нечто типа «должен». Он также приводит примеры структур с двойным отрицанием, смысл которых не вполне отчетливо укладывается в утвердительный либо отрицательный: *'Will he arrive by tomorrow?' – 'It's not impossible'* (Он придёт к завтрашнему дню? – Это не исключено) и т.п.

Обратимся к мнению Е.В. Падучевой относительно логического правила о том, что отрицание отрицания эквивалентно утверждению⁶. По мысли ученого, данное правило действительно не только для логики, но и для естественного языка тоже: при соединении двух отрицаний при одном и том же слове смысл окажется утвердительным. Однако, отмечает Падучева, два отрицания обычно не в точности погашают друг друга: сложное выражение, как правило, слабее простого, ср. «нередкий» 1. (≈ “довольно частый”) и 2. «частый»; «не без страха» 1. (≈ “с некоторым страхом”) и 2. «со страхом»; англ. ‘not uncommon’ и ‘common’.

Тема двойного отрицания тесно связана с вопросом об общих категориальных признаках речевого и коммуникативного поведения носителей английского языка. Считается, что главное различие между носителями двух диалектных вариантов английского языка – британским и американским – состоит в том, что для представителей британской культуры наиболее характерны иносказание (*circumlocution*), парафраза, расплывчатые смыслы (*ambiguity*), двусмысленность (*double meaning*), уклончивые речи (особенно когда человек говорит одно, а думает другое, противоположное) (*double talk*), эвфемизация, сдержанная оценка, недосказанность и недоговоренность (*understatement*), а также их более узкая разновидность – мейосис, ирония, сарказм.

В современном культуроведении принято считать, что, в отличие от носителей британской разновидности, для американских носителей английского языка, по крайней мере внешне, как бы в знак протеста

против речевого поведения бывших соотечественников по Британской империи, характерно (и высоко ценится в американской культуре) прямое выражение мысли. Это обусловлено требованиями общения в данном социокультурном сообществе, где вследствие сложившейся конкретной межнациональной и социо- и геополитической ситуации наиболее выигрышными оказались открытая, честная игра, открытое, честное партнерство и другие личные качества такого же рода. С другой стороны, именно носителям американской разновидности исследователи приписывают демагогические, пышные туманные речи (*doublespeak*); двойной стандарт (в оценках и т.п.), пустые или демагогические высказывания (*double talk*).

Пытаясь понять роль косвенных способов выражения смысла, в частности, таких приемов, как двойное отрицание, ирония, сарказм и прочие, среди ценностных социокультурных составляющих английского менталитета, целесообразно обратиться к тому, как их интерпретируют сами носители этой культуры. Так, например, в книге «Жизнь и как в ней уцелеть»⁷ один из ее авторов, известный британский киносценарист, режиссер и комический актер Дж. Клиз, сравнивая американскую и британскую культуры, говорит следующее: «Американцы не любят сложности и противоречия; косвенный смысл любого рода, околичности, иносказания, уклончивость вызывают у них неловкость. К двусмысленности и парадоксам американцы не просто испытывают неприязнь и недоверие, они воспринимаются как совершенно ненужные. <...> Для американцев отсутствие прямоты и недвусмысленности – это табу.

При этом это то единственное, на что способны мы, англичане. Мы наслаждаемся и упиваемся “отстраняющими” приемами в общении – говорим странными, потешными, чудными голосами, произносим все как бы в кавычках, используем намеки и аллюзии, говорим неполными предложениями и, прежде всего, используем иронию. Простая, прямая, недвусмысленная речь воспринимается как тревожный сигнал и дурной тон – как своего рода мещанство и филистерство.

Но, в отличие от нас, ирония вызывает у американцев чувство неловкости. Они оказываются в полном недоумении, заходят в тупик, когда используется ирония. Если говорить прямо, она вызывает у них панику».

В качестве иллюстрации к сказанному Дж. Клиз приводит пример из американского фильма «Роксана», в котором героиня произносит нечто саркастическое и, когда ее собеседник реагирует на это непониманием, объясняет, что это была ирония. «Ах, ирония! – удивляется собеседник. – Да, у нас здесь ничего такого не было... ну, я думаю, где-то с 1956 года». Это высказывание фактически противоречит основ-

ной мысли Дж. Клиза, потому что можно сказать, что в нем мы наблюдаем иронию по поводу иронии.

Если поразмышлять над психологией и философией отрицания, тем более двойного, то становится понятно, что специфика употребляемых отрицательных форм является отражением национального характера, национального менталитета и прочих явлений подобного рода. Из культурологической литературы известно, например, что в одних культурах отрицательные формы используются гораздо меньше, чем в других, и связывают это с национальной привычкой стараться никогда не давать отрицательных ответов «в лоб», но, наоборот, выражать отказ косвенным образом и завуалированно. Двойное отрицание – разновидность мейосиса (understatement) – также часто называют одним из характерных способов косвенной передачи смысла в английской речи.

Пытаясь понять роль отрицания с психологической и когнитивной точек зрения, можно обнаружить практически единодушное мнение психологов в вопросе о том, что отрицание действительно осложняет речь. Обратимся, например, к тому, как трактуют роль частицы *не* авторы практического руководства «Оружие – слово. Оборона и нападение с помощью...» (серия «Библиотека НЛП») А. Котлячков и С. Горин⁸. Руководство посвящено использованию гипноза «как для обороны, так и для нападения». Авторы объясняют, что частица *не* воспринимается сознанием, но для подсознания она абсолютно ничего не значит, поэтому самый простой и наиболее широко известный прием «наведения порчи», как выражаются авторы (т.е. негативного влияния на поведение, самочувствие и здоровье человека), – это использование отрицательной формы императива в сочетании с тем, что вы резко говорите что-то человеку «под руку». Частица *не*, кроме того, еще и обеспечивает вашу безопасность, подчеркивают авторы, иллюстрируя это ситуацией, когда вы говорите стрелку, который во что-то целится: «Промахнись!» Сказать ему: «Не промахнись!» гораздо безопаснее (ведь в такой ситуации у него не будет оснований впоследствии обвинять вас в злом умысле), а результат выстрела, скорее всего, утверждают они, будет одним и тем же.

Автор другого пособия, посвященного НЛП, А. Бакиров назвал один из разделов «Волшебные свойства отрицаний»⁹. Он также убежден, что мозг работает на утверждении, а отрицание существует только до тех пор, пока мы сознательно обращаем на него внимание. Это свое утверждение автор подкрепляет аргументом (правда, довольно сомнительным) – соображением о том, что природа не знает частицы *не* – придумал ее человек. На это можно возразить следующее: во-первых, весь язык придуман человеком, а не только эта частица; во-вторых, если начать размышлять о том, что человек придумал за всю историю своего

существования, то все равно будет крайне сложно доказать, почему все, что он придумал, надо игнорировать и исходить только из того, как все обстоит в природе; в-третьих, если говорить о природе, то нужно рассматривать природу языка, а не природу вообще, а отрицание как раз и является одной из языковых универсалий, т.е. одним из базовых компонентов природы языка. «Отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы»¹⁰.

И тем не менее то, как А. Бакиров объясняет когнитивный механизм воздействия отрицательных форм на сознание людей, выглядит убедительным. Он предлагает провести эксперимент – заставляет читателя представить себе лающую собаку. Хотя полного совпадения образа собаки у проводящего эксперимент и у читателей не будет, все-таки, убежден автор, у всех в сознании возникнет образ некоей лающей собаки. Если же изменить просьбу на противоположную (т.е. постараться представить «не лающую собаку»), то здесь и начнутся всевозможные «фокусы». Что значит «представить, что собака не лает»? Кто-то представит собаку спокойно лежащей у своей конуры, кто-то рычащей, кому-то окажется достаточным просто мысленно перечеркнуть предыдущую картину. Таким образом, однозначно одинаковой картины не получится. Дело в том, считает автор, что, когда человека просят представить лающую собаку, он создает соответствующую картинку; когда же нужно вообразить собаку, которая не лает, участники эксперимента начинают предлагать более или менее подходящие заменители, которые **не противоречат** прозвучавшей просьбе. Например, жующая собака – такая же «не лающая», как и спящая. Чтобы отобразить отрицание, пришлось восстанавливать первую картину с тем, чтобы ее перечеркнуть, либо описывать все остальные возможности, а это трудоемко.

Для иллюстрации этого своего утверждения А. Бакиров приводит анекдот о чукче.

Чукча, вернувшийся из Москвы, делится впечатлениями:

- *Однако, паровоз видел.*
- *А что это такое?*
- *Сани знаешь?*
- *Да.*
- *Однако паровоз совсем на сани не похож!*

Этот анекдот хорошо иллюстрирует тезис о том, что любая попытка определить предмет или явление через отрицание заранее обречена на провал. Конечно, можно сказать, что паровоз – это не сани, не апельсин, не магнитофон, не дерево. Однако если объяснять слова по такому принципу, то замучаешься, справедливо отмечает А. Бакиров и дает

совет читателю: если хотите облегчить человеку понимание, говорите по возможности утвердительно.

Следующий пример А. Бакирова представляет собой крайний случай перегруженности отрицаниями, его можно считать риторическим преувеличением, потому что в реальности такого количества отрицаний в одном предложении не бывает даже в языках, допускающих многократное их повторение: «Не так уж и нелегко не потерять ни одну частицу “не”, ни разу не перечитав немного непонятное утверждение, и я нисколько не сомневаюсь, что некоторая нестройность фразы не смогла ни у кого не вызвать ни капли затруднения, и вам не было нелегко не погрузиться в транс».

Как говорит автор, при чтении этой фразы некоторые люди замечали определенное изменение состояния сознания, характерное для такой перегрузки. Многочисленные частицы *не* способны буквально «пожирать» объем нашего внимания, отнимать его у самой сути предложения. Хорошо известно, что этот объем весьма невелик: 7 ± 2 единицы информации. И каждое *не* забирает как минимум одну из них. Переполюя свое высказывание отрицаниями, можно значительно затруднить понимание.

А. Бакиров разъясняет, как действует механизм понимания: услышав слово, человек должен подобрать ему соответствующий эквивалент из своей понятийной базы, т.е. понять его. Добавив к нему отрицание, он уже вынужден искать этому эквиваленту противоположный ему по значению.

Следующий пример, который приводит вышеупомянутый автор, демонстрирует наши предпочтения при выборе из синонимических средств передачи одного и того же содержания. Идя по рынку, человек замечает два лотка, где производится распродажа по сниженным ценам; у одного из лотков надпись «Недорого», у другого – «Дешево». «Не знаю, как вам, – говорит он, – но мне больше льстит покупать недорогой товар. Так я экономлю деньги, и совсем не хочется размениваться на дешевый: как бы не продешевить! Субъективно, зато показывает важность оболочки – может быть, и товар-то у них одинаковый, да только... Не тянет».

Важный совет, который вытекает из приведенных примеров, следующий: чтобы ваша просьба оказалась выполнена, **сформулируйте ее утвердительно**. Ребенку будет гораздо легче «сидеть смирно», чем «не ерзать». Приятелю будет проще «улыбнуться», чем «не хмуриться». Гораздо легче бывает «успокоиться» вместо «не беситься».

Авторы пособия «Миссия НЛП»¹¹ также отмечают, что наш разум просто-напросто не знает, как «подогнать» определенные вещи к языку отрицания. Чтобы знать, о чем не следует думать, разум должен вначале

подумать об этом. Число пособий по психологии, в которых высказываются сходные мысли, можно увеличивать довольно долго.

После экскурса в психологические аспекты отрицания вернемся к чисто языковым сторонам данного явления. О проблемах, возникающие в английском языке с отрицательными формами, говорит, например, автор влиятельного «Словаря английского словоупотребления»¹² Г. Фаулер. Как и Д. Кристал, он подчеркивает, что современная английская грамматика рассматривает два отрицания как отменяющие друг друга и дающие в результате утвердительный смысл; истинный смысл выражения *Nobody didn't go* состоит в том, что «пошли все». Однако это отнюдь не аксиома, как иногда предполагают.

Ссылаясь на тот факт, что для многих языков, в частности славянских, французского, испанского, греческого, характерно множественное, или кумулятивное, отрицание, Г. Фаулер говорит: раньше мы использовали отрицательные формы так, как это сейчас происходит в греческом, где они употребляются многократно в одном и том же предложении, усиливая смысл друг друга, – говорящий как бы «раскатывает» отрицательный смысл тонким слоем по всему предложению вместо того, чтобы сосредоточить его в одной словоформе. В языках с множественным отрицанием при наличии в предложении отрицательного местоимения, наречия или союза происходит отрицательное согласование (этих имеющих отрицательный смысл частей речи со сказуемым) – допустимо или даже требуется «избыточное» отрицание перед сказуемым (ср. не допускаемое правилами русской грамматики «никто его видел»). Такое же многократное употребление отрицательных форм по-прежнему используется и в английском просторечии без особого риска быть понятым неверно. Все понимают, что именно имел в виду дворецкий мистера Домби, когда он сказал, что надеется, что ему не придется *'never hear of no foreigner never boning nothing out of no travelling chariot'* (никогда не доведется услышать ни про какого иностранца, ничего не крадущего не из какого проезжего фаэтона), и все знают, что имеется в виду, когда в телеинтервью на вопрос *'Are you still a trades union official?'* дается ответ *'I'm not nothing no more.'* В грамотной речи отголосок этих принципов синтаксического построения фразы сохраняется и в таком роде: *Nobody didn't travel if it didn't rain.*

В языках с множественным, или кумулятивным, отрицанием плеонастическое отрицание в придаточном предложении, подчиненном глаголам со значениями «отрицать», «запрещать», «сомневаться», «удерживаться», «бояться» и т.п., является еще одним проявлением отрицательного согласования. Но поскольку английский относится к языкам, в которых множественное отрицание запрещается языковой нормой,

Фаулер отмечает, что даже не требуется никакого особого анализа, чтобы доказать, что множественное отрицание часто разрушительно для смысла. Поэтому, с его точки зрения, такие случаи, когда *not* употребляется в придаточном предложении как бессмысленный отзвук фактического, действительного или возможного отрицания в главном предложении, гораздо менее простительны, чем некоторые другие упоминаемые им нарушения речи, например: *The Home Secretary said he had found nothing to make him doubt that H. was not rightly convicted* (Министр внутренних дел заявил, что он не обнаружил ничего, что заставило бы его сомневаться в том, что Х. был вынесен *несправедливый* приговор).

Мы все знаем людей, продолжает Фаулер, которые привычно говорят: *I shouldn't wonder if it didn't turn to snow soon* (Я не удивлюсь, если вскоре **не** пойдет снег), когда имеют в виду *if it turned...* Та же самая ошибка в печати, говорит мэтр британской филологии, столь же обычна, насколько и нелепа, – на самом деле она до такой степени распространена со словами *wonder* и *surprise*, что ее можно считать прочно укоренившимся, но все же непростительным заблуждением.

В свете замечаний Фаулера становится понятно, в чем может заключаться проблема в вышеприведенном предложении Д. Кристала: *You should not think there are no cases where a strike might not be warranted*. Это предложение может оказаться таким же случаем плеоназма, как и приводимые Фаулером примеры, если оратор имеет в виду следующее «...когда забастовка окажется оправданной», – однако, поскольку у нас нет более широкого контекста, определить смысл точно нет возможности.

Утверждение о том, что такого рода структуры очень запутывают читателя или слушателя и поэтому, как считают некоторые языковеды, совершенно справедливо подвергаются критике со стороны авторов стилистических пособий, можно опровергнуть историческими примерами, взятыми из литературы предыдущих эпох. Так, широко известна фраза *Nothing is secret that shall not be made manifest* (Нет ничего тайного, что не сделалось (стало) бы явным; шила в мешке не утаишь, правда всегда выходит на поверхность, рано или поздно все становится известным) является дословной цитатой из Библии (Luke 8:17): *'For nothing is secret, that shall not be made manifest; neither any thing hid, that shall not be known and come abroad.'* (Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы [Лука, 8:17])¹³.

Выше мы упоминали, что двойное отрицание тесно связано с культурно-специфическими характеристиками речи и зачастую служит их созданию, т.е. созданию расплывчатых смыслов, двусмысленности,

эвфемизмов, сдержанной оценки, недосказанности и недоговоренности, мейосиса, иронии и сарказма.

Так, мейосис (от греч. *meiōsis* – уменьшение, убыль) – это фигура речи, используемая для преуменьшения интенсивности свойств предмета речи, каких-либо действий, состояний и т.п. Сдержанная оценка, выражаемая при помощи мейосиса, часто используется для достижения драматического эффекта и эмпазы. В повседневной речи мейосис иногда используется для создания мягкой иронии, особенно когда нечто яркое, зрелищное или впечатляющее описывается как *rather good* (неплохое) или словами похожего рода.

Мейосис, как объясняет Г. Фаулер¹⁴, – это использование недоговоренности и сдержанной оценки не в целях обмана, а для того, чтобы усилить впечатление, производимое на слушателя. Этот термин часто применяют к обозначению противоположного высказывания в отрицательной форме, которое в литературоведении называется литотой. Однако на самом деле в британском варианте английского языка прием мейосиса принимает много различных иных форм, которые можно противопоставить гиперболе. Этот прием очень распространен в разговорных, сленговых и жаргонных разновидностях английского языка (например, устаревшее на данный момент *Rather* (довольно-таки) в качестве эмпатического подтверждения, согласия и т.п. (*Do you like it? – Rather!* – не в смысле «несколько», «до некоторой степени», а в смысле «в высшей степени»). Излюбленной формой мейосиса, как уже говорилось, является литота, в которой утверждение делается косвенно, через отрицание своей противоположности, например *It was no mean feat* (Это было отнюдь не посредственное достижение).

Итак, мейосис как стилевая черта, а в некоторых случаях и как описание стилевой тональности, пронизывающей все произведение, часто используется для выражения положительных свойств, качеств и т.п. при помощи констатации отрицательного. Такая языковая манера может принимать различные формы: *I would not be truthful if I denied...* (Я погрешил бы против правды, если бы стал отрицать...). Г. Хауард, автор современного справочника по правильному словоупотреблению в английском языке¹⁵, считает самой распространенной формой мейосиса двойное отрицание типа **not un-**: *it is not unreasonable to ask...* (не будет необоснованным задать вопрос...); *she is not unintelligent* (она не лишена сообразительности); *you can't not respect their decision* (вы не можете отнестись неуважительно к их решению).

Мейосис – это языковой прием, позволяющий избежать необходимости выступить напрямую с откровенным высказыванием. Временами это может быть оправдано соображениями такта или доброжелательности: *It would not be unfair to say she did not look her best* (Не будет не-

справедливо сказать, что она выглядела далеко не самым лучшим образом). Однако Г. Хауард считает, что чаще всего такие высказывания обусловлены сладкоречием и боязнью высказываться прямо и откровенно. Он подчеркивает, что Дж. Орвелл в своем эссе 1946 г. «Политичность и английский язык» разоблачил эту хитрую уловку за ее уклончивость: *A not unblack dog was chasing a not unsmall rabbit across a not ungreen field* (Не совсем нечерная собака гонялась за не совсем немаленьким кроликом по не совсем незеленому полю).

Аналогичную двойному отрицанию функцию – использование недоговоренности и сдержанной оценки в целях усиления – выполняет заимствованное, как считает Г. Фаулер¹⁶, из американского варианта английского языка британской разновидностью употребление местоимения *some* («некоторый» в смысле «еще тот»), например: *This is some war* с сильным ударением на слове *some* является современным разговорным оборотом, который означает «Это колоссальная война» или «Это и в самом деле война, всем войнам война».

По мнению Фаулера, словоупотребление такого рода – следствие общей для британских и американских носителей английского языка любви к мейосису. Когда британец говорит *I'll see you further (i.e. in hell) first* (Сперва я тебя там, (т.е. в аду), увижу), т.е. произносит фразу, аналогичную русскому «Не дождетесь!», – это пример мейосиса, так же, как и *didn't half swear* (даже наполовину не матерился), т.е. матерился чудовищно, не стесняясь в выражениях – конструкция, которую данный авторитет в области английского словоупотребления квалифицирует как «странным образом инвертированную гиперболу». Фаулер иллюстрирует понятие мейосиса при помощи этих случаев словоупотребления «как самых близко знакомых носителю британского английского языка примеров». Он предлагает сравнить вышеприведенную фразу о войне с его собственным эквивалентом *something like a war* (нечто типа войны), который, как он справедливо считает, лишен пикантной необычности и нестандартности мейосиса.

В качестве доказательства приемлемости структур, аналогичных *didn't half swear* (т.е. «обратной гиперболе») в современной разговорной речи, можно взять пример из романа Д. Лоджа 'How Far Can You Go?' (Далеко можно с тобой зайти?)¹⁷. Между двумя героями произведения происходит диалог, содержащий следующие реплики:

'Jolly good,' said Edward. 'And did you remember to take the specimen?'

'Yes,' said Michael. 'Didn't half make me unpopular on the train, too.'

«Очень хорошо, – сказал Эдвард. – А ты не забыл взять образец?»

«Нет, – сказал Майкл. – Это даже наполовину не сделало меня непопулярным среди пассажиров этого поезда» (т.е. сделало его «чудовищно» популярным среди них).

Подобные выражения представляют особый интерес для русских, изучающих английский язык. Им необходимо делать сознательное усилие при попытке понять такие конструкции, поскольку в русском языке аналогов им нет. Можно сравнить предложение такого рода с возможным русским предложением, сказанным в шутку в сходной ситуации, «Благодаря этому я стал ужасно популярен у пассажиров этого поезда». Но такое предложение будет содержать преувеличение (гиперболу) для выражения противоположного смысла, ведь Майкл в данном случае пытается сказать о том, что пассажиры старались держаться от него подальше, так как он вез образец кала. Данный аналог можно также истолковать как свидетельство противоположных тенденций в английском (understatement) и русском (overstatement) языках.

В словаре Фаулера можно найти отдельный пункт статьи о частице *not*, посвященный выражениям, содержащим мейосис и перифраз. Он начинается с цитаты 1671 г., взятой из Большого Оксфордского словаря английского языка: *We say well and elegantly, not ungrateful, for very grateful* (Мы говорим красиво и элегантно «не лишенный благодарности», чтобы выразить смысл «очень благодарен»). Заметим, у Мильтона это была любимая фигура речи: *Eve was not unamazed at finding that a snake could speak, and Comus's well-placed words were baited with reasons not unplausible* (Нельзя сказать, что Ева не ощутила изумление, обнаружив, что змей обладал даром речи, и упорядоченные, уместные речи Комуса были снабжены приманками в виде соблазнительных причин, «не таких уж невероятных / неправдоподобных»).

Фаулер, этот авторитетный британский лингвист, посвятивший большую часть своих работ борьбе за чистоту и правильность английской речи, говорит в этой статье, что на данный момент (первое издание словаря вышло в 1926 г.) такая замена слова отрицанием его противоположности – это стертый и заезженный прием придания речи элегантности; заношенный вследствие чрезмерного употребления; стертый из-за губительного эффекта избитого шаблонного юмора с такими фразами, как *not a hundred miles from, not unconnected with, not unmindful of* и другими когда-то свежими выражениями. Но сама по себе популярность этой конструкции в английском языке является достаточным доказательством того, что в ней есть нечто близкое и родственное английскому темпераменту, и приятно считать, говорит Фаулер, что она обязана своим успехом у англичан упорной национальной неприязни к тому, чтобы выражаться слишком резко.

Очевидно, продолжает он, бывают контексты, в которых, например, употребить *not inconsiderable* более уместно, чем *considerable*; используя это выражение, мы как будто предвосхищаем и откладываем для дальнейшего рассмотрения (вместо того, чтобы не предусмотреть и

проигнорировать его) возможное предположение, что тот или иной предмет или явление являются незначительными. Верное решение в данном случае – признать, что эта конструкция с двойным отрицанием допустима, и затем избегать ее, кроме тех ситуаций, когда она более чем допустима.

Фаулер приводит примеры из ежедневной прессы, авторы которых едва ли станут утверждать, что благодаря двойному отрицанию предложение обрело элегантность или точность смысла, а скорее признают, что они использовали эту конструкцию, потому что у них не было оснований не использовать ее.

Возвращаясь к мейосису, можно отметить важность, распространенность и значимость его как языкового явления в британском варианте английского языка. На это указывает то, что мейосис неизменно упоминается в различных пособиях, справочниках и словарях, посвященных правильности английской речи. Заметим разительный контраст: нам удалось обнаружить объяснение мейосиса только в двух справочниках русского издания – энциклопедии «Русский язык» и терминологическом словаре-справочнике В.П. Москвина «Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры»¹⁸. Как правило, понятие мейосиса отсутствует даже в специальных литературоведческих справочниках и словарях русского издания, авторы которых, по видимому, считают вполне достаточным объяснить и проиллюстрировать лишь понятие литоты.

Справедливости ради следует признать, что между понятиями мейосиса и литоты есть довольно много общего. В английских словарях литота часто объясняется как то же самое явление, что и мейосис, или его разновидность. По мнению многих авторов, литота иногда ограничивается конкретным видом риторической недосказанности, в которой вместо требуемого утвердительного или положительного понятия используется противоположное ему в отрицательной форме. Например, в первом послании коринфянам Нового Завета фраза *I praise you not* (Не хвалю вас; Не похвалю) обладает эффектом экспрессивного «я обвиняю вас»; у Шекспира *I like it not* имеет эмфатическое значение «мне это неприятно (противно)». Литота как «обратная гипербола» активно используется в разговорной речи, в художественной и публицистической литературе: *just a second!* (одну секундочку!); *not a few* («не немного», т.е. «немало») означает огромное количество; *Not bad, eh?* (Неплохо, а?) – «великолепно»; *He is no coward* (Он отнюдь не трус) – он очень храбр; *at a stone's throw* (в двух шагах отсюда) – очень близко.

Хотя в чисто литературоведческом смысле литота – это образное выражение, содержащее непомерное преуменьшение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета или явления и характерное, таким

образом, для художественной речи, тем не менее некоторые английские авторы считают, что литота – это просто литературоведческий термин, синонимичный слову understatement (сдержанное суждение, недоговоренность, недосказанность), и что этот же смысл можно иначе выразить термином «мейосис»¹⁹. Литота часто передает сдержанное суждение, выражающее положительный смысл через отрицание: *She will not be altogether unhappy when the whole business is over* (Она не очень расстроится, когда все это дело завершится); *not averse to a drink* (не прочь выпить) и др.

Еще одно значение термина «литота» – «троп, близкий к эмпфазе и иронии; усиление значения слова путем двойного отрицания» (*небезызвестный* вместо *пресловутый*). Логически выражения с двойным отрицанием равны словам и оборотам, не содержащим отрицаний: «она будет счастлива, когда все это дело завершится», «хотел бы выпить», однако отличаются от последних тем, что передают **отношение** говорящего к обозначаемому действию или свойству, недостаточную уверенность его в том, что это действие или свойство проявляются в полной мере. Кроме того, такие высказывания являются смягченной формой выражения собственного мнения, несогласия с собеседником и т.п. Литота, понимаемая в таком смысле, является перифрастическим средством.

Некоторые современные британские романисты широко пользуются двойным отрицанием как языковым и стилистическим приемом. Так, весьма часто прибегает к нему Ник Хорнби в своем романе «Как быть добродетельным» (*How To Be Good*)²⁰. Например, в следующем диалоге главные герои – супруги – обсуждают измену жены; она говорит: *The affair's over. As of this second*. Муж отвечает ей: *I don't know about that. But I do know that no one asks Elvis Presley to play for nothing*. (с. 47) (...никто не просит Элвиса Пресли играть бесплатно.../...Элвиса Пресли никогда не просят поиграть бесплатно...) В данном случае высказывание имеет оттенок утонченной иронии или издевки со стороны говорящего за счет обобщающего характера фразы про Элвиса Пресли, которая явно может быть применена к описываемой ситуации лишь фигурально, в переносном смысле, и только в силу того, что очевидных, ярко выраженных аналогий между ними нет.

В следующем эпизоде главные герои обсуждают целителя ди-джея ГудНьюз, в сверхъестественные способности которого муж свято верит. *Is there nothing DJ GoodNews can't do?*— говорит жена (с. 45) (Неужели нет ничего такого, что было бы не под силу ди-джею ГудНьюз?). Иронический, или даже, скорее, саркастический подтекст вопроса героини, которая сама является врачом, таков: «неужели этот целитель ГудНьюз настолько могуществен, что ему под силу исцелить любого больного?»

Понятно, что утвердительный эквивалент типа «Этот твой ГудНьюз что, может абсолютно все?», также содержащий иронический компонент, гораздо более прямолинеен.

В одном из эпизодов романа героиня, обдумывая поведение мужа, делится своими размышлениями с читателями: *It may not surprise you to learn that David has not, up until this point, been a big fan of alternative medicine of any kind; he has argued forcefully, both to me and to the readers of his newspaper column, that he's not interested in any kind of cure that isn't harmful to small children and pregnant women, and that anyone who suggests anything different is a moron.* (с.36) (Вы, может быть, и не удивитесь, узнав, что Дэвид до этого момента не был пылким поклонником каких-либо разновидностей альтернативной медицины; он убежденно утверждал, обращаясь как ко мне, так и к читателям своей газетной колонки, что его не интересуют никакие способы исцеления, безвредные для маленьких детей и беременных женщин, и что любой, кому пришло бы в голову предположить нечто иное, просто кретин.) Можно сказать, что данный пример иллюстрирует тезис Д. Кристала о неприемлемости двойных отрицаний, поскольку их использование в предложении делает его весьма запутанным семантически, что представляет сложность для понимания. Создается впечатление, что это предложение как раз иллюстрирует то, что Фаулер называет проявлениями плеоназма, считая, что даже не требуется никакого особого анализа, чтобы доказать, как это разрушительно для смысла.

Описывая начало своего романа со Стивеном, повествовательница говорит: *The point is I'm nervous, and I'm nervous because I'm not meeting Stephen with the intention of telling him I never want to see him again.* (с. 26) (...я нервничаю, потому что иду на свидание со Стивеном не для того, чтобы сказать ему, что никогда больше не хочу с ним видеться...) Строго говоря, акцент, сделанный в данном предложении при помощи отрицательной формы 'I'm not meeting', не совсем верен, с точки зрения семантики было бы более точно сказать 'not with the intention'; таким образом, в данном предложении наблюдается сдвиг отрицательного смысла с одной формы на другую. Такое отрицание называется смещенным.

Повествуя о своей очередной ссоре с мужем, героиня говорит: *The row isn't worth talking about, really; it's just a row, between two people who actually don't like each other enough not to row.* (с. 21) (...это обыкновенная ссора между двумя людьми, которые не настолько сильно неприятны друг другу, чтобы не ссориться...) Главное достоинство используемого здесь двойного отрицания состоит в том, что с его помощью передаются тонкие семантические нюансы, характеризующие взаимоотношения героев произведения.

Роман начинается с описания звонка по мобильному телефону, который героиня делает своему мужу, чтобы сообщить, что она хочет с ним развестись, и ее рассуждений о значимости разговоров такого рода: *But for the majority of people, marriage-ending conversations happen only once, if at all. If you choose to conduct yours on a mobile phone, in a Leeds car-park, then you cannot really claim that it is unrepresentative, in the same way that Lee Harvey Oswald couldn't really claim that shooting presidents wasn't like him at all. Sometimes we have to be judged by our one-offs.* (с. 1) (...если вы предпочитаете вести разговор о том, что хотите прервать свой брак, по мобильному телефону, на автостоянке города Лидса, тогда вы вообще-то, строго говоря, не можете утверждать, что этот разговор показывает вас в неправильном свете, точно так же, как Ли Харви Освальд не мог, строго говоря, утверждать, что убийство президентов совсем не в его духе. Иногда о нас судят по тому, что мы сделали всего лишь один раз.) Отрывок явно ироничен, впечатление иронического отношения героини по отношению к самой себе как раз и создается благодаря двойному отрицанию.

Проводя параллель между положением, в котором она оказалась, и воображаемой ситуацией: вы входите в комнату, за вами захлопывается дверь и вы обнаруживаете, что у вас нет ключа, – повествовательница, пытаясь высказать мысль о том, что все не так уж и безнадежно, сообщает: *You try out the chair, and you realize that it's actually not uncomfortable, and there's a TV, and a couple of books, and there's a fridge stocked with food.* (с. 20) (Вы пробуете посидеть на стуле и начинаете понимать, что он на самом деле не такой уж и неудобный...) Функция отрицания здесь состоит в уточнении оттенка значения признака: если бы автор сказал, что стул удобный, это могло бы быть проявлением другой, более конкретной степени выраженности признака «удобность стула» – смысл здесь заключается именно в том, чтобы показать, что все не так уж и плохо.

В середине действия романа героиня рассказывает о своих изменившихся чувствах: *I would like David not to be angry any more. I would like him to recognize that his life is OK, that his children are wonderful, that he has a loyal and loving and – sod it – a not unattractive or unintelligent wife, and enough money for babysitters and meals out and the mortgage...* (с. 63) (...что у него верная, и любящая, и – черт возьми – не такая уж и непривлекательная или неумная жена...) Как и в предыдущем примере, функция двойного отрицания заключается в передаче семантических нюансов, в уточнении степени выраженности признаков «привлекательность» и «ум».

Легко заметить, что лишь некоторые из приведенных примеров – пример со стр. 36 и, возможно, пример со стр. 47 вследствие расплывча-

тости смысла – подтверждают тезис Д. Кристала о сложности для понимания и стилистической неприемлемости двойного отрицания. Большинство же примеров, имея достаточно прозрачную смысловую структуру и не вызывая у читателя каких-либо трудностей, служат целям семантической нюансировки и стилистической окрашенности.

Двойное отрицание вообще довольно часто встречается в этом романе Ника Хорнби: (1) *Tom thumped him twice because he can't not, so the best thing to do is keep them apart, not put them together* (Том отдубасил его два раза, потому что он *не может не побить его*, поэтому лучше всего держать их отдельно, а не оставлять вместе) (с. 177); (2) *I took marriage vows, I broke them, and I can't unbreak them* (Я взяла на себя брачный обет, я нарушила его, и я *не могу сделать его снова ненарушенным*) (с. 178); (3) — *I don't want to have to look at photos of Molly's ninth birthday party and try to remember who the hell she spent it with. — Why not? We don't know hardly anyone in our wedding photos any more.* (— Я не хочу оказаться в положении, когда мне придется смотреть на фотографии вечеринки по поводу дня рождения Полли, когда ей исполнилось девять лет, и пытаться вспомнить, с кем же она, черт побери, ее провела, кто же был на этом дне рождения. — Почему? Мы сейчас уже *едва ли не помним кого-нибудь* из тех, кто есть на наших свадебных фотографиях.) (с. 183); (4) *The trick, it seems to me, is to stave off regret. That's what the whole thing is about. And we can't stave it off for ever, because it is impossible not to make the mistakes that let regret in, but the best of us manage to limp on into our sixties or seventies before we succumb.* (Фокус, как мне кажется, состоит в том, чтобы отсрочить сожаление и раскаяния. Вот в чем вся суть. А отсрочить их навсегда мы не можем, потому что *невозможно не делать* те ошибки, которые влекут за собой сожаления и раскаяние, но лучшим из нас удастся доковылять до шестидесяти, семидесяти или дольше, прежде чем мы согнемся.) (с. 201); (5) *I'm not going to say that life is unfair. I refuse.* (Я *не буду говорить, что жизнь несправедлива*. Я отказываюсь.) (с. 234); (6) *It's not exactly that I don't believe in it. More like, I dunno, I don't not believe in it.* (Дело не то чтобы в том, что я не верю в это. Скорее похоже на то, что я не знаю, я *не не верю* в это.) (с. 224); (7) — *'You bought that chicken deliberately,' I say to him. — 'Deliberately? Well, it wasn't an unconscious purchase, if that's what you mean.'* — *'You know that's not what I mean.'* — *'OK. I wasn't entirely unaware of your promise to Brian and Molly when I put it in the trolley.'* (— Ты купил этого цыпленка нарочно, — говорю я ему. — Нарочно? Ну, это *не было произвольной* покупкой, если ты это имеешь в виду. — Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду не это. — Ну хорошо. Я *не могу сказать, что абсолютно ничего не подозревал* о твоём обещании Брайану и Молли, когда клал его в тележку.) (с. 240).

Формы выражения двойного отрицания, наблюдающиеся в приведенных примерах, таковы: 1. can't not; 2. can't unbreak; 3. don't know hardly anyone; 4. impossible not to make; 5. I'm not going to say that life is unfair; 6. it's not exactly that I don't believe; 6a. I don't not believe; 7. it wasn't an unconscious purchase; 7a. I wasn't entirely unaware. Любопытно, что третий пример подтверждает тезис Д. Кристала о сложности для понимания и стилистической неприемлемости двойного отрицания: героиня, произносящая эти слова, делает смысловую ошибку (явный случай плеоназма): можно сказать либо *we hardly know anyone any more*, либо *we don't know anyone any more*, но нельзя сказать то и другое вместе. Во втором примере используется окказионализм *unbreak*, который позволяет точно и компактно выразить мысль героини. Седьмой пример показывает, насколько мейотическая конструкция *not un-* удобна при словесном «перетягивании каната» во время ссор, когда спорящие придираются к малейшим оттенкам смысла. Все остальные примеры обеспечивают точную передачу нюансов, оттенков и полутонов значения и таким образом доказывают высокую коммуникативную ценность и семантическую пользу двойного отрицания.

Интереснейшие примеры использования двойного отрицания, которое ведет к расплывчатости смысла, даны в одном из эпизодов романа Стивена Фрая «Лжец»²¹. В нем представлена ситуация, когда университетский профессор-литературовед Тим Андерсон дает интервью телевидению по поводу случайно обнаруженной в университетской библиотеке рукописи, принадлежащей, как подозревают специалисты, Чарльзу Диккенсу. (Читатель знает из предыдущего повествования, что данная рукопись – подделка, созданная главным героем.) Эта сенсационная находка позволит университету потребовать субсидий на штат исследователей, которые проведут процедуру идентификации рукописи (атрибуции), привлечет внимание общественности к работе университета и повысит статус кафедры английской филологии.

Задача Тима Андерсона во время интервью – не разуверять публику в предположительном авторстве Диккенса, ибо это может привести к нежелательным результатам. С этой целью он обращается к сложным синтаксическим построениям, в которых значительную роль играет двойное отрицание. Так, в начале интервью Тим Андерсон говорит: *I don't believe that the comparison with 'Oliver Twist', seductive and engaging as I would be the last to deny it being, is as valid as a first glance might allow* (Я не считаю, что сравнение с «Оливером Твистом», при всей его соблазнительности и привлекательности, которые я бы ни в коем случае не стал отрицать, столь неоспоримо, как могло бы показаться с первого взгляда).

Трудности, которые испытывает слушатель при восприятии смысла данного сложноподчиненного предложения, вызваны следующим: сказуемое главной части (*don't believe*) имеет отрицательную форму, которая относится ко всему предложению в целом; синтаксическая структура предложения включает довольно сложное вставное придаточное с инверсией (*seductive and engaging as I would be the last to deny it being*) и сравнительный оборот (*the comparison is as valid as a first glance might allow*). В общем и целом синтаксическая и смысловая сложность предложения таковы, что точное его понимание возможно только при предъявлении последнего в письменной форме (что позволяет читателю перечитать предложение и вникнуть в его смысл); при восприятии же на слух у слушателя может лишь возникнуть общее впечатление сложности и неопределенности высказывания.

Далее в интервью Тим Андерсон замечает: *I'm not going to consider failing to grant you the presence of narrative echoes* (Я не собираюсь рассматривать возможность оказаться неспособным предоставить вам шанс допустить присутствие повествовательных созвучий). Это предложение отличается тем, что имеет «якобы простую» синтаксическую и весьма сложную семантическую структуру. Синтаксически оно осложнено тем, что сказуемое *am not going to consider* является составным глагольным и имеет отрицательную форму, а прямое дополнение *failing to grant* (в данном случае возможна и альтернативная трактовка этого выражения как еще одной части составного глагольного сказуемого, но тогда уже чрезвычайно сложного), выражено сочетанием герундия с инфинитивом. Семантическая сложность предложения, в частности, заключается в том, что эксплицитное отрицание *I'm not going to* сочетается с утвердительной формой глагола *to fail*, который содержит отрицательный компонент в самой своей семантике: «терпеть **не**удачу; **не** сбываться, **не** удаваться; **не** оправдать ожиданий; быть **не**достаточным, **не** хватать» и т.п.

Еще одно предложение Тима Андерсона: *That is not substantially incorrect* (По сути своей это не является неправильным) – также содержит двойное отрицание и, как и вышеприведенные примеры, требует осуществления определенных умственных (логических) операций для правильного понимания смысла. Хотя формально это предложение более или менее эквивалентно выражению *That is substantially correct*, по своему коммуникативному смыслу оно отличается тем, что имеет многослойный характер: вместо подтверждения утвердительного высказывания, оно как бы содержит отрицание возможной негативной оценки.

Можно привести еще несколько подобных конструкций из интервью Тима Андерсона: *...that is far from wrong...* (это отнюдь не является ошибочным); *... I am not confident that it isn't Dickens...* (я не могу уверенно

утверждать, что этот текст не принадлежит Диккенсу); ... *I don't think it insignificant that...* (я не считаю незначительным то, что...); ... *she was not unaware of its potential lack of insignificance...* (нельзя сказать, что она не осознавала отсутствие у нее, т.е. рукописи, потенциальной возможности оказаться маловажной).

По ходу интервью Тим Андерсон задает риторический вопрос с двойным отрицанием: *Would he not have destroyed the manuscript if he never wanted it read?* (Неужели бы он не уничтожил рукопись, если бы он не хотел, чтобы она была прочитана?). Одна из следующих его реплик: *I cannot deny myself the right to believe that he left it to be found* (Я не могу отказать себе в праве верить в то, что он оставил ее (т.е. рукопись), чтобы ее нашли) – содержит отрицательную форму глагола *deny*, который сам по себе имеет отрицательный компонент в своей семантике («отрицать, **не** признавать; отказывать, **не** давать и т.п.»).

В одной из последних своих реплик Тим Андерсон говорит: *If it exists we are not doubtful of locating the residue* (Если остаток рукописи существует, мы не сомневаемся в своей способности обнаружить его), сочетая прилагательное с отрицательной семантикой *doubtful* «сомневающийся; нерешительный; сомнительный, неясный; неопределенный» с отрицательной частицей *not*. Данный пример может служить иллюстрацией того тезиса, что структура с двойным отрицанием в одном языке (*we are not doubtful*), обладающая довольно высокой потенциальной неопределенностью смысла, иногда не может быть передана с помощью другого языка иначе, как вполне понятным и простым по своей семантике предложением потому, что в этом языке отсутствуют необходимые эквивалентные единицы. Подобные примеры показывают, что структуры с двойным отрицанием, создающие двусмысленность, выражающие неопределенность, уклончивость, могут быть более распространены и частотны в одном языке по сравнению с другим. Так, выражение *This was not unknown* (из романа Д. Лоджа), не представляется возможным перевести иначе, как «Такие случаи бывали / были известны», т.е. вполне прозрачным по своему смыслу предложением (так же, как предложение *Nobody has no friends* следует перевести утвердительно: «У всех есть хоть какие-нибудь друзья»).

Возвращаясь к роману, в котором речевой портрет Тима Андерсона играет значительную роль, можно остановиться на следующем повороте сюжета, когда вопрос о рукописи обсуждается на заседании кафедры. Всем становится ясно, что найденная рукопись – это подделка, и ученые приходят к выводу о необходимости политически приемлемого поведения для того, чтобы не быть выставленными на посмешище (университет уже продал права на теле- и киноэкранизацию романа) и не лишиться субсидий, выделенных на исследования.

Заявление для общественности предлагается сделать тому же Тиму Андерсону, который реагирует на это предложение высказыванием, начинающимся следующим образом: *I'm unsure as what the tension between the ethical boundaries and the margins of pragmatism might announce themselves to be in a situation which...* (Я не уверен в том, каким может оказаться напряжение между этическими границами и допустимым пределом прагматизма в ситуации, которая...).

Составитель данного заявления, полиглот и космополит профессор Трефусис (который с самого начала знал о том, что рукопись поддельная, но публично до настоящего момента лишь выражал сомнения в ее аутентичности) комментирует стиль речи Тима Андерсона так: «You see? Tim will do splendidly. His is the only major European language I still find myself utterly unable to comprehend. The press will be bored... (Видите? Тим прекрасно подходит для выполнения этой задачи. Его язык – это единственный крупный европейский язык, который, как я нахожу, я по-прежнему полностью неспособен понимать. Пресса начнет скучать...). В другом эпизоде, беседуя с главным героем (о подделке им рукописи профессор знал с самого начала), Трефусис и сам употребляет двойное отрицание: «*This is the second time you have failed to disappoint me* (Вам не удалось разочаровать меня уже второй раз / Вы оказались неспособны разочаровать меня уже второй раз)».

Обратим внимание на еще одно высказывание Тима Андерсона: *I would be laying myself open to a charge of being mistaken if I attempted to resist the argument that the character of Flinter is a development of both Nancy and the Artful Dodger which we can't be afraid to recognise takes us into a more terrified Dickens, a more, if you like, Kafkaesque Dickens* (Я бы подставил себя под возможный огонь критики в том, что ошибаюсь, если бы попытался возражать против того аргумента, что Флинтер как персонаж является развитием как Нэнси, так и Хитроумного Доджера, что, как мы без страха признаем, отсылает нас к еще более ужаснувшемуся Диккенсу, более, если хотите, кафкаподобному Диккенсу). Данное предложение осложнено синтаксически, семантически и тематически: в нем употреблено сослагательное наклонение, оно сложноподчиненное, содержит имена литературных персонажей (в том числе два имени персонажей «Оливера Твиста» Диккенса, широко известных англоговорящим читателям) и аналогию, проведенную между Диккенсом и Кафкой. Как пример не всегда оправданного семантического усложнения речи можно также взять следующее предложение Тима Андерсона: «*I believe that I think it of immense value to express doubts* (Я полагаю, что считаю имеющей колоссальную ценность возможность выразить сомнения)».

Таким образом, как показывает анализ приведенных конструкций с двойным отрицанием из романа «Лжец», их основная функция в рече-

вой характеристике героя – создать впечатление заумной, усложненной и запутанной речи, весьма трудной для понимания.

Двойные отрицания встречаются и в романе Дэвида Лоджа ‘Ginger, You Are Barmy’ (≈Рыжий, ты свихнулся)²²: *At one point, indeed, it had seemed not impossible that he might be discharged from the army altogether. This was not unknown* (На самом деле, в какой-то момент даже показалось, что *не лишено возможности*, что его могут совершенно демобилизовать из армии. Такие случаи *были известны*.) (с. 83); *Clearly Corporal Baker, who was in charge of the firing at the time, was seriously negligent here; and you may feel that in other ways his conduct was not beyond reproach* (Ясно, что капрал Бейкер, который отвечал за стрельбы в тот момент, проявил серьезную халатность в этом вопросе; ощущается также, что и в других отношениях его поведение *не было безукоризненным*). (с. 109)

Можно привести также пример из статьи Олдоса Хаксли «Врата восприятия»²³: *It consists solely in his ability to render, in words or (somewhat less successfully) in line and colour, some hint at least of a not excessively uncommon experience* (с. 46) (Его уникальность состоит единственно в умении передать словами или (менее успешно) при помощи рисунка и цвета, по крайней мере отголосок этого, *присущего не ему одному* опыта) (с. 358). Так же, как и в случае с подбором эквивалентов прилагательным типа *небезосновательный*, подобрать переводческий эквивалент с двойным отрицанием переводчику не удалось, таким образом, литота при переводе утрачивается.

В связи с вопросом об оттенках смысла, передаваемых конструкциями с двойным отрицанием, интересно провести анализ выражений, встречающихся в известной статье Д. Болинджера ‘*A Not Impartial Review of a Not Unimpeachable Theory: Some New Adventures of Ungrammaticality*’ (Небеспристрастный обзор небезукоризненной теории: некоторые новые приключения грамматической неправильности)²⁴. Полемизируя со сторонниками стандартной теории трансформационно-генеративной грамматики, выдающийся американский лингвист, с одной стороны, в качестве иллюстративного материала использует значительное количество выражений типа *a not erroneous / incorrect assessment, a not superlative achievement, a not presumptuous request, a not excruciating failure* и т.п., поскольку именно конструкции такого рода составляют материал, по поводу которого разворачивается полемика, а с другой – включает их в свою собственную речь, т.е. собственно текст статьи, например: *their attempt... makes the not uncommon mistake...*

Как видно из примеров, Болинджер анализирует не только двойные отрицания, но, шире, конструкцию «*a not* + прилагательное в атрибутивной функции + определяемое существительное» (*a not+attr+N*). Если

попытаться подобрать русские эквиваленты к используемым автором словосочетаниям, то это будут выражения типа: «не самая ошибочная (неточная, неправильная, неверная) оценка», «не самое высочайшее достижение», «не самая бесцеремонная просьба», «не самый мучительный (невыносимый) провал», «в своей попытке они... делают не такую уж редкую (необычную) ошибку». Иначе говоря, найти морфологически точные эквиваленты (которые состояли бы из отрицательной частицы и прилагательного с отрицательной приставкой, т.е. представляли бы «чистые» случаи двойного отрицания) не удастся и придется использовать конструкцию «отрицание + превосходная степень прилагательного» или др.

Кроме этой, Болинджер рассматривает и другие атрибутивные конструкции, например: *a too unusual sight, too unusual a sight, a not unusual sight, not an unusual sight, a remark neither snide nor mean, a neither snide nor mean remark, his behaviour is indeed insufferable* – но делается это в целях сопоставления с конструкцией «a not+attr+N», для того чтобы более убедительно представить выводы, вытекающие из анализа.

Статья Болинджера представляет особый интерес для разработки нашей темы, так как в ней автор высказывает ценные замечания, касающиеся смысла конструкций с двойным отрицанием, а также семантических ограничений, которые действуют в языке, делая некоторые случаи двойного отрицания приемлемыми, а некоторые – нет. Опираясь на положения этой статьи, можно объяснить, в чем причина вопиющей неприемлемости вышеприведенного предложения из эссе Дж. Орвелла: *A not unblack dog was chasing a not unsmall rabbit across a not ungreen field*. Заметим, что одним из критериев приемлемости / неприемлемости приводимых выражений, содержащих двойное отрицание, является смысл прилагательного (другой критерий, по Болинджеру, – ритмическая структура выражения). Прилагательное должно иметь смысл, допускающий градуирование (grading), иначе говоря, это должно быть качественное прилагательное. В основе семантической структуры градуируемых прилагательных лежит качественный признак, они допускают ранжирование по шкале интенсивности от минимальной выраженности этого признака до максимального, что определяет два основных семантических свойства таких прилагательных: способность 1) иметь степени сравнения и 2) сочетаться с интенсификаторами (наречиями степени) типа *too, very* и *less*.

Перечислим наиболее интересные случаи двойного отрицания, приводимые Болинджером: *a not reprehensible desire* (не предосудительное желание); *a not preposterous assumption* (не совсем бессмысленное предположение / предположение, не так уж и противоречащее здравому смыслу); *a not presumptuous request* (не такая уж и бесцеремонная

просьба); *her not indescribable suffering* (ее не такие уж и неопишуемые страдания); *a not inimical attitude* (не такое уж недружелюбное / неприязненное / враждебное отношение); *a not inept performance* (не такое уж неумелое / бездарное выступление); *a not insipid dish* (не такое уж безвкусное блюдо); *Her not innocuous remarks, I can well see* (Ее не такие уж безобидные замечания...); *a not unexpected event* (не такое уж неожиданное событие).

В указанной статье Болинджер опровергает гипотезу сторонников трансформационно-генеративной грамматики, утверждающих, что причина неприемлемости некоторых выражений с двойным отрицанием заключается в том, что прилагательное нельзя разложить на отрицательную приставку и корневое прилагательное, которое само по себе могло бы сочетаться с частицей *not*. Болинджер показывает, что хотя между *inordinate* и *ordinate* больше уже нет никакой семантической связи, тем не менее, следующее выражение совершенно приемлемо: *A not inordinate demand, you will surely agree* (Не такое уж и чрезмерное / непомерное требование)... То же самое можно сказать про *inadvertent* и *advertent*, семантическая связь между которыми очень незначительна, однако двойное отрицание с этим прилагательным вполне возможно: *A not inadvertent mistake, I assure you* (не такая уж и неумышленная / непреднамеренная / нечаянная ошибка). Если *a not surprising event* настолько же приемлемо, как и *a not unexpected event*, тогда семантическая благовидность слова *expected* к делу не относится.

Кроме критерия ритмически приемлемой структуры высказывания Д. Болинджер останавливается также на роли контекста, определяющего оттенки смысла того или иного выражения с двойным отрицанием. Он показывает, что интонация подтверждает градуируемость прилагательного. Скажем, произнесенное сухо и нейтрально, выражение *??A not illiterate letter* подразумевает, что слово *illiterate* употреблено в абсолютном смысле. Но если произносящий это пытается смягчить чью-то уничтожающую критику стиля упоминаемого письма, сказав:

A lit
 e
 not r ter, ly?
 a
 t
 il e
 let sure

тогда слово *illiterate* относится к крайней степени неграмотности. Но, говорит этот американский лингвист, было бы неверно отмечать все

случаи абсолютных прилагательных звездочкой, и предлагает рассмотреть параллельные антонимы *complete* и *incomplete* в следующем контексте:

Your squib is incomplete. – I deny that. – I'm afraid you'll have to accept my judgement. A not incomplete one would at least have the punctuation corrected.

Разница здесь объясняется тем, что контраст необходимо предъявлять (формулировать) эксплицитно: невозможно сказать **He handed me a not incomplete report*, в отличие от *He handed me a not uninteresting report* – высказывание, которое не требует эксплицирования исходной presupпозиции в такой степени, как предыдущее.

Д. Болинджер говорит, что авторы, с которыми он полемизирует, за поиском приемлемых объяснений обращаются, в частности, к прагматике: существуют стратегии восприятия, согласно которым структура приписывается определенной цепочке слов не на основе фактических компонентов, а на основе того, что предвосхищается (чего ожидает слушатель или читатель). Эти авторы считают, что нечто подобное происходит с выражениями типа *not unhappy*. Конструкция *adv. + adv. + adj. + noun* настолько широко распространена в английском языке, что она создает некоторые ожидания у слушающего или читающего:

somewhat badly expressed idea
altogether neatly conceived plan
less unmistakably hostile attitude
not thoroughly agreeable stance
not very happy boy
not too clever idea

Как считают эти авторы, мы подсознательно учитываем эту модель и ошибочно делаем «ложный анализ» таких структур, как *not unhappy*, или *not underdeveloped*, или *not supersaturated*, воспринимая их так, как если бы приставка была отдельным наречием. Однако, подчеркивает Д. Болинджер, эти авторы слишком узко определяют шкалу значений рассматриваемых выражений: они утверждают, что конструкция «*not + neg*» имеет смысл 'slightly to moderately', т.е. диапазон значений от «слегка выраженное качество» до «умеренно выраженное качество». Таким образом, *not unhappy* означает *slightly to moderately happy* (счастливый в диапазоне от слегка до умеренно выраженной степени счастья). Но загвоздка здесь в том, объясняет этот лингвист, что отрицательные формы могут быть разными в зависимости от того, имеет ли базовая основа положительный или отрицательный смысл (Д. Болинджер называет это 'favourable / unfavourable base word').

Так, *ungenerous* представляет собой приставку *un-* плюс положительная основа; *unselfish* же – это *un-* плюс отрицательная основа. Тенденция здесь, как считает Д. Болинджер (подчеркнув, что считает это именно всего лишь тенденцией), заключается в том, что прилагательные типа *ungenerous* принимают нерезкое значение, когда употребляются с отрицанием; прилагательные же типа *unselfish* склоняются к более крайним и ярко выраженным значениям: в то время как *not ungenerous* действительно означает «обладающий щедростью от слегка до умеренно выраженного проявления этого качества», т.е. «не такой уж невеликодушный», «не такой уж неблагородный», «нескупой», *not unselfish*, выражаясь словами Болинджера, значит ‘pretty damn selfish’ («чертовски эгоистичный»); если использовать двойное отрицание, то «небескорыстный», т.е. весьма и весьма корыстный). Причина заключается в общих условиях употребления: *not unselfish*, скорее всего, будет употребляться иронически-эвфемистично. Другими примерами будут *not impartial* «небеспристрастный», *not inexpensive* «недешевый», *not undemanding* «весьма требовательный». Но значение не зависит напрямую от значения основы – существенным является значение прилагательного, не разложенного на свои морфологические элементы. Прилагательное *ingratiating* «располагающий; чарующий; вкрадчивый, заискивающий» в целом имеет положительное значение и отрицательной приставки не имеет, но *a not ingratiating manner*, скорее всего, будет воспринято как ‘a pretty disagreeable manner’ (довольно неприятная манера).

Итак, как видим, важным фактором, определяющим смысл выражения с двойным отрицанием, является как бы «экстремальность» значения прилагательного, т.е. его способность передавать крайнюю степень выраженности какого-либо качества. Чем менее резко выражено значение прилагательного, тем больше вероятность, что при отрицании оно не будет выражать крайних значений, и ‘not unhappy’ принадлежит как раз к такому типу. Прилагательное же с более ярко выраженным значением как бы поляризует шкалу, что в результате дает значения типа болинджерова ‘pretty damn + adj’. Например, этот лингвист перефразирует *a not infinite (infinitesimal) amount* как ‘a pretty damn small (large) amount’ (не такое уж бесконечно большое / малое количество, т.е. «не так уж и много» / «не так уж и мало»); в выражении же *a not excessive (insignificant) amount* (не такое уж избыточное / незначительное количество) более слабые синонимы приводят, как он считает, к тому, что значения не поляризуются и остаются средними.

Еще один фактор, который, как можно ожидать, влияет на смысл конструкции, – это интонация, которая может усиливать или ослаблять значение, выражаемое прилагательным.

Нужно отметить, что, как можно видеть из приведенного материала, прилагательные, которые употребляются в этой конструкции, бывают, как правило, двусложными или трехсложными, что указывает на их заимствованный характер и на то, что они не принадлежат к базовому, исконному англосаксонскому словарному запасу и чаще всего являются стилистически маркированными, а именно характерными для литературной речи и регистра интеллективного общения.

Мы уже отмечали, что некоторые английские авторы считают, что литота, understatement (сдержанное суждение, недоговоренность, недосказанность) и мейосис – синонимы. Поскольку understatement часто называется одной из наиболее заметных черт английского речевого поведения (и даже одной из важных черт национального характера), попробуем рассмотреть, как двойное отрицание используется для выражения сдержанной оценки. Для нашей темы важно следующее: в то время как в русском языке такие слова, как «недосказанность», «недоговоренность» и выражение «сдержанная оценка» являются просто общеупотребительными словами, в английском языке understatement приобрело нечто вроде терминологического статуса и употребляется в словарях как термин, отражающий явление, распространенное в английской речи. В пособиях по английскому языку, в справочниках и словарях это слово используется как повседневный синоним наряду с научным филологическим словом «мейосис».

Эрик Партридж в своем многократно переиздававшемся словаре «Usage and Abuse. A Guide to Good English (Использование языка и злоупотребление им. Путеводитель по правильной речи на английском языке)»²⁵ называет understatement величайшей добродетелью англичанина ('the supreme virtue of an Englishman'). Согласно Эрику Партриджу, если англичанин говорит: «*I dislike that woman* (Мне не очень нравится эта женщина)», этой женщине следует удалиться из поля его зрения как можно быстрее (в данном контексте любопытно то, что сам Эрик Партридж также не употребляет слова типа «ненавидит», «противна» и т.п.); если же англичанин говорит, что какое-то неожиданно возникшее препятствие или неприятность «*is rather a nuisance* (это довольно-таки неприятно)», он на самом деле имеет в виду, что это адски отвратительно и мерзко или крайне неудачно, плачевно и достойно величайшего сожаления. Эрик Партридж предупреждает, однако, что, если в речи недоговоренности такого рода, недовыраженность смысла в общем и целом действительно положительно характеризуют говорящего (т.е. «являются добродетелью», если использовать его терминологию), то в письменных произведениях они с легкостью могут вводить читателя в заблуждение. Совет, который он формулирует в конце этой словарной статьи, заклю-

чается в следующем: не злоупотребляйте британской сдержанностью и английским мейосисом.

(Любопытно отметить, что предисловие к этому словарю Партриджа, написанное Джанет Уиткут, редактором издания 1994 г., заканчивается предложением, содержащим именно это явление – выраженную двойным отрицанием сдержанную оценку: «*I hope the result is not too uneasy a blend of the old and the new* – надеюсь, в результате получился не слишком неуклюжий сплав старого и нового».)

Это же явление (understatement) подробно рассмотрел У. Дж. Болл в своей статье в журнале 'English Language Teaching'²⁶. Этот автор отмечает, что двойное отрицание – это одно из средств выражения сдержанной оценки. Может показаться, что в данном случае оно функционирует по алгебраическому принципу $-y \times -y = +y$, и поэтому в нем мало смысла. Однако на самом деле оно используется, чтобы выразить некоторую степень выделенности (эмфазы) или некоторую меру подразумеваемого (подтекста). В отличие от греческого языка, говорит автор, два отрицания в английском не отменяют смысл друг друга (если, конечно, не принимать в расчет просторечие). *I'm not unaware of the fact* содержит отрицательную приставку *un-* и отрицательную частицу *not*. Однако отсюда не следует, что значение этого предложения идентично выражению 'I am aware of the fact'. Автор подчеркивает, что наиважнейшую роль здесь играет контекст. *I'm not unaware of the fact* можно произнести со слегка презрительной интонацией, подразумевая этим: «Мне не нужны напоминания об этом, а уж Ваши-то в последнюю очередь». Далее он приводит пример двойного отрицания, использованного с целью «осудить при помощи тонкой похвалы» (damning with feint praise): «*Brubeck, who is not entirely without musical ability, lacks the essential creative wherewithal to lay down really spontaneous and stimulating jazz* (У Брубэка, который не вполне лишен музыкальных способностей, недостает необходимых и существенных творческих сил, чтобы выдавать понастоящему непосредственный и волнующий джаз)». В данном контексте выражение *not entirely without musical ability*, по мнению автора, отчетливо является преднамеренно снисходительным и пренебрежительным.

Далее У. Дж. Болл приводит пример из передовой статьи газеты «Таймс», в которой обобщалось состояние дел с авиационной безопасностью: «*No air operator in Britain is unfit to run his airline: no aircraft, however aged, is unfit to fly* (Ни одна авиакомпания не названа как неспособная обслуживать авиалинии; ни одно летательное средство, каким бы старым оно ни было, не является непригодным для полетов)». Автор поражается тому, что эти выводы названы среди обнадеживающих результатов правительственного расследования безопасности воздушного

пространства. В какой момент, задается он вопросом, вы становитесь неспособны обслуживать авиалинию? Если вы всего лишь на йоту не вполне способны обслуживать ее, тогда, по логике вещей, вы уже не способны ее обслуживать. Я сомневаюсь, говорит он, что вы можете быть лишь минимально способны обслуживать авиалинию. И я сомневаюсь, продолжает он далее, что вас утешит, что самолет, на котором вы летите, «каким бы старым он ни был», *не является непригодным* для полетов.

Еще один пример двойного отрицания взят У. Дж. Боллом из «Бизнес-приложения к газете “Таймс”» от 18 ноября 1968 г.: «*The fact that the economy has expanded about 1 per cent faster this year than was expected at the time of the Budget is not evidence that devaluation is not working* (То, что экономика развивалась примерно на 1 процент быстрее в этом году, чем ожидалось на момент принятия бюджета, еще не является свидетельством того, что девальвация не работает)». Как я это понимаю, говорит автор, это, кажется, означает, что увеличение на 1 процент скорости экономического развития, в принципе, нехорошо, но само по себе это не является свидетельством того, что девальвация провалилась. Он считает, что в этом примере двойное отрицание вводит читателя в заблуждение. Оно не означает, что увеличение на 1 процент *является* свидетельством того, что девальвация *оказывает свое действие*, но возможность такого толкования явно не пришла в голову тому, кто это написал.

Далее У. Дж. Болл сравнивает три предложения, смысл которых, на первый взгляд, кажется идентичным:

1. *It is not unusual for the train to be late.*
2. *It is usual for the train to be late.*
3. *The train is usually late.*

Анализируя эти три предложения, автор говорит, что второе – это категоричное утверждение, которое подразумевает, что в график работы этого поезда как бы встроено запаздывание – он как будто бы запрограммирован приходить с опозданием. Третье является типичным разговорным преувеличением и означает всего лишь, что, по опыту говорящего, этот поезд несколько раз опоздал. Первое же предложение выражает сдержанное суждение: в нем нет намерения подчеркнуть привычное запаздывание поезда, хотя оно определенно привлекает к нему внимание. Этот пример, говорит автор, стоит в одном ряду с библейским *A prophet is not without honour, except in his own country*, которое всего-навсего означает ‘A prophet has honour, except in his own country.’

Итак, заявляет У. Дж. Болл, сдержанное суждение может употребляться для эмфазы, и все же эмфаза не всегда особенно заметна. Он приводит несколько примеров сдержанных суждений (правда, не со-

державших двойных отрицаний), демонстрирующих, что степень подчеркивания и выделения может быть различной и что то же самое можно сказать про слова *quite* и *rather*. Скажем, *Rather unsatisfactory* оставляет некоторое пространство для сочувствия (он употребляет слово *compassion* «сострадание») и осторожности.

Популярность двойного отрицания в разговорной речи отражают «ходячие фразы», т.е. броские, запоминающиеся фразы из популярных фильмов, песен, телепередач и т.п., такие, как *You ain't heard nothin' yet* и *You ain't seen nothin' yet*²⁷. Обе фразы имеют просторечный синтаксис и произношение; двойное отрицание в данном случае также можно отнести к просторечным чертам. Первая фраза является предсказанием того, что вот-вот появится нечто еще лучше или поразительнее того, что вы только что услышали, и приписывается американскому певцу Алу Джолсону. Первое упоминание об этой фразе гласит, что она была использована певцом в кафе в 1906 г., когда ему пришлось петь так, чтобы перекричать шум с соседней стройплощадки, и он сказал: *You think that's noise – you ain't heard nuttin' yet*. Затем это выражение стало знаменитым в 1918 г., когда Ал Джолсон нечаянно выкрикнул его на сцене во время концерта в Нью-Йорке, организованного в помощь солдатам, участвовавшим в Первой мировой войне. Он выбежал на сцену после воодушевляющего исполнения Энрико Карузо еще до того, как стихли аплодисменты, простер руки в сторону аудитории и выпалил: *Folks, you ain't heard nothing yet*.

Выражение же *you ain't seen nothin' yet* – это модификация этой фразы Ала Джолсона, которая была популяризирована бывшим американским президентом Рональдом Рейганом, когда он превратил ее в своего рода лозунг в своей повторной предвыборной кампании во время президентских выборов 1984 г. Эта фраза была специально отобрана, чтобы, с одной стороны, подразнить его политических оппонентов, а с другой, задать разговорный и популярный в народе тон. Похоже также, что она представляет собой обещание, которое с легкостью переходит из одного политического лагеря в другой: в предвыборной кампании Аль Гора на президентских выборах 2000 г. не было какой-либо одной официальной песни, зато использовался набор современных песен и хитов 1970-х, включая *You ain't seen nothing yet*. В случае с этой песней, в кампании Аль Гора прежде всего использовался припев, у которого такие слова: «*Here's something that you're never gonna forget – baby, you ain't seen nothing yet* (Вот тебе то, что ты никогда не забудешь – детка, ты пока что ничего еще не видела)».

С другой стороны, грамматически правильная фраза, содержащая двойное отрицание, *nobody doesn't like ... Sara Lee*, также использовалась как популярное расхожее выражение для культивации теплых

чувств при помощи рекламы. Эта фраза – хорошо знакомый американцам рекламный лозунг пекарни Сары Ли – как раз тот случай, когда два отрицания взаимно отменяют смысл друг друга, и в результате получается утвердительный смысл: «все любят Сару Ли». Хотя хорошо работала и телереклама, Сара Ли решила, что нужно что-то еще. В 1968 г. Митч Ли, создатель бродвейского мюзикла «Человек из Ламанчи», написал веселую рекламную песенку *Nobody Doesn't Like Sara Lee*, которая стала ядром всех новых рекламных объявлений этой компании и даже фигурировала на всех грузовиках, принадлежащих Саре Ли. Слова этого простого припева были такие: «*Everybody doesn't like something, But nobody doesn't like Sara Lee* (Всем хоть что-нибудь не нравится, но зато Сара Ли нравится всем)». Эта фраза быстро стала шаблонной, причем имя Сары Ли заменялось другими именами или названиями каких-то вещей.

Еще одним подтверждением тезиса о том, что двойное отрицание продолжает использоваться в просторечии без особого риска быть понятым неверно, как эквивалент грамматически правильной формы, можно считать фразу «*no such thing as a free lunch, there ain't /is* (нет такой вещи, как бесплатный обед, такого не бывает)». Как видим, здесь просторечное двойное отрицание и грамматически корректная форма находятся в отношениях взаимозаменяемости. Это расхожее высказывание из области экономики, популярное с 60-х г.г. и прежде всего ассоциирующееся с американским экономистом Милтоном Фридманом, который использовал его как заголовок своей книги 1975 г. Источник этой фразы неизвестен, хотя ее возводят к 1840-м г.г., когда она использовалась в салунах, где клиентам предлагали бесплатные закуски. Эта фраза также была зарегистрирована в форме *there ain't no such thing as a free lunch* с 1938 г., что послужило началом для аббревиатуры TANS-STAFL.

Своеобразным двойным отрицанием является также абсурдное, но веселое противоречие во фразе *yes, we have no bananas today*, которое впервые было популяризировано в США как название сочиненной Ирвингом Коуном и Франком Сильвером песни 1923 г., начинающейся такими словами: *Yes, we have no bananas, We have no bananas today*. Эту фразу снова оживили в 1939 г., когда она была использована в фильме *Only Angels Have Wings*. В 1920-е благодаря броской, легко запоминающейся и беззаботной песенке она приобрела популярность и в Великобритании, а затем в военное время и в период послевоенного дефицита продуктов (1940 – 1946 г.г.) ее снова возродили с целью культивировать легкое и небрежное отношение к нужде, которую в тот период испытывали многие люди. Грамматическое противоречие в этой фразе заключается в том, что утвердительная частица 'yes' употребляется с предло-

жением, содержащим отрицание, что в английском языке (в отличие, например, от русского) не допускается. Любопытно отметить, что, поскольку в русском языке такое сочетание является приемлемым, многие русскоязычные учащиеся, изучающие английский, строят предложения именно таким образом. Грамматически правильная форма в данном случае была бы *no, we have no bananas today*, что нельзя считать двойным отрицанием, поскольку отрицательная частица здесь является как бы повтором отрицания в основной части предложения.

Приведенному в начале статьи мнению Д. Кристала о том, что структуры с двойным отрицанием очень запутывают читателя или слушателя и поэтому совершенно справедливо подвергаются критике со стороны авторов стилистических пособий, можно противопоставить краткий экскурс в сборники английских пословиц. В таких сборниках собрана народная мудрость, накопленная в течение веков, представляющая собой квинтэссенцию взглядов на жизнь, понятий о добре и зле и т.п. По определению, большинство пословиц будут хорошо знакомы и понятны естественным носителям языка.

Можно выделить несколько распространенных конструкций, в соответствии с которыми они строятся. Например, конструкция, употребляющаяся, чтобы выразить мысль о том, что нет ничего абсолютно совершенного, что несовершенны все и вся: *No man is infallible* (Ни один человек не является непогрешимым; все мы делаем ошибки); *No garden without its weeds* (Нет ни одного сада без сорняков); *No land without stones, or meat without bones* (Нет земли без камней, как мяса без костей); *No silver without its dross* (нет серебра без окалины; нет благородства без брэнности); *There is no pack of cards without a knave* (Нет колоды карт без валета / мошенника); *No rose without a thorn* (Нет роз без шипов); *No sun without a shadow* (Нет солнца без тени); *No convenience without its inconvenience* (Нет удобств без соответствующих неудобств).

Конструкция «не бывает / не встречается в жизни то-то и то-то»: *There's no fence against ill fortune* (Против злой судьбы заборов не выстроишь); *Nothing so bad in which there is not something of good* (ничто не бывает таким плохим, чтобы в нем не было бы чего-нибудь хорошего); *Nothing so bad but it might have been worse* (Ничто не бывает таким плохим, что оно не могло бы быть еще хуже); *Nothing is certain but the unforeseen* (Ничего нельзя знать наверняка кроме того, что случится непредвиденное); *Nought is never in danger* (Ничтожество никогда не бывает в опасности – ‘nought’ здесь относится к никчемному человеку или вещи); *Right wrongs no man* (Правильное не причинит зла ни одному человеку); *An ill servant will never be a good master* (Дурной слуга никогда не будет хорошим хозяином); *No man is the worse for knowing the*

worst of himself (Еще ни одному человеку не было плохо оттого, что он знает о себе самое плохое).

Конструкция «тот, кто не делает того-то, не может рассчитывать на то-то»: *He who does not kill hogs will not get black puddings* (Тот, кто никогда не забивал свиней, не будет есть кровяную колбасу); *He that cannot abide a bad market deserves not a good one* (Тот, кто не может пережить плохое состояние дел на рынке, не заслуживает хорошего); *He is worth no weal that can bide no woe* (Тот не заслуживает благосостояния, кто не может перенести беды); *He deserves not the sweet that will not taste the sour* (Тот не заслужил сладкого, кто не хочет пробовать кислого); *He that will not when he may, when he will he shall have nay* (Тот, кто не будет, когда может, когда захочет, ничего не получит); *He isn't thirsty who doesn't drink water* (Тот не мучим жаждой, кто не пьет воду); *Blessed is he who expects nothing, for he shall never be disappointed* (Блажен, кто ничего не ожидает, ибо он никогда не будет разочарован); *It is an ill dog that deserves not a crust* (Только дурной пес не заслуживает корки хлеба).

Конструкция «то, что ты делаешь / не делаешь, не сделает того-то»: *What you don't know can't hurt you* (То, что ты не знаешь, навредить тебе не может); *The money you refuse will never do you good* (Деньги, от которых ты отказываешься, никогда не принесут тебе пользы).

Императивная конструкция «делай / не делай то-то и то-то»: *Flee never so fast you cannot flee your fortune* (Как бы быстро ты не бежал, от своей судьбы не убежишь); *Come not to counsel uncalled* (Не приходи на совет незванным / не давай непрошенных советов).

Конструкция «то-то и то-то нехорошо, если не дает даже того-то и того-то»: *It is an ill bargain where no man wins* (Это плохая сделка, если в ней не выигрывает ни один человек); *It's an ill wind that blows nobody any good* (Это дурной ветер, если он не приносит никому никакой пользы / нет худа без добра); *It is an ill dog that deserves not a crust* (Только дурной пес не заслуживает корки хлеба).

В английском языке есть синтаксические конструкции, содержащие двойное отрицание, например *Not for nothing are we told that...* (Неслучайно нам сообщают, что...); *He won't pay you, not he* (Уж он-то вам не заплатит, не такой он человек); *I won't go there, not I* (я-то уж не пойду туда, от меня этого не ждите). Существуют популярные фразы типа *Never say never* (никогда не говори «никогда»). Есть фразы, основывающиеся на знаменитых цитатах, такие, как *What's done cannot be undone* (То, что сделано, не исправишь), более известным вариантом которой является *What's done is done* (что сделано, то сделано), цитата из шекспировской пьесы «Макбет» (≈ 1606). Встречаются устоявшиеся выражения типа *not to take no for an answer* «не принимать отказа»; *not unconnected with* «имеющий некоторую связь с...»; *not without reason* «не

без причины, довольно обоснованно»; *not inconsiderable* «довольно значительный» и т.п. литоты, в которой утверждение делается косвенно, через отрицание своей противоположности, например: *a teacher of no mean ability* «талантливый преподаватель»; *to the no small admiration of the learned readers* «к немалому восторгу просвещенных читателей»; *he expressed his opinion in no uncertain terms* «он недвусмысленно высказал свое мнение»; *he had no small part in the plan's success* «он сыграл немаловажную роль в успехе этого плана».

При обсуждении статьи Д. Болинжера уже упоминались двойные отрицания типа *not unselfish* «небескорыстный», *not impartial* «небеспристрастный», *not inexpensive* «недешевый», *not undemanding* «весьма требовательный», которые имеют тенденцию употребляться иронически-эвфемистично в смысле «ого-го какой... (пристрастный, корыстный, дорогой, требовательный)». Как считает Джон Эйто, сдержанная оценка (*understatement*) и литота являются двумя ключевыми элементами эвфемизмов²⁸. Литота, как справедливо считает этот автор, – это способ разрядить или снять напряжение, снять остроту резкого высказывания, передав его отрицанием его противоположности. Так, например, *a problem of not inconsiderable proportions* в реальности может вполне оказаться крупной катастрофой, а *not inconsolable* (небезутешный) в словаре Р.У. Холдера²⁹ объясняется как «*promiscuous in the absence of a regular sexual partner* (ведущий себя распушенно в отсутствие регулярного сексуального партнера)» и снабжено следующим примером: *It is feared she waited for [Kim Philby] in vain. Not that the Lady Francis, a creature of some resilience, proved inconsolable.* (Boyle, Andrew (1979). *The Climate of Treason*). Рассказывая об эвфемизмах, посвященных теме бедности и нищеты, Джон Эйто сам употребляет двойное отрицание. Перечислив иносказательные выражения 1980-90-х г.г., такие, как *economically exploited* (экономически эксплуатируемый), *economically marginalized* («превращенный в экономического маргинала / отодвинутый на периферию экономики), *culturally deprived* (лишенный возможности приобщаться к культурным ценностям), *culturally disadvantaged* (не имеющий благоприятных культурных условий), Джон Эйто замечает в скобках: «*Nothing a few trips to an art gallery couldn't remedy, one would have thought* (Можно было бы подумать, что эти выражения не означают ничего такого, что нельзя было бы исправить несколькими визитами в картинную галерею)».

При обсуждении общих категориальных признаков речевого и коммуникативного поведения носителей английского языка важно обратить внимание на такие соотносящиеся с выражением «двойное отрицание» слова, как *doublespeak* (демагогия, пышные туманные речи), *doubletalk* (двойной стандарт (в оценках и т.п.); пустые или демагогические выска-

звания; уклончивые речи (*особ. когда человек говорит одно, а думает другое, противоположное*). У существительного *doubletalk* есть соответствующий глагол, означающий «пользоваться двойным стандартом (в оценках и т.п.); думать одно, а говорить другое; говорить одно, а иметь в виду другое; отделяться пустыми словами; давать ложные обещания; уговорить, завлечь кого-л. посулами, красивыми словами и т.п.». В явлениях, обозначаемых этими словами, некоторую роль играет и двойное отрицание, поскольку оно осложняет смысл и не позволяет с легкостью понять, что имеется в виду.

Интересные примеры двойного отрицания приведены в статье Уильяма Лутца, посвященной пустым демагогическим и пышным туманным речам³⁰. Так, описывая расследование дела «Иранконтрас» специальным комитетом Конгресса США, занимающимся секретной военной помощью Ирану и никарагуанской оппозиции, У. Лутц пересказывает выступление перед этой комиссией полковника Оливера Норта и его начальника адмирала Джона Пойндекстера. Несмотря на то, что на второй день слушаний О. Норт признал, что он в нескольких случаях лгал иранцам, своему коллеге генерал-майору Ричарду Секорду, так же, как и представителям Конгресса, ведущим расследование, и что он уничтожал улики и создавал подложные документы, далее О. Норт пообещал представителям комитета говорить только правду. После О. Норта свидетельские показания давал адмирал Д. Пойндекстер, который говорил «mislead (вводить в заблуждение; создавать ложное представление; вести по неправильному пути)» и «withhold information (удерживать / утаивать / скрывать информацию)», имея в виду «лгать». В понимании Пойндекстера, можно «молча или неохотно соглашаться» (*acquiesce*) с поставкой оружия, но при этом не санкционировать эти поставки. Можно переводить миллионы долларов государственных денег в качестве «технического снабжения» (*technical implementation*) и при этом не принимать «материально-правовых решений» (*substantive decision*), и т.п. Говоря о свидетельских показаниях О. Норта, Пойндекстер сказал: «The total impact, I am sure, was one of withholding information from the Congress, but I'm still not convinced... that he lied (Общим эффектом, я уверен, было впечатление, что он скрывает информацию от Конгресса, но я все равно не убежден, что он лгал)». Пойндекстер возражал, утверждая, что «...несправедливо говорить, что я неправильно проинформировал Конгресс или других официальных лиц кабинета (it is not fair to say that I have misinformed Congress or other Cabinet officers)», добавив: «And with regard to the Cabinet Officers, I didn't withhold anything from them that they didn't want withheld from them (А что касается официальных лиц кабинета, я не скрывал от них ничего такого, насчет чего они бы не хотели, чтобы я это скрывал)». У. Лутц отмечает, что Пойндекстер при этом не

объясняет, как можно утаивать ту информацию, относительно которой человек выражает пожелание, чтобы ее утаили, и завершает статью размышлениями о том, что если мы действительно считаем, что понимаем такой язык и что он способствует общению и ясному мышлению, тогда мир орвелловского «1984 года» с его управлением действительностью посредством языка уже наступил.

Нужно отметить, что в политическом дискурсе встречаются много примеров двойного отрицания. Если обратиться к любому сборнику цитат из высказываний известных политиков, то обнаружится, что многие из «крылатых фраз», принадлежащих знаменитым историческим личностям, содержат такое отрицание. Это, по-видимому, обусловлено высоким риторическим и стилистическим потенциалом данного языкового приема, позволяющим усиливать смысловые нюансы, выражать мысль в яркой и броской форме и при этом строить высказывание, которое допускает различные интерпретации. Так, Авраам Линкольн является автором «крылатой фразы» ‘You can’t beat somebody with nobody’ «Невозможно побить кого-нибудь, если у вас нет кого-нибудь, кто это сделает». Еще одна из популярных цитат из его речей начинается так: ‘With malice towards none; with charity for all; with firmness in the right...’ (Не питая злобы ни к кому, но всем милосердствуя, упорствуя в деле справедливости...) ³¹.

Трудно не согласиться с тем, что многие высказывания политиков действительно имеют очень яркую и выразительную с точки зрения риторики форму. Например, Герберт Генри Асквит, британский премьер-министр от Либеральной партии в 1908 – 1816 г.г., высказался о Палате Общин таким образом: «There is no more striking illustration of the immobility of British institutions than the House of Commons (Не существует более яркой иллюстрации неподвижности британских институтов, чем Палата Общин)» ³². Клемент Атли, еще один британский премьер-министр (1945 – 1951), лейбористский государственный деятель, дал следующее определение искусности в политике: «Judgement which is needed to make important decisions on imperfect knowledge in a limited time (Здравый смысл, который требуется для принятия важных решений на основании несовершенных знаний за ограниченное время)» ³³.

Или возьмем яркое высказывание британского политолога Эрнеста Баркера: «Sovereignty is unlimited – unlimited and illimitable (Суверенитет неограничен – неограничен и неограничиваем)» ³⁴. Или, скажем, следующие две цитаты из произведений литератора и политика Эдмунда Берка: «When... people imagine that their food is only a cover for poison, and when they neither love nor trust the hand that serves it, it is not the name of the roast beef of Old England that will persuade them to sit down to the table that is spread for them (Когда ... люди воображают, что их пища –

это только прикрытие для отравы, и когда они не испытывают ни любви, ни доверия к тем рукам, которые подносят эту пищу, недостаточно всего лишь названия ростбифа старой Англии, чтобы убедить их сесть за стол, накрытый для них); «I feel an insuperable reluctance in giving my hand to destroy any established institution of government, upon a theory, however plausible it may be (Я чувствую непреодолимое нежелание (отвращение) оказывать содействие разрушению любого установленного института правления на основании теории, какой бы правдоподобной она ни была)»³⁵.

Любопытна следующая цитата из произведений лорда Честерфильда, английского писателя и политика: «I... could not help reflecting in my way upon the singular ill-luck of this my dear country, which, as long as ever I remember it, and as far back as I have read, has always been governed by the only two or three people, out of two or three millions, totally incapable of governing, and unfit to be trusted (Я ...не мог не поразмышлять по-своему над феноменальной неудачливостью этой дорогой моему сердцу страны, которой всегда, насколько я в состоянии это вспомнить, и до тех самых отдаленных эпох прошлого, о которых я читал, управляли единственные два или три человека, из двух или трех миллионов, совершенно неспособные управлять и недостойные доверия)»³⁶. В данном случае *unfit to be trusted* – это явный пример сдержанного суждения (understatement «непригодный для того, чтобы ему доверяли»), которое приходится передавать выражением с более резко выраженным смыслом (что еще раз показывает тенденцию к overstatement в русском языке). Интересна цитата XVII в., взятая из речи короля Карла I, казненного, когда его перестал поддерживать парламент: «You manifestly wrong even the poorest ploughman, if you demand not his free consent (Вы явно причиняете зло даже беднейшему пахарю, если вы не требуете его свободного согласия)»³⁷. В устах Карла I, который несколько раз распускал парламент за неуступчивость, эта фраза звучит довольно демагогически.

Случаи двойного отрицания довольно часто встречаются в речах Уинстона Черчилля, который был великолепным оратором: «I decline utterly to be impartial as between the fire brigade and the fire (Я совершенно отказываюсь быть беспристрастным так же, как в ситуации между пожарной командой и пожаром – сказано в ответ на жалобы о его пристрастности (тенденциозности) при редактировании газеты “Бритиш Газетт” во время Всеобщей стачки); «I had no idea [in 1894] of the enormous and unquestionably helpful part that humbug plays in the social life of great peoples dwelling in a state of democratic freedom (Я не имел никакого представления [в 1894 г.] о той громадной и безусловно полезной роли, которую надувательство и притворство играет в общественной жизни великих народов, пребывающих в состоянии демократической свобо-

ды»; «So they [the Government] go on in strange paradox, decided only to be undecided, resolved to be irresolute, adamant for drift, solid for fluidity, all-powerful to be impotent (И так они [правительство] продолжают пребывать в состоянии странного парадокса, не знающие сомнений только для того, чтобы быть нерешительными, полные решимости пребывать в колебаниях, непреклонные в пассивности и бездействии, основательные своей изменчивостью, всемогущие, чтобы быть бессильными)»; «No part of the education of a politician is more indispensable than the fighting of elections (Никакая другая часть образования, которое получает политик, не является более обязательной, чем предвыборная борьба)»³⁸.

И в заключение еще одна цитата, которая, можно сказать, переключается с этикой двойных стандартов, демагогических высказываний, уклончивых речей (*doubletalk*), умением говорить одно, а иметь в виду другое. Эндрю Янг, американский политик, член Демократической партии, сказал следующее: «Nothing is illegal if one hundred well-placed business men decide to do it (Ничто не является противозаконным, если сотня правильно расположенных бизнесменов решают сделать это)»³⁹.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что некоторые типы двойных отрицаний могут добавлять в высказывание важные оттенки значения. Двойное отрицание позволяет «градуировать» смысл высказываний, которые не вполне отчетливо укладываются в утвердительные либо отрицательные. Негативным следствием расхождения между жестким правилом стандартной грамматики, которое допускает только одно отрицание в предложении, и существованием двойного отрицания, является плеоназм, который часто явно неправилен и разрушителен для смысла высказывания. Мейосис, формой выражения которого чаще всего бывает литота, ценен тем, что это языковой прием, позволяющий избежать необходимости выступить напрямую с откровенным высказыванием, что временами может быть оправдано соображениями такта, доброжелательности или политкорректности. При этом можно отметить, что в языке существует значительное количество клише с двойным отрицанием, в которых замена слова отрицанием его противоположности представляет довольно стертый и заезженный стилистический прием, употребляемый с целью придания речи элегантности. Однако сама по себе популярность этой конструкции в английском языке является достаточным доказательством того, что в ней есть нечто близкое и родственное английскому темпераменту, и неслучайно Г. Фаулер считает, что она обязана своим успехом у британцев упорной национальной неприязни к тому, чтобы выражаться слишком резко.

С точки зрения культурологической чрезвычайно любопытно, что Холдер снабдил название своего словаря подзаголовком 'How not to say what you mean'. Если умение не говорить то, что вы имеете в виду – это

достоинство, то ничуть не удивительно, что двойное отрицание, *double-speak*, *doubletalk* и прочие явления подобного рода так распространены в английском языке.

Примечания

1. *Гари Р.* Грустные клоуны. М., 2001. С. 23.
2. *Комова Т.А.* Категория отрицания в системе грамматических морфологических категорий английского глагола. М., 1985. С. 19.
3. *The Oxford Dictionary and Thesaurus / Ed. by Sara Tulloch.* Oxford University Press, Oxford, 1996.
4. *Новый Большой Англо-русский Словарь / Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна.* М., 1994.
5. *Crystal D.* Who Cares about English Usage? An Entertaining Guide to the Common Problems of English Usage. Penguin Books, London, 1984. С. 45.
6. *Падучева Е.В.* Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева.* М., 1990. С. 354.
7. *Skynner R., J. Cleese.* Life and How to Survive It. Mandarin Paperbacks. London, 1994. С. 188.
8. *Котлячков А., С. Горин.* Оружие – слово. Оборона и нападение с помощью... (практическое руководство). М., 2001.
9. *Анвар Бакиров.* Люди, которые играют роли. СПб., 2002. С. 103.
10. *Падучева Е.В.* Указ. соч.
11. *Андреас С., К. Герлинг, Ч. Фолкнер, Т.Халблом, Р. МакДональд, Д. Шмидт, С. Смит.* Миссия НЛП. Новейшие американские психотехнологии. М.–СПб, 2000.
12. *A Dictionary of Modern English Usage / By H.W. Fowler.* 2nd ed. Revised by *Sir Ernest Gowers.* Oxford, 1980.
13. *Корнеев М.* Англо-русский толковый словарь клише. М., 1997. С. 209.
14. *A Dictionary of Modern English Usage / By H.W. Fowler.* 2nd ed. Revised by *Sir Ernest Gowers.* Oxford, 1980.
15. *The Good English Guide. English Usage in the 90s / Compiled and written by Godfrey Howard.* Macmillan Reference Books. London, 1994.
16. *A Dictionary of Modern English Usage / By H.W. Fowler.* 2nd ed. Revised by *Sir Ernest Gowers.* Oxford, 1980, стр. 357.
17. *Lodge D.* How Far Can You Go? Penguin Books. London, 1981.
18. Энциклопедия «Русский язык». Изд. 2-е, переработанное и дополненное / Гл. ред. *Ю.Н. Караулов.* М., 1997; *В.П. Москвин.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. М., 2004.
19. *The Good English Guide. English Usage in the 90s / Compiled and written by Godfrey Howard.* Macmillan Reference Books. London, 1994.
20. *Nick Hornby.* How To Be Good. Penguin Books. London, 2001.
21. *Stephen Fry.* The Liar. Arrow Books. London, 2004.
22. *David Lodge.* Ginger, You're Barmy. Penguin Books. London, 1984.
23. *Aldous Huxley.* The Doors of Perception. Heaven and Hell. Harper & Row, Publishers, New York, 1990; *Олдос Хаксли.* Остров. Врата восприятия. Небеса и ад. Киев, 1995.
24. *Dwight Bolinger.* A Not Impartial Review of a Not Unimpeachable Theory: Some New Adventures of Ungrammaticality. In: Variation in the Form and Use of Language. Washington, 1983.
25. *Eric Partridge.* Usage and Abusage. A Guide to Good English. Penguin Books. London, 1999.
26. *W. J. Ball.* Understatement and Overstatement in English. English Language Teaching. 1970. V. XXIV, № 3. С. 201-208.

27. The Oxford Dictionary of Catchphrases / Compiled by *Anna Farkas*. Oxford University Press, 2002. С. 316.
28. *John Ayto*. Euphemisms. Over 3,000 ways to avoid being rude or giving offence. London, 1994.
29. *R.W. Holder*. A Dictionary of Euphemisms. How Not To Say What You Mean. Oxford University Press, 2003. С. 272.
30. *William Lutz*. The World of Doublespeak // The State of the Language. 1990s edition / Ed. by *Christopher Ricks* and *Leonard Michaels*. Faber and Faber. London-Boston, 1990.
31. *Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Ю., Лаңчиков В.К.* Политика и крылатика. Высказывания видных политических, государственных и общественных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады. М., 2004. С. 127.
32. The Oxford Dictionary of Political Quotations / Ed. by *Anthony Jay*. Oxford-New York, 1999. С. 18.
33. Ibidem. С. 20.
34. Ibidem. С. 32.
35. Ibidem. С. 63, 65.
36. Ibidem. С. 83.
37. Ibidem. С. 82.
38. Ibidem. С. 88–89.
39. Ibidem. С. 396.

К проблеме создания реестра русских наречий. Статья 2: фрагмент на букву «Б»¹

© кандидат филологических наук Ф. И. Панков, 2005

Данная статья является второй из цикла статей, посвящённых проблеме создания реестра русских наречий. Первая статья опубликована в 29 выпуске сборника «Язык, сознание, коммуникация». В ней было помещено введение к реестру, представлена синтаксически значимая функционально-коммуникативная система русских наречий, описаны некоторые этапы работы над составлением их реестра, проанализированы основные источники, в частности, «Грамматический словарь» А. А. Зализняка, диссертация «Наречная темпоральность и её речевые реализации» Ф. И. Панкова, монография «Семантика наречий и адвербиальных выражений» М. В. Филипенко и др., сделаны предварительные замечания к реестру. Продолжим тему.

3. Некоторые этапы работы над составлением реестра русских наречий. Источники (продолжение)

3.4. «Семантика русских наречий на -о/-е» Ван Цина

Китайский русист Ван Цин в приложении к своей кандидатской диссертации 1996 года представил алфавитный список наречий на -о/-е, который содержит 1029 лексем, но который, однако, не лишён некоторых недостатков (применительно к нашим задачам), часть из которых, возможно, носит чисто технический характер. Назовём их.

1. Перечень наречий ограничен только одним разрядом – наречиями на -о/-е (естественно, в соответствии с собственными задачами Ван Цина).
2. Лексемы в перечне не пронумерованы.
3. Не проставлены ударения в лексемах.
4. Несмотря на относительную обширность перечня, он является далеко не полным.

3.5. «Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой

НСРЯ лишён части недостатков, отмеченных нами в других словарях и перечнях. Во-первых, и это главное, объём его словника в целом

¹ Первая статья: *Панков Ф.И.* К проблеме создания реестра русских наречий. Статья 1: Введение; фрагмент на букву «А» // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2005. – Вып. 29. С. 42–76.*

значительно больше, чем в других современных толковых словарях (136 тыс. единиц, больше только в словаре В. И. Даля), в частности, гораздо богаче, полнее представлен круг наречий. Во-вторых, в словах указаны ударения, что даёт возможность представить, например, наречия *белесо* и *белёсо* в виде двух словарных статей.

Однако и НСРЯ содержит многие из противоречий, отмеченных нами в других словарях². Назовём лишь некоторые.

1. В словарных статьях НСРЯ совершенно отсутствуют примеры, иллюстрирующие толкование лексем, что подчас не позволяет пользователю однозначно верифицировать их категориальный статус (см., например, ниже о лексеме *безотносительно*).

2. Т. Ф. Ефремовой, на наш взгляд, присуще расширительное понимание наречий как категориального класса слов. Так, в словаре в качестве наречий отмечено множество отыменных словоформ на букву Б без предлога и с предлогом такого типа: *баллотировкой, бандеролью, без аппетита, без боя, без выбора, без выражения, без движения, без дела, бездорожьем, без души, без зазрения совести, без запинки, без излишеств, без имярека, без интереса, без конца, без надобности, без намерения, без остатка, без отказа, без памяти, без передышки, без предисловий, без преувеличения, без промаха, без рассуждений, без свидетелей, без следа, без смеха, без смысла, без сознания, без сомнения, без счёта, без труда, без торга, без уважения, без ума, без ущерба, без чинов, без числа, без чувств, без шапок, без языка, бесом, броском, бу- мерангом, бухтами, бухтой* и мн. др.

Безусловно, в реестр могут быть включены наречия, орфографически оформленные как слитно, так и раздельно. Орфография – конвенциональный вопрос, поэтому слитное и раздельное написание не может служить критерием верификации наречий. Однако нам представляется, что нет объективных оснований относить большинство из перечисленных беспредложных и предложно-падежных форм к наречиям по нескольким причинам.

Хотя процесс адвербиализации словоформ (существительных, прилагательных, предлогов) в современном русском языке, конечно, активен, однако следует различать регулярные словоизменительные образования (синтаксические формы соответствующих частей речи) и собственно наречия (адвербиализованные словоформы). Объективным критерием их разграничения является совокупность следующих факторов: лексико-семантического, морфологического, синтаксического и словообразовательного [Тихомирова 1972, Всеволодова 2000]. С точки зрения первого фактора онареченная словоформа либо приобретает новые, не

² См., в частности, раздел о «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка в первой статье данного цикла.

свойственные ей изначально смыслы, либо утрачивает часть сем-«аборигенов». Второй фактор – это изоляция словоформы от парадигмы словоизменения, в том числе перенос ударения, утрата падежных форм и числовой противопоставленности. Третий – разрушение синтагматических связей. Четвёртый – изменение словообразовательных потенций. Если указанные свойства «подозреваемой» лексеме не присущи, это означает, что перед нами вовсе не наречие, а если свойственны частично, значит, процесс адвербиализации лексемы пока не завершён. Приведём примеры.

У Т. Ф. Ефремовой формы творительного беспредложного (N_t) *баллотировкой*, *бандеролью*, *бездорожьем* – наречия. Однако в лексико-семантическом плане данные словоформы не получили никакого смыслового «сдвига» по отношению к исходным формам *баллотировка*, *бандероль*, *бездорожье*. В толкование лексем наречий облигаторно входит соответствующее имя существительное. *Баллотировкой* – значит «с помощью баллотировки», аналогично: *тайным голосованием*, *открытым голосованием*, *на референдуме* и т. д.; *бандеролью* – «в виде бандероли» [НСРЯ, I: 64], аналогично: *заказным письмом*, *посылкой* и т. д.; *бездорожьем* – «по плохой дороге, по бездорожью» [НСРЯ, I: 77], аналогично: *лесом*, *полем* и т. д. В морфологическом плане данные словоформы ни в коем случае не изолированы от всей парадигмы словоизменения соответствующих существительных: не происходит утраты падежных форм, как, например, в наречии *домой* (ср. N_t *домом*), переноса ударения, как в наречиях *кружком*, *бегом* (ср. N_t *кругом*, *бегом*), а также числовой противопоставленности: например, вещи можно отправлять как *бандеролью*, так и (если их много) *бандеролями*. Творительный инструментальный и творительный трассы вообще характерны для русского существительного, ср.: (*резать*) *ножом*, (*писать*) *мелом*, (*решать*) *общим собранием*, (*сообщить*) *громким голосом*, а также (*идти*) *лесом*, *полем* и т. д., при этом никакой адвербиализации исходной формы имени не наблюдается. В синтаксическом плане синтагматические связи существительного сохраняются. В частности, данные словоформы способны употребляться в несвойственной наречиям позиции с согласованным определением: *Вопрос решается закрытой баллотировкой*; *Александр Степанович Антонов ... общим собранием союза милиционеров и служащих 6-го сего февраля тайной баллотировкой избран ...* (примеры из Интернета); *Письмо отправили ценной бандеролью*; *Пришлось ехать настоящим бездорожьем*. Изменения словообразовательных потенций имени также не происходит: например, документы можно послать не только *бандеролью*, но и маленькой *бандеролькой*.

По тем же критериям никак нельзя признать наречиями и словоформы *без* + N_p типа *без аппетита, без боя, без выбора, без свидетелей, без уважения* и т. п. Всё это формы обычного (неадвербиализованного) родительного падежа существительных с предлогом *без*³. Ср., напротив, лексемы типа *без умолку, без устали* – безусловно, наречия. С точки зрения лексико-семантического фактора абсурдна их смысловая связь с существительными **умолок, *усталь*, не употребительными в современном русском языке. Невозможно дать и антонимические пары: *без умолку* – **с умолком, без устали* – **с усталью*. С точки зрения морфологического фактора данные словоформы изолированы от всей парадигмы словоизменения соответствующих имён существительных, т. к. остальные формы просто отсутствуют: N_и **умолок*, N_p **умолка* (только *без умолку*), N_д **умолку*, N_в **умолок*, N_т **умолком*, N_п **об умолке*; N_и **усталь*, N_p **устали* (только *без устали*), N_д **устали*, N_в **усталь*, N_т **умолком*, N_п **об умолке*. Синтаксически невозможно употребление данных лексем с согласованным определением (**без всякого умолку, *без большой устали*), что косвенно также свидетельствует о завершившемся процессе адвербиализации словоформ. Словообразовательные потенции также отсутствуют.

Морфологическая характеристика лексемы *безотносительно* ограничивается в словаре Т. Ф. Ефремовой указанием на то, что это наречие, однако мы наблюдаем, что, управляя существительным, данная словоформа регулярно употребляется как предлог: *безотносительно к чему, безотносительно чего*. Возможность упроавления, кстати, отражена и в толковании лексемы в НСРЯ: «*независимо от чего*» (выделено полужирным шрифтом мной – Ф.П.). Мало того, возможно, что, употребляясь и без имени, данный предлог выступает не как наречие, а как предлог с нулевой формой анафорического имени или его субститута (на-

³ Не могу удержаться от ассоциации: процитирую забавный отрывок из одного современного школьного учебника русского языка: «Нахождение наречий представляется самым важным в работе с этой частью речи. При многочисленности путей определения наречий ни один из них не даёт абсолютной гарантии точности <...> Даже если вы по форме определили, что перед вами наречие, надо подстраховаться вопросом к нему и определением значения: *Бабочка опустилась (куда?) на цветок. – Посмотрите (на что?) на цветок.* (полужирный шрифт мой – Ф.П.) <...> Что же предпринять? Главное – обратить внимание на точное значение. И в первом, и во втором варианте указывается на место, разница лишь в оттенках значения – в них и заключается решение вопроса <...> Так же и с примером «*опустилась на цветок*». Здесь явное указание направления и места. Сравните: *посмотрите (на что?) на (предмет) цветок* – нет направления, места (иными словами, в первом предложении *на цветок* надо считать наречием, во втором – существительным – В. Б., И. Г. Е. Л.) <...>. Если же и вопрос, и значение наречия и существительного (другой части речи) путаются (*опустилась* – куда? на что? – *на клумбу*), допустить любой из вариантов – исходя из предложения и всего текста – на ваше усмотрение» (цит. по: [Багрянцева и др. 1999]).

пример, местоимения): *Он постоянно в движении – безотносительно, без сравнений.* Итак, продолжим реестр.

Реестр русских наречий. Фрагмент. Наречия на букву «Б»⁴

Наречия	Примеры, примечания
1. ба□бно	<i>Бывают такие бабы, что как-то бабно становится</i>
2. ба□бово	<i>Я думаю, она не будет уж так «бабово» стоить</i>
3. баге□тно	<i>Особенно красивы багетно выпуклые ширмы-двери</i>
4. багрове□е	<i>Чем обстрел дымил багровее... (Б. Пастернак)</i>
5. багро□во	<i>Багрово солнце падало за лес</i>
6. багря□нее	<i>Шардоне разгорелся багряннее клёна ...</i>
7. багря□но	<i>Замерцал багряно северо-восток</i>
8. база□льтово	<i>Базальтово обставленная равнина ...</i>
9. база□рнее	<i>Чем базарнее будет выглядеть телекартинка ...</i>
10. база□рно	<i>Туристов хватает. Шумно и базарно, как всегда</i>
11. ба□зисно	<i>Заметим, что существует разница между словами «базисно вложимый» и «базисно вложенный»</i>
12. ба□зово	<i>Можно ли в винде увеличить размер значков базово для всех приложений?</i>
13. байрони□чески	<i>Волосы его байронически вздымаются ввысь</i>
14. ба□йски	<i>А Ш. Ооржа ... его байски отчитывает</i>
15. бактериа□льно	<i>Контейнер для хранения и транспортировки проб ... бактериально чистый</i>
16. бактериоло- ги□чески	<i>Бактериологически диагноз подтверждён у 26 человек</i>
17. бактерици□дно	<i>Кефадим – действует бактерицидно</i>
18. балага□нно	<i>Балаганно блестит ларьками Третьяковка</i>
19. балагу□рно	<i>Всё, о чём писал Михайловский, разбирается одинаково верхоглядно ... хлёстко, балагурно</i>
20. балала□ечно	<i>Грубо, балалаечно, но для Шариковых как раз</i>
21. баламу□тно	<i>Как начнёт опять картавить, баламутно нами править</i>
22. баланси□рно	<i>Между ними была балансирно подвешена система из четырёх катков</i>
23. бала□нсово	<i>Покупка / продажа действующих, балансово устойчивых предприятий в Голландии</i>
24. балахо□нисто	<i>Рукав смотрится балахонисто</i>
25. балбе□сно	<i>Я сыграл городской чемпионат балбесно</i>
26. бале□тно	<i>Можно проследить динамику качества драк: от балетно раскинутых ног до пробегов по стенам</i>

⁴ Напомню, что в нашем реестре наречия из словаря А. А. Зализняка выделены прописными буквами. Если источник не указан, то это примеры из Интернета (поисковая система Яндекс).

27. балко□нно	<i>Я утро балконно встречаю</i>
28. балла□дно	<i>Первые две песни твёрдые и хэвиметаллические, третья началась было балладно ...</i>
29. баллисти□чески	<i>Прошлое окно было баллистически более выгодным</i>
30. ба□лльно	<i>Никогда в России не оценивался молодой балльно</i>
31. бало□ванно	<i>Она поправила бант, спросила балованно ...</i>
32. баловли□во	<i>Ребятишки ... баловливо хватают олады</i>
33. ба□ловно	<i>Программа Overnet баловно играет с траффиком</i>
34. бальзами□чески	<i>Сладок и силён запах хвои, терпкой смолы с приме-сью бальзамически душистых рыжиков</i>
35. бальза□мнее	<i>Ну, а в третьих – оно как-то бальзамнее сознавать, что утопили лодку не камикадзе-диверсанты</i>
36. бальза□мно	<i>Можно добавлять рецензии и выставлять оценки, чуть-чуть ликёрно, слегка бальзамно</i>
37. бальнеоло-ги□чески	<i>Исследуются бальнеологически активные компоненты</i>
38. бана□льное	<i>В Курске похожая ситуация закончилась намного банальнее</i>
39. бана□льно	<i>Молодой владелец навороченной «Ламборджини» банально врезался в столб ...</i>
40. бана□нно	<i>Бананно рассуждаете, господа ... скучно</i>
41. банда□жно	<i>Бандажно и садично</i>
42. бандеро□льно	<i>Студент получает УМК по электронной почте либо на компакт-диске бандерольно</i>
43. банди□тно	<i>А потом волосы стали чуть длинее, т. к. восприни-мают «спортивку» несколько бандитно</i>
44. банди□тски	<i>Намечаются наиболее бандитски настроенные волости</i>
45. бандю□жно	<i>Зло стало уже не таким бандюжно откровенным, оно стало благообразным</i>
46. банки□рски	<i>... и цифру в 15 000 долларов банкирски точно указал</i>
47. ба□нковски	<i>Оплата банковски переводом (опечатка? – Ф.П.)</i>
48. банкрот□тно	<i>Я бы, конечно, с удовольствием в Гэлэксис порубился, но банкротно это очень</i>
49. банкрот□тски	<i>Но это – сильно сказать, оставаясь у власти, а не банкротски с неё сползя</i>
50. бараба□нно	<i>Барабанно извиняться не умею</i>
51. барахо□льно	<i>Народ надел пальто ... завистливо глядя на облада-телей барахольно приобретённых шуб</i>
52. бара□чно	<i>И так жили плотно, коммунально, барачно, а война заставила потесниться до размеров вагонного купе</i>
53. бара□шками	<i>А море пенится барашками</i>
54. БАРА□ШКОМ	<i>Порвать болт М8, вытягивая его барашком</i>
55. барбари□сово	<i>– Шарма-ан! – барбарисово восхитился поэт</i>
56. барда□чно	<i>Ехали от места встречи несколько бардачно, но прикольно</i>

57. барелье□фно	<i>В верхней части барельефно выполнен вензель</i>
58. баритона□льно	<i>Баритонально густой звук его гитары отлично выделяется на фоне рифов медных инструментов</i>
59. барито□нно	<i>– Алло, вас слушаю... – прозвучало бархатно, баритонно, а главное, многообещающе</i>
60. баромет-ри□чески	<i>П. А. Кропоткин использовал каталог барометрически определённых высот</i>
61. баро□нски	<i>В продолжение кампании, как ни баронски я ратовал, однако два раза был в плену у поляков ...</i>
62. баро□чно	<i>А стены барочно сверкали</i>
63. баррика□дно	<i>Он стал раскачиваться и, баррикадно завывая, читать свежесвылепленную поэмищу</i>
64. ба□рски	<i>Как барски он себя вёл!</i>
65. ба□рственно	<i>Да и в наше время элита ведёт себя схожим образом – барственно, капризно, себялюбиво</i>
66. барха□нно	<i>Одно только слово «пустыня» лежит, стократно, барханно умножено</i>
67. бархати□сто	<i>Бас воспроизводился бархатисто и рельефно</i>
68. ба□рхатно	<i>– Алло, вас слушаю... – прозвучало бархатно, баритонно, а главное, многообещающе</i>
69. бары□шнически	<i>НСРЯ: Барышнически. Нареч. разг. Как свойственно барышнику, как характерно для него.</i>
70. бары□шно	<i>Нам также не барышно</i>
71. ба□сенно	<i>На страницах гостевых сплошь петухи и кукушки: захваливают друг друга совершенно басенно</i>
72. басы□сто	<i>Вдруг пушка грохнула басисто</i>
73. басма□нно	<i>А с кем из политиков басманно расправились?</i>
74. басносло□вно	<i>Создана баснословно дорогая схема проезда</i>
75. басови□то	<i>Время от времени басовито о чем-то рокотал гром</i>
76. басту□юще	<i>Ему это всё не запрещали, а насильно вводили, как бастующе голодающему – питательный бульон</i>
77. басурма□нски	<i>Но – смотрю опять поток пошёл девиц с узкими подбородками на «басурмански» пёстрых фонах</i>
78. бата□льно	<i>Война как-то не батально снята, и затянута всё</i>
79. (по)батальо□нно	<i>Повзводно, ротно, батальонно построен в небе голубом десантный полк краснознамённый</i>
80. батаре□йно	<i>Передай батарейно все цифры, начиная с первой</i>
81. бати□ство	<i>Неистово дичится (словно он – местоимение) людей и обижается батистово (А. Цой)</i>
82. бато□нно	<i>Высказываться не туманно (и не батонно)!</i>
83. бату□тно	<i>Сверху батутно прогибался потолок</i>
84. бахва□льски	<i>Бахвальски, правда, звучит, но уж что поделать</i>
85. бахромча□то	<i>Периферические части гор бахромчато расчленены</i>

86. ба□чно	<i>Его страсть – позировать ... но делает он это настолько бачно, что это похвальное качество</i>
87. башкови□то	<i>Что дали миру ... башковито развитые атеисты?</i>
88. ба□ш на ба□ш	<i>Получилось баи на баи</i>
89. башма□чно	<i>Башмачно холодеют стены домов</i>
90. башневи□дно	<i>Форма раковины очень различна: плоская, башне-видно завитая ...</i>
91. башнеобра□зно	<i>Башнеобразно поднятая на пьедестале глава ...</i>
92. баю□кающе	<i>Голос словно заметил это и проговорил баюкающе</i>
93. бая□нно	<i>Чувства у них баянно слились с разумом</i>
94. бди□тельнее	<i>Петр Порошенко просит бдительнее относиться к звонкам от его имени</i>
95. бди□тельно	<i>Кандидаты бдительно следят друг за другом</i>
96. бе□гло	<i>Ветер бегло листает странички</i>
97. БЕГО□М	<i>Бегом вокруг света</i>
98. бегу□□ще	<i>Бегуще скользя по матовости далекого асфальта, шарят мощные прожекторы заговорщиков</i>
99. бедла□мно	<i>Последнюю осень эпохи бредово, бедламно, в забвенье встречает мое поколение</i>
100. бедне□е	<i>Как вы думаете, в среднем москвичи живут богаче, беднее или так же, как остальные россияне?</i>
101. бе□дненько	<i>Оборонка живет «бедненько, но весело»</i>
102. бе□дно	<i>Живём мы бедно, потому что мало путешествуем</i>
103. бедня□цки	<i>Я хоть и одета ... не очень так и бедняцки</i>
104. бедо□во	<i>Звучит, словно песня: легко и бедово!</i>
105. бе□дственно	<i>И если я так бедственно тоскую, Поверь всему и милосердна будь</i>
106. бе□женски	<i>Лицо его светится всё так же униженно грустно, всё так же беженски просительно</i>
107. безавари□йнее	<i>Давно слышал миф про то, что дамы безаварийнее ездят</i>
108. безавари□йно	<i>Как безаварийно пройти отопительный сезон?</i>
109. беа□дреснее	<i>Чем глубже, тем безадреснее</i>
110. беа□дресно	<i>Просто хватит безадресно орать</i>
111. безала□берно	<i>Я безалаберно живу</i>
112. безалкого□льно	<i>Причём безалкогольно добрались ...</i>
113. безапелля- цио□нно	<i>Судья безапелляционно заявил ...</i>
114. безаппети□тно	<i>Безаппетитно завтракают ...</i>
115. безба□бно	<i>Живу я тоскливо, без-пляжно, без-бабно</i>
116. безбага□жно	<i>Может, лучше ... безбагажно, тихо, безбилетно на последней станции сойти?</i>
117. безбе□дно	<i>Вдова Ясира Арафата будет жить безбедно</i>
118. безбиле□тно	<i>Только снится ей, что едут все в этом поезде безби-</i>

	<i>летно, и забесплатно совсем</i>
119.безбо□жно	– Ах, не говорите, Софья Ивановна: румянятся безбожно (Н. Гоголь)
120.безболе□зненно	Медики научились безболезненно убивать раковые клетки
121.безборо□до	Чуранье шарика с поверхностью проскакивало безусо, безборода , как гладко выбритое лицо
122.безбоя□зненное	И чем эта балаболка глупее, тем безбоязненное она даёт совет
123.безбоя□зненно	Граждане безбоязненно откроют государству все свои доходы
124.безбра□чнее	На подложке бумагу кроить конечно удобнее, проще, «безбрачнее» и быстрее
125.безбра□чно	Это, конечно, очень высоко – спасаться в мире безбрачно
126.безбре□чнее	И чем сильнее было их обаяние, тем безбрежнее плескалось их равнодушие
127.безбре□жно	Как человек безбрежно одинок (Н. Каргашева)
128.безбро□во	Замученная, безброво и тупо смотрела на мужа
129.безбу□рно	Годы мои протекали безбурно (В. Жук)
130.безве□рно	Безверно жить тяжело
131.безве□стнее	... нас в камень безвестнее вмять (А. Цветков)
132.безве□стно	Безвестно лавише (название поэтического сборника)
133.безве□треннее	В среднем здесь теплее и безветреннее
134.безве□тренно	Кругом безветренно и тихо
135.безвёсельно	Впасть в историческое беспмятство – это безвёсельно , это беспарусно!
136.безви□зово	Заехать с американскими правами и въехать в Штаты обратно можно безвизово и беспаспортно
137.безви□нно	Кевин Спейси безвинно пострадает
138.безви□русно	Отуречивание арийских племен центральной Евразии тоже происходило безвирусно
139.безвку□чнее	Безкуснее никто так выглядеть не будет
140.безвку□сно	Названы самые безкусно одетые знаменитости
141.безвла□стно	Его друг будет также безвластно оставлен
142.безво□днее	Где на земле безводнее всего, бестравнее всего?
143.безво□дно	Ты безводно сплавал
144.безвозбра□нно	Царшика возиёл на престол безвозбранно
145.безвозвра□тнее	Как это всё можно оформить, чтобы было как можно безвозмезднее и безвозвратнее ?
146.безвозвра□тно	Времена, когда молчание было золотом, прошли безвозвратно
147.безвозду□шно	На Луне ведь безвоздушно
148.безвозме□зднее	Как это всё можно оформить, чтобы было как можно безвозмезднее и безвозвратнее ?

149.безвозме□здно	Киргизия безвозмездно предоставляет России аэродром для российских истребителей МиГ-29
150.безволо□со	Мелькнула чья-то морда безволосо
151.безво□льнее	Гораздо безвольнее выглядел казанский «Ак Барс»
152.безво□льно	Безвольно пощады просят
153.безвре□днее	Обливать краской дамочек в шубках куда безвреднее
154.безвре□дно	Сухой туман рассеивается абсолютно безвредно
155.безвре□менно	Выставка безвременно скончавшегося художника
156.безвы□ездно	Кто способен жить в Петербурге безвыездно
157.безвы□лазно	Статья предлагает девять способов безвылазно торчать на работе
158.безвы□ходнее	После этой грозы будет ещё душнее, страшнее, безвыходнее
159.безвы□ходно	В течение пятисот дней добровольцы будут безвыходно находиться в замкнутом пространстве
160.безгла□во	Безглаво смиряется воин
161.безгла□зо	Радиодатчик щурится безглазо
162.безгла□снее	Вдруг лежит безгласнее камней
163.безгла□сно	Но безгласно отвечало небо ...
164.безгла□со	Сто тысяч котят умирают безгласо
165.безголо□вее	Чем больше у дурака фантиков, тем безголовее он к ним относится
166.безголо□во	Влюбляться безголово
167.безголо□со	Безголовосо взвыла мать немая (В. Гайдачук)
168.безгра□мотнее	Чем безграмотнее действует государство, тем быстрее консолидируются бизнесмены страны
169.безгра□мотно	Парламентарии ругаются безграмотно
170.безграниц□чнее	Молодежь ещё сильнее и безграничнее будет любить родину
171.безграниц□чно	Любовь всему безгранично верит
172.безгра□нно	Я вас безгранно люблю
173.безгрехо□вно	Безгреховно бы ночь провести
174.безгре□шно	Спи, мой мальчик, спи безгрешно (С. Матвеевко)
175.безгу□бо	На Ниле беззубо тростник зашептал
176.безда□рнее	Ведущие всё бездарнее делают свою работу
177.безда□рно	Сценарий выборов на Украине реализован бездарно
178.безде□йственно	Душа бездейственно в пространстве утопает
179.безде□льно	Преступно жить бездельно (Э. Караш)
180.безде□нежно	Сезон для филармонии прошёл удачно и безденежно
181.безде□тнее	Мы будем жить всё хуже, всё отвратительнее, безобразнее ... бездетнее
182.безде□тно	30 лет жили князь с княгиней бездетно

183.бездефе [□] ктно	Это позволяет бездефектно погружать сваи в грунт до проектных отметок
184.бездефици [□] тно	Бюджет составлен бездефицитно
185.безде [□] ятельно	Жители бездейтельно ждать улучшений не хотят
186.бездока- за [□] тельнее	Кто глупее и бездоказательнее выскажется?
187.бездока- за [□] тельно	Саакашвили бездоказательно выносит приговоры
188.бездо [□] льно	Умереть просто легче бездольно
189.бездо [□] мно	Безмолвно идут отряды, Бездомно живут народы
190.бездо [□] нное	Чем острее взор ... тем бездоннее ... предстает пред ним его собственный облик
191.бездо [□] нно	Под нами синела пропасть бездонно (Н. Рерих)
192.бездоро [□] жно	Вновь бредём бездорожно , беспамятно
193.безду [□] мнее	Раньше лучше и бездумнее жилось
194.безду [□] мно	Я иду по жизни бездумно
195.бездухо [□] внее	Насколько мало любви ... настолько циничнее, бездуховнее вынужден будет себя вести человек
196.бездухо [□] вно	Бездуховно водку пить с сухариками
197.безду [□] шнее	Изделия смотрятся куда холоднее и бездушнее
198.безду [□] шно	Твои слова бездушно пусты
199.безды [□] мнее	... поддувают, чтобы быстрее и бездымнее горело
200.безды [□] мно	Этот двигатель работает бездымно
201.бездыха [□] нее	Мы пойдем с тобой дальше, глубже и бездыханнее
202.бездыха [□] нно	Это кто бездыханно лежит?
203.безжа [□] лостнее	Американские прокуроры расправляются с киберпреступлениями безжалостнее , чем когда-либо
204.безжа [□] лостно	В Собинском районе безжалостно вырубают лес
205.безжи [□] зненнее	Авто-системы без этой детали звучат жестче, безжизненнее
206.безжи [□] зненно	Это звучит сухо и безжизненно
207.беззабо [□] тнее	Нигде человек не чувствует себя спокойнее и беззаботнее , чем в своей душе
208.беззабо [□] тно	Как беззаботно пенилось шампанское
209.беззаве [□] тнее	Чем сильнее и беззаветнее ты любишь, тем больнее
210.беззаве [□] тно	Он любил футбол искренне и беззаветно
211.беззазо [□] рно	Дверь крепится к корпусу беззазорно ...
212.беззако [□] нное	И чем беззаконнее деньги доставались, тем более крутыми себе казались их новые обладатели
213.беззако [□] нно	Уставной суд беззаконно и безосновательно расширил свои полномочия
214.беззасте [□] нчивее	Страх так и не отпускал Ленку, напротив, всё беззастенчивее гнул ... её голову к коленям

215.беззасте□нчиво	<i>Жители столицы! Власти беззастенчиво попирают ваши права (Правда столицы, 23.03.04)</i>
216.беззащи□тнее	<i>Может, беленькие девушки смотрятся нежнее, беззащитнее?</i>
217.беззащи□тно	<i>Кажется мир беззащитно невиданным. Кажется мир беззащитно слепым</i>
218.беззвү□чнее	<i>Чем беззвучнее ты зажимаешь турникет, тем больше шансов, что контролёр ничего не заметит</i>
219.беззвү□чно	<i>Общаться по телефону можно беззвучно</i>
220.безземе□льно	<i>И мне б вот так же, безземельно, надо ...</i>
221.беззло□бнее	<i>Даже обсуждение солярки проходило беззлобнее</i>
222.беззло□бно	<i>Хочу беззлобно посмеяться и пощутить беззлобно</i>
223.беззү□бее	<i>И чем меньше времени оставалось до свистка, тем беззүбее выглядела атака мюнхенцев</i>
224.беззү□бо	<i>А так команда выглядела беззүбо</i>
225.безле□сно	<i>Кораблинский район на карте выглядит безлесно</i>
226.безли□ко	<i>Вещи расставлены бессмысленно и безлико</i>
227.безли□ственно	<i>Как плакали безлиственно деревья (Д. Аверин)</i>
228.безли□стно	<i>Здесь безлистно</i>
229.безли□чнее	<i>Мягче и безличнее трактуются лица левой группы</i>
230.безли□чно	<i>Примите её безлично, как дождь</i>
231.безлоша□дно	<i>Прожив безлошадно без малого пять месяцев, мы наконец купили машину</i>
232.безлү□нно	<i>Страшно, а в сердце темно и безлүнно</i>
233.безлү□днее	<i>Чем выше в гору, тем безлүднее становилось вокруг</i>
234.безлү□дно	<i>В московских пунктах обмена валюты безлүдно</i>
235.безме□рнее	<i>Тогда ты был безмернее счастлив</i>
236.безме□рно	<i>Супругу я безмерно берегу</i>
237.безмо□згло	<i>В доме сыро и безмозгло</i>
238.безмо□лвнее	<i>Я затаённой и безмолвнее целую руки тишины</i>
239.безмо□лвно	<i>Я вас любил безмолвно, безнадежно... (А. Пушкин)</i>
240.безмоти□вно	<i>Безмотивно избит американский менеджер</i>
241.безмото□рно	<i>Сергеев снова безмоторно в воздухе?</i>
242.безмү□жно	<i>Христос родился безмүжно</i>
243.безмяте□жнее	<i>Что удивительно – безмятежнее всех, как оказалось, спят пенсионеры</i>
244.безмяте□жно	<i>В Энгельсе спят безмятежно</i>
245.безнадё□жнее	<i>Подобное убийство ... ещё безнадежнее удаляет Чечню от России</i>
246. безнаде□жно	<i>Я вас любил безмолвно, безнадежно ... (А. Пушкин)</i>
247.безнадё□жно	<i>Казалось, игра была безнадёжно проиграна</i>

248.безнадзо□рно	Данная собака бегала безнадзорно
249.безнака□заннее	Просто сейчас он чувствует себя сильнее, увереннее, безнаказаннее , если хотите
250.безнака□занно	Никто не сможет обижать природу безнаказанно
251.безнали□чно	Готовую работу можно оплатить безналично
252.безнача□льнее	Чем острее взор ... тем бездоннее, безначальнее предстает пред ним его собственный облик
253.безнача□льно	Материя существует безначально
254.безниково□	Жорж придумал ... с клавиши повтор отправлять и безниково-бестекстово писать
255.безно□го	Это город мужчин, не нашедших причин, оставляя постель пустой, объявлять «отбой» очень воздушной тревоги, слоняясь безного
256.безно□со	... подойдет она и безглазо, безносо , безгласо ...
257.без- нра□вственное	С каждым годом все нелепее и безнравственнее звучат бесконечные рассуждения ...
258.безнра□вственно	Покупать голоса за счёт детей безнравственно
259.безоби□днее	Я стараюсь выглядеть как можно безобиднее
260.безоби□дно	А как всё безобидно начиналось
261.безо□блачнее	Теперь будущее ... выглядит безоблачнее
262.безо□блочно	Завтра над Украиной будет почти безоблачно
263.безобма□нно	И снова парит в тишине безобманно
264.безобра□зное	Безобразнее всех ездят водители Газелей
265.безобра□зно	Марат играл безобразно
266.безогля□днее	Ваши героини любили как-то безогляднее
267.безогля□дно	Россияне перестали безоглядно доверять отечественному автопрому
268.безогово□рчнее	Общественное мнение все безоговорочнее склоняется на сторону искусства
269.безогово□рчно	В Москве безоговорочно лидирует Юрий Лужков
270.безоко□нно	С лицом стены, глядящей безокопно (В. Слущкий)
271.безопа□снее	Безопаснее жить в Чернобыле
272.безопа□сно	На чем безопасно экономить при выборе кухни
273.безору□жно	Ты пришла ... безоружно вильнув бантом (А. Гурин)
274.безосно- ва□тельное	Мужчины ревнуют значительно больше, сильнее и безосновательнее
275.безосно- ва□тельно	Уставной суд беззаконно и безосновательно расширил свои полномочия
276.безоста- но□вочнее	Туркмены хохотали громче и безостановочнее
277.безостано□вочно	Цены на ферротитан идут вверх безостановочно
278.безотва□льно	В конце осени поле можно безотвально перепахать

279.безотве□тнее	Чем искреннее и безответнее кричит твоё сердце ...
280.безотве□тно	Я влюбилась безответно
281.безот- ве□тственное	В совке в большинстве случаев люди работали куда хуже и безответственнее , чем сейчас
282.безот- ве□тственно	Марат Сафин выиграл безответственно
283.безотвя□зно	Безотвязно бреду по твоим отметинам
284.безотгово□рочно	Бакунина безотговорочно приняла мое предложение
285.безотка□зное	Старый добрый механизм работает безотказнее
286.безотка□зно	Закон подлости действует безотказно
287.безотла- га□тельное	Гораздо важнее и безотлагательнее стоит вопрос совершенствования кадровой структуры
288.безотла- га□тельно	Реформы нужны безотлагательно
289.безотло□жно	Во-первых, нужно безотложно принять решение
290.безотлу□чно	За Сашей начинает безотлучно ухаживать Лиза
291.безотноси□тель- нее	Зов слышится тем собственнее, чем безотноси- тельнее присутствие слышит свою призванность
292.безотно- си□тельно	Он постоянно в движении – безотносительно , без сравнений
293.безотра□днее	А по просроченным процентам ситуация выглядит ещё безотраднее
294.безотра□дно	И заплачешь в тиши безотрадно
295.безотры□вно	Нас учили писать безотрывно . И теперь безотрывно я вру
296.безотхо□днее	Делать быстрее и безоотходнее – вот два резерва повышения эффективности
297.безотхо□дно	В США кофейни работают безотходно
298.безотчётнее	Кто овладел Оленькой сильнее и безотчётнее ?
299.безотчётно	Любовь возникает внезапно и безотчётно
300.безоши□бочнее	Всё-таки хитрее и безошибочнее концовку партию провели ленинградки
301.безоши□бочно	Как безошибочно отличить врага от друга
302.безрабо□тнее	Жить стало безработнее
303.безрабо□тно	На Волге было голодно и безработно
304.безра□достно	Жизнь села встаёт передо мной безрадостно (М. Горький)
305.безразде□льное	Безраздельнее всего любишь лишь тогда, когда любимый человек недоступим
306.безразде□льно	Бюрократия не будет безраздельно хозяйничать
307.безразду□мно	Всё, чем живу я, во что безраздумно я верую ...
308.безразли□чнее	... как можно безразличнее , но предательски вибрирующим от гордости голосом сказал Дик
309.БЕЗРАЗ-	Лукашенко безразлично , признает ли Запад итоги выборов

ЛИЧНО	
310.безразмерно	Горе моё безразмерно велико
311.безрассветно	Мы все здесь безрассветно слепые дети
312.безрассуднее	Рассчитывать на здравый смысл девушки ещё безрассуднее , чем рассчитывать на её сострадание
313.безрассудно	Я поступила безрассудно , глупо
314.безрасчётно	А залегали безрасчётно
315.безрезультатнее	Злиться проще, хотя безрезультатнее
316.безрезультатно	Безрезультатно уходит время матча
317.безрельсово	С каждым диском они всё ярче; безрельсово вопящая Моника – мелодикой скрипящей двери
318.безрого	Планета замрёт, как тёлка, тупо расставив конечности и в кол упрётся безрого
319.безродно	А крылья безродно пылятся на полке
320.безропотнее	И чем она безропотнее работала, тем меньше её в корпусе замечали
321.безропотно	Он шёл безропотно тернистой дорогой
322.безрыбнее	Все путём – чем холоднее, грязнее, безрыбнее , тем надольше отступит ностальгия
323.безрыбно	На воде было тихо – безлюдно и безрыбно
324.безубыточнее	С Вестом я приближусь к ней гораздо быстрее и безубыточнее
325.безубыточно	Увеличение тарифов позволит работать ЖКХ безубыточно
326.безударно	Такое слово ... трудно безударно проговорить
327.безудержнее	Безудержнее стремлюсь в твои объятия
328.безудержно	Евро продолжает безудержно расти
329.безукоризненнее	Порше сделан, впрочем, куда аккуратнее, можно сказать, безукоризненнее
330.безукоризненно	Наращиваю безукоризненно красивые ногти
331.безумнее	Пусть вам будет ещё безумнее приятно!
332.безумно	Безумно люблю тебя
333.безумолкно	Работал Нарсим безумолкно
334.безумолку	Разговор безумолку
335.безумолчно	Где ручей безумолчно речист
336.безунывно	Кот, лапы раскинув, безунывно спал на скамейке
337.безупречнее	Чем безупречнее составлено твоё резюме, тем больше шансов
338.безупречно	Безупречно совершенное преступление
339.безусадочно	Клей застывает во время химической реакции безусадочно
340.безусловнее	Любовь ... связана со своим предметом теснее и

	<i>безусловнее</i>
341. БЕЗУСЛО ☐ ВНО	Безусловно , это стоит посмотреть
342. безу ☐ со	Чурание шарика с поверхностью проскакивало безусо , безбородо, как гладко выбритое лицо
343. безуспе ☐ шнее	Ещё безуспешнее вёл Генрих войну на нидерландской границе
344. безуспе ☐ шно	Полиция ищет убийцу судьи, но пока безуспешно
345. без у ☐ стали	Верчусь без устали я, как веретено
346. безуста ☐ нно	Будешь фильтры менять безустанно
347. безуте ☐ шнее	... плачет всё горше и всё безутешнее
348. безуте ☐ шно	И безутешно дождь рыдал
349. безу ☐ хо	Духи безглазо на меня глядели и безухо слушали мой сердечный выбор
350. безуча ☐ стнее	Отношусь ко всему спокойнее, ровнее, если не сказать безучастнее
351. безуча ☐ стно	До каких пор мы будем безучастно следить за геноцидом
352. безъя ☐ дерно	Война закончится безъядерно
353. безъязы ☐ ко	Тамбур молчит безъязыко
354. безъязы ☐ чно	Земля безъязычно взывает
355. безыде ☐ йно	На фондовом рынке торги прошли вяло и безыдейно
356. безызве ☐ стно	Его след безызвестно пропал
357. безымённо	Перестаньте трусливо безымённо лаять в мою сторону
358. безымя ☐ нно	Некрасиво такие вещи говорить безымянно
359. безынерцио ☐ нно	Двигался он безынерционно
360. безынициа-ти ☐ внее	Хуже, безынициативнее и равнодушнее сборная под руководством АНБ ещё не играла
361. безынициа-ти ☐ вно	Куторгин вёл себя совершенно безынициативно
362. безынтере ☐ снее	Кончатъ будет сложнее и безынтереснее
363. безынтере ☐ сно	Мне стало безынтересно играть на таком уровне
364. безыску ☐ снее	У нас хоть и грабят, но как-то грубее и безыскуснее
365. безыску ☐ сно	Вы так безыскусно наивно реагируете
366. безы-ску ☐ сственно	Повести К. написаны безыскусственно ...
367. безысхо ☐ днее	Все безысходнее чувствуется тоска
368. безысхо ☐ дно	Безысходно тупое виденье
369. белесо	НСРЯ: Белесо. Нареч. разг.
370. белесо	НСРЯ: Белесовато. Нареч. Соотносится по знач. с прил. белесоватый
371. белёсо	Спят песчаники белёсо
372. белёхонько	Умывайтесь, други, белёхонько

373.белёшенько	<i>Ой, вставала я ранёшенько, умывалася белёшенько</i>
374.бело□	НСРЯ: Бело ¹ . 1. Нареч. Выделяясь белым цветом. Бело ² . Предикатив. Об обилии на каком-л. пространстве белого цвета
375.белозу□бее	<i>Чем шире и белозубее будешь улыбаться, тем тебе же лучше</i>
376.белозу□бо	<i>Фортуна мне белозубо улыбается</i>
377.белока□менно	<i>... напротив лестницы, белокаменно приглашавшей углубиться вниз</i>
378.белокипе□нно	<i>На фоне белокипенно цветущей черёмухи чадит от развороченных головней и бревен серо-белёсый дым</i>
379.белоко□же	<i>Мария играла сегодня белокоже и лучше, чем я</i>
380.белокры□ло	<i>Вдруг поникаешь как-то белокрыло</i>
381.белоку□ро	<i>Играть в лучах кудрями белокуро ...</i>
382.белоло□бо	<i>Встретившись с ним взглядом, белолобо, смущённо улыбается</i>
383.белору□ко	<i>Белоруко обнимая новогодний мрак</i>
384.белосне□жно	<i>Белоснежно хмельная сирень?</i>
385.белы□м-бело□	<i>И стало вокруг белым-бело</i>
386.бенефи□сно	<i>Наши играют бенефисно, жирными мазками</i>
387.бергамо□тно	<i>Москали начали потихоньку фигеть, как я бергамотно прошёл в финал, не сыграв ни единого спелла</i>
388.бережли□вее	<i>Аккуратнее ездить надо, бережливее</i>
389.бережли□во	<i>Разумно, бережливо ведёшь хозяйство</i>
390.бе□режнее	<i>Джордж Буш призвал американцев бережнее расходовать бензин</i>
391.бе□режно	<i>Китайцы ... бережно сохраняют родной язык (журнал «Экспресс», 2004, № 12)</i>
392.берло□жно	<i>Жил Витя берложно</i>
393.бескислоро□дно	<i>Чтобы организм начал с высокой скоростью бескислородно расщеплять гликоген, ему необходимо ...</i>
394.бескла□ссово	<i>А русские строили свою экономику бесклассово</i>
395.бескомпроми□снее	<i>Только играть они будут на порядок злее и бескомпромиснее</i>
396.бескомпроми□сно	<i>Штаты бескомпромиссно разберутся с украинским хакером</i>
397.бесконе□чнее	<i>Все безнадежнее усталость, Все бесконечнее люблю</i>
398.бесконе□чно	<i>Мне бесконечно близок стал тревожный праздник смены года</i>
399.бесконта□ктно	<i>Народная целительница лечит бесконтактно</i>
400.бесконтро□льнее	<i>Через ларьки быстрее, а возможно, и бесконтрольнее, проворачиваются деньги</i>
401.бесконтро□льно	<i>Комары размножаются бесконтрольно</i>

402. бескон- фли□ктнее	Чем глаже и бесконфликтнее пройдут эти дни, тем и весь последующий год будет спокойнее
403. бесконфли□ктно	Причем сделать это нужно бесконфликтно
404. бескопе□ечно	Как безденежно Бутману, бескопеечно
405. бескоры□стнее	И чем бескорыстнее стоит эта задача, тем счастливее будет ответ
406. бескоры□стно	Я любил Вас бескорыстно
407. бескра□йне	Вновь окунаюсь в бескрайне затошный запой
408. бескра□йно	Россия вишь и ввысь растёт бескрайно
409. бескра□сочно	И облако сникает бескрасочно
410. бескри□зисно	Разумному руководителю гораздо выгоднее бескризисно руководить коллективом
411. бескро□вне	И душа рассыплется – бескровнее
412. бескро□вно	Поделить бюджет предполагается бескровно
413. бескры□лее	Наши играли все бескрылее и механичнее
414. бескры□ло	Но вот взмыл вверх и полетел бескрыло
415. бескульту□рнее	Его хамские выпады в отношении многих участников форума выглядят на-а-амного бескультурнее
416. бескульту□рно	Не иметь профсоюз там просто бескультурно
417. беснова□тее	Бесноватее всех плясала именинница
418. беснова□то	Глаза Джона вновь бесновато выпучились
419. бесо□вски	Тут, конечно, бесовски можно все вывернуть
420. беспя□мятнее	Под утро стало легче, беспамятнее
421. беспя□мятно	Кружилась беспамятно от них голова
422. беспардо□ннее	Всё чаще и беспардоннее стали воровать лица среднего звена
423. беспардо□нно	Тренировку беспардонно проигнорировали
424. беспарти□йнее	«Довоеннее» и беспартийнее этого не напишешь
425. беспарти□йно	Беспартийно стали жить
426. беспя□русно	Впасть в историческое беспамятство – это безвзвзвельно, это беспарусно!
427. беспя□спортно	Заехать с американскими правами и въехать в Штаты обратно можно безвизово и беспаспортно
428. беспате□нтно	Что за волнение меж рядами торгующих патентно и беспатентно?
429. бесперебо□йнее	Там все чётче и все бесперебойнее пошли сигналы совсем иного рода
430. бесперебо□йно	Брянский лес действовал бесперебойно
431. беспереме□нно	Он ... расцеловал беспеременно старичков
432. беспере- са□дочно	А я беспересадочно лечу с Алма-Аты
433. БЕСПЕРЕ□ЧЬ	Неспроста в округе бесперечь дохнут петухи

434.бесперспекти□в- нее	Делать бизнес «на коленке» с каждым годом всё труднее и всё бесперспективнее
435.бесперспек- ти□вно	Призывать Русь к топору бесперспективно
436.беспеча□льнее	В аду проще кричать, погибать беспечальнее
437.беспеча□льно	Отправляюсь я в путь беспечально
438.беспе□чнее	Взрослые ведут себя беспечнее
439.беспе□чно	Жила всю жизнь с тобой беспечно
440.беспило□тно	«Лунный» модуль отработывался беспилотно
441.беспи□сьменно	О таких делах судить бесписьменно
442.беспла□менно	Я напишу беспламенно , уныло
443.беспла□ново	Берега были планово и беспланово застроены
444.беспла□тнее	А когда можно будет покататься ещё бесплатнее?
445.беспла□тно	Хостинг бесплатно
446.беспло□днее	Мы будем жить всё хуже, всё отвратительнее, безобразнее, чудовищнее ... бесплоднее
447.беспло□дно	К чему бесплодно спорить с веком? (А. Пушкин)
448.беспло□тно	Их сосед ... обречен бесплодно существовать в опустевшей квартире
449.беспля□жно (без-пля□жно)	Живу я тоскливо, без-пляжно , без-бабно, и вообще тоска
450.бесповоро□тнее	Идея перевоплощения ... овладевала Кларой все полнее и бесповоротнее
451.бесповоро□тно	Я влюбилась окончательно и бесповоротно
452.бесподо□бнее	А играть в шутеры бесподобнее друг против друга
453.бесподо□бно	В нападении мы играли просто бесподобно
454.беспоко□йнее	А кадет Биглер ворочался всё беспокойнее и беспокойнее
455.беспоко□йно	Живу беспокойно
456.бесполе□знее	Просить дважды – вдвойне бесполезнее
457.БЕСПОЛЕ□ЗНО	Бесполезно таращить глаза в этой ночи
458.беспо□ло	Общаться бесполо , но с удовольствием
459.беспо□мощнее	Мультфильмы с «троллями» копируют англичан не в пример беспомощнее
460.беспо□мощно	Не хочу выглядеть беспомощно
461.беспонто□вее	Мы будем жить всё хуже, всё отвратительнее, безобразнее ... бездетнее, беспонтовее
462.беспонто□во	Беспонтово заканчивать школу!
463.беспоро□дно	Все их машины выглядят беспородно
464.беспоро□чнее	Но те живут вольней и беспорочнее
465.беспоро□чно	Жить беспорочно , достойно
466.беспорто□чно	Беспечно и беспорточно провожу время
467.беспоря□дочнее	Чем беспорядочнее вы это делаете, тем лучше

468.беспоря□очно	<i>Развиваемся быстро, но беспорядочно</i>
469.беспоса□очно	<i>Я беспосадочно лечу</i>
470.беспо□чвенно	<i>А вот меня беспочвенно трогать не надо</i>
471.беспо□шлинно	<i>Бумагу можно вывозить беспошлинно</i>
472.беспоща□днее	<i>Чем беспощаднее мы воюем, тем скорее кончится война</i>
473.беспоща□дно	<i>Беспощадно разгромим и уничтожим врага</i>
474.беспра□внее	<i>Чем дальше от 1991 года, тем бесправнее ощущает себя гражданин</i>
475.беспра□вно	<i>Украинские женщины живут бесправно</i>
476.беспреде□льно	<i>Я беспредельно люблю Дагестан</i>
477.беспреде□льнее	<i>Необученная псина кусает человека куда страшнее и беспредельнее</i>
478.беспредло□жно	<i>Изредка косвенное дополнение тоже оформляется беспредложно</i>
479.беспредме□тнее	<i>Ты говоришь всё беспредметнее (Ф. Панков)</i>
480.беспредме□тно	<i>Вы написали много и беспредметно</i>
481.беспрекос-ло□внее	<i>Твёрже и беспрекословнее надлежало теперь указать на их новое значение</i>
482.беспрекос-ло□вно	<i>Приказы не обсуждаются – они выполняются чётко и беспрекословно</i>
483.БЕСПРЕ-МЕ□ННО	<i>«Беспременно приду», – ответил солдат</i>
484. беспре-пя□тственнее	<i>Ведь эти лучи всё беспрепятственнее проникают к Земле</i>
485. беспре-пя□тственно	<i>Воры проникают в квартиры беспрепятственно</i>
486.беспреры□внее	<i>Ружья защёлки громче и беспрерывнее прежнего</i>
487.беспреры□вно	<i>На Камчатке беспрерывно бушует стихия</i>
488.беспреста□нно	<i>Я не ветер, чтоб метаться беспрестанно</i>
489.беспреце-де□нтнее	<i>В зале рубились ... беспрецедентнее, чем на других группах</i>
490.беспреце-де□нтно	<i>Посещение Путиным Афона по-своему беспрецедентно</i>
491.беспри□быльнее	<i>Тяпать по клавиатуре, пиша книжку, всемерно бесприбыльнее, чем сталь варить</i>
492.беспри□быльно	<i>Наши автозаводы работают бесприбыльно</i>
493.бесприве□тно	<i>Облака так безотрадно глядят, бесприветно</i>
494.беспривя□зно	<i>Содержат коров беспривязно в боксах</i>
495.бесприда□нно	<i>Каждую ночь с вечера до утра беспристрастно, бесприданно ты мечешься</i>
496.беспризо□рнее	<i>Чем беспризорнее чувствовал себя самодержец ...</i>
497.беспризо□рно	<i>Хватит им шататься беспризорно</i>

498.бесприме□рно	<i>Ему беспримерно везёт в жизни</i>
499.беспри□меснее	<i>... тем чище и беспримеснее предстаёт перед критическим взором ...</i>
500.беспри□месно	<i>Злораден и капризен столь беспримесно – что не вздохнуть</i>
501.бесприме□тно	<i>А почему же это красотки плачут бесприметно и беспримерно?</i>
502.беспринци□пнее	<i>Женский пол воюет куда круче и беспринципнее</i>
503.беспринци□пно	<i>Янукович беспринципно завышал темпы роста ВВП</i>
504.беспри- стра□стнее	<i>Вряд ли кто ответит на эти вопросы лучше, точнее и беспристрастнее</i>
505.беспристра□стно	<i>Иванькова судили беспристрастно</i>
506.беспритя- за□тельно	<i>Мне нравилось, что он любит меня – бескорыстно и беспритязательно</i>
507.беспричи□нно	<i>Беспричинно резко стали выпадать волосы</i>
508.бесприю□тнее	<i>Мне было бы гораздо бесприютнее жить в мире без этих творений</i>
509.бесприю□тно	<i>Как светло здесь и как бесприютно</i>
510.беспробу□днее	<i>Снова начнут побеждать ... те, кто беспробуднее опьянен своими фантомами</i>
511.беспробу□дно	<i>Полно, степь моя, спать беспробудно</i>
512.беспро□волочно	<i>... беспрОВОлочно отвечая на сообщения</i>
513.беспрогля□дно	<i>Беспроглядно тьма мерцает</i>
514.бес- про□игрышно	<i>БеспроигрЫшно можно играть на вилках</i>
515.беспросве□тнее	<i>Вживую это звучит куда как беспросветнее</i>
516.беспросве□тно	<i>Парень беспросветно тупой</i>
517.беспросы□пно	<i>Заснуть бы и суток двое беспросыпно проспать</i>
518.беспроце□нтно	<i>Расплачиваться беспроцентно можно</i>
519.беспу□тнее	<i>Я жил тогда всего беспутнее</i>
520.беспу□тно	<i>Жил беспутно и некрасиво я</i>
521.бессвя□знее	<i>... бежать быстрее и говорить бессвязнее</i>
522.бессвя□зно	<i>Он бессвязно шептал про любовь</i>
523.бессемя□йно	<i>Желающий стать монахом даёт обещание жить, во-первых, бессемянно</i>
524.бессемя□нно	<i>Мессия, будучи Богом, станет человеком, бессемянно родившись от девственницы</i>
525.бессерде□чнее	<i>Бессердечнее действуют наши противники</i>
526.бессерде□чно	<i>Не бессердечно ли загонять своё желание в угол?</i>
527.бесси□льнее	<i>Становится только ещё противнее, ещё бессильнее</i>
528.бесси□льно	<i>Бессильно падают стихи</i>
529.бессимпто□мно	<i>Недуг протекает бессимптомно</i>

530.бессисте□мнее	<i>Он замахал руками в воздухе, двигаясь быстрее обычного, но бессистемнее</i>
531.бессисте□мно	<i>Капитальный ремонт путей ведется бессистемно</i>
532.бессла□вне	<i>Чем громче начинается какая-нибудь кампания, тем ... бесславнее она заканчивается</i>
533.бессла□вно	<i>Бесславно завершилась IV сессия Верховной Рады</i>
534.бессле□дне	<i>Ошибки и недоумения ума исчезают скорее и бесследнее, чем ошибки сердца</i>
535.бессле□дно	<i>Бесследно для здоровья это не пройдёт</i>
536.бесслёзно	<i>Жду бесслёзно тебя</i>
537.бесслове□снее	<i>И в углу своём очкарик бессловеснее грустит</i>
538.бесслове□сно	<i>И он тоскует бессловесно</i>
539.бессме□нно	<i>В течение 25 лет Борис Иванович бесменно руководил предприятием</i>
540.бессме□ртнее	<i>Учить добру – бессмертнее вдвойне!</i>
541.бессме□ртно	<i>Я так бессмертно болен</i>
542.бессме□тно	<i>Парень должен быть не обязательно бессметно богат</i>
543.бессмы□сленнее	<i>Чем медленнее комп, тем бессмысленнее качать шахты</i>
544.бессмы□сленно	<i>Почему России бессмысленно следовать опыту Китая</i>
545.бессне□жнее	<i>Стало бесснежнее, и погода испортилась</i>
546.бессне□жно	<i>Первый день зимы: солнечно и бесснежно</i>
547.бессо□вестнее	<i>Кто жестче и бессовестнее накажет РНПК?</i>
548.бессодержа□тельнее	<i>Бессодержательнее него говорит разве только Черномырдин</i>
549.бессодержа□тельно	<i>А то как-то бессодержательно ругаетесь</i>
550.бессо□вестно	<i>Как техника меня бессовестно обманула</i>
551.бессозна□тельнее	<i>Пиши ещё сложнее, разнузданнее, бессознательнее</i>
552.бессозна□тельно	<i>Он прежде всего художник, человек бессознательно, невольно искренний (Д. Писарев)</i>
553.бессо□нное	<i>О ком бессоннее скорбит народный трибунал?</i>
554.бессо□нно	<i>И дом бессонно моргнёт мне вслед</i>
555.бессосло□вно	<i>Поединок существовал бессословно</i>
556.бесспо□рнее	<i>...раньше и бесспорнее входят в круг литературы, чем эпос</i>
557.БЕССПО□РНО	<i>Бесспорно, такой закон государству нужен</i>
558.бессро□чнее	<i>Нравственный уровень этого человека изолировал его от окружающих бессрочнее и надежней</i>
559.бессро□чно	<i>Педагоги школы намерены бастовать бессрочно</i>
560.бесстра□стнее	<i>На них я взираю бесстрастнее трупа</i>
561.бесстра□стно	<i>Облкомстат бесстрастно суммирует</i>

562.бесстра□шнее	<i>Хоть втроём им и втрое бесстрашнее ...</i>
563.бесстра□шно	<i>Красавица-чеченка бесстрашно идёт умирать</i>
564.бесстру□нно	<i>Человек, зачем ты гредишь бесструнно</i>
565.бессты□днее	<i>Коммунисты все больше, заметнее и бесстыднее поигрывают своими мускулами</i>
566.бессты□дно	<i>Мне в окошко бесстыдно глядит инженер</i>
567.бессты□же	<i>Бесстыже ты смотришь сейчас на меня</i>
568.бессубъ□ктно	<i>Развитие таких сложных систем ... всегда происходит бессубъектно</i>
569.бессу□дно	<i>Павел I был «бессудно и бесчинно» убит</i>
570.бессчётно	<i>Деньги у них бессчётно пропадают</i>
571.бессюже□тнее	<i>Получилось недурно, только ещё ... бессюжетнее</i>
572.бессюже□тно	<i>В целом день складывается бессюжетно</i>
573.беста□ктнее	<i>Бестактнее всего ... вели себя именно Ваши друзья</i>
574.беста□ктно	<i>Бестактно ли не принять гостей?</i>
575.бестала□нно	<i>Бесталанно стакана коснётся рука</i>
576.бестала□нтно	<i>Фильм сделан бесталантно</i>
577.бестари□фно	<i>Ведь бульварные живописцы и лицедеи бестарифно торгуют хорошим настроением</i>
578.беста□рно	<i>Продаём муку в мешках и бестарно</i>
579.бесте□кстово	<i>Жорж придумал ... с клавиши повтор отправлять и безниково-бестекстово писать</i>
580.бестеле□сно	<i>Господние уста общаются с объектом бестелесно</i>
581.бесте□нево	<i>Неброско и бестенево (отзыв о фотографии)</i>
582.бестолко□вее	<i>Бодаться в ней всё бестолковее и бестолковее</i>
583.бестолко□во	<i>Вот ещё один день прошел бестолково</i>
584.бестра□внее	<i>Где на земле безводнее всего, бестравнее всего?</i>
585.бестрево□жнее	<i>Без писателя спокойнее, бестревожнее идти на погост</i>
586.бестрево□жно	<i>Спи бестревожно</i>
587.бестре□петнее	<i>Она сделала это тем бестрепетнее ...</i>
588.бестре□петно	<i>Он бестрепетно приказывал рубить чужие головы</i>
589.бесфами□льно	<i>В ведомостях они проходят бесфамильно</i>
590.бесфо□рменно	<i>Бесформенно чернеют палатки</i>
591.бесхара□ктерно	<i>Трулли бесхарактерно откатался</i>
592.бесхи□тростнее	<i>Древние символы нужно понимать проще, бесхитростнее</i>
593.бесхи□тростно	<i>Пишет бесхитростно и приятно</i>
594.бесхле□бно	<i>В казачьих городках у казаков бесхлебно</i>
595.бесхо□зно	<i>Болтаются нити бесхозно</i>
596.бесхо- зя□йственно	<i>Средства специального фонда ... используются бес- контрольно и бесхозяйственно</i>
597.бесхребе□тно	<i>Я как-то беспринципно рассуждаю, бесхребетно даже</i>

598.бесцве□тно	Жизнь моя прошла относительно бесцветно
599.бесце□льное	Другие клубы сейчас тратят гораздо больше и бесцельнее
600.бесце□льно	Лермонтов показывает бездеятельное, бесцельно живущее современное ему поколение
601.бесцензу□рно	Костерить ... бесцензурно можно всех и вся
602.бесце□нно	Пообещать и выполнить обещание бесценно
603.бесцеремо□нно	Режиссер бесцеремонно критикует Элизабет Херли
604.бесчелове□чнее	Куда как бесчеловечнее было бы бросить женщину с ребенком на произвол судьбы
605.бесчелове□чно	Брать в заложники детей ... бесчеловечно
606.бесче□стнее	Бесчестнее всего люди относятся к своему Богу
607.бесче□стно	Кто живёт бесчестно , тот бесчестным и умрёт
608.бесчи□нее	Пустее и бесчиннее время, кажется, и проводить нельзя было
609.бесчи□нно	Павел I был «бессудно и бесчинно » убит
610.бесчи□сленнее	Удары сыплются всё чаще ... бесчисленнее
611.бесчи□сленно	Всей душой быть бесчисленно там!
612.бесчу□ственно	Жена Траволты целуется бесчувственно
613.бесшаба□шнее	Гораздо ... бесшабашнее рубиться в халву
614.бесшаба□шно	Студенты ... бесшабашно веселы
615.бесшу□нее	А вот ножом это сделать гораздо бесшумнее
616.бесшу□мно	Наша техника работает бесшумно
617.бе□шенее	США ещё бешенее занимаются махинациями
618.бе□шено	Сердце бешено колотится
619.библе□йски	братство имело библейски обоснованную позицию
620.библиогра- фи□чески	Ссылочку надо библиографически правильно оформить
621.билабиа□льно	Буква ... произносится билабиально
622.бина□нее	Бинарнее и не придумаешь
623.бина□рно	Вы умеете мыслить только бинарно
624.биоге□нно	Ртуть может превращаться биогенно из малотоксичных форм в высокотоксичные
625.биогеогра- фи□чески	Мальта биогеографически более близка к Тунису
626.биографи□чески	Определение ситуации биографически детерминировано
627.биологи□чески	Линия НАРИН – это экологически чистые биологически активные добавки
628.биомеха- ни□чески	Пол Делиа называет это биомеханически оптимизированной формой
629.биони□чески	Левый глаз комиссара был бионически модифицирован
630.биоритми□чески	Труд биоритмически неэффективен
631.биофизи□чески	ИОЭ обладает биофизически активным действием

632. биохими□чески	<i>Вторая группа – биохимически активные вещества</i>
633. биоэнергети□чески	<i>Продукт будет тогда биоэнергетически безопасен</i>
634. би□сернее	<i>Паскаль ... набрасывает бесконечность бисернее</i>
635. би□серно	<i>Это была ... исписанная бисерно страничка</i>
636. БИТКО□М	<i>Я был битком набит неземными идеями</i>
637. благове□рнее	<i>Чем он честнее, тем благовернее он признает её живую правду</i>
638. благове□рно	<i>Всё это звучит красиво и благоверно</i>
639. благови□днее	<i>Красивых волосы делают ещё благовиднее</i>
640. благови□дно	<i>Поэтому всё выглядит далеко не благовидно</i>
641. благово-ли□тельнее	<i>... дабы Он «внимал» нам благоволигельнее</i>
642. благово-ли□тельно	<i>Поживи здесь, – сказал Иоанн благоволигельно</i>
643. благовос-пи□танно	<i>Валя благовоспитанно спросила ...</i>
644. благовре□меннее	<i>Об этом благовременнее будет сказать в другой раз</i>
645. благовре□менно	<i>Ты даёшь им пищу благовременно</i>
646. благогове□йнее	<i>А комментировать Богослужения ... научатся благоговейнее</i>
647. благогове□йно	<i>Входить в церковь надлежит ... благоговейно</i>
648. благода□рнее	<i>Все благодарнее встречает сердце мир</i>
649. благода□рно	<i>Осень жизни, как и осень года, надо благодарно принимать</i>
650. благо-да□рственно	<i>Куплю или приму благодарственно в дар колодку тормозную</i>
651. благода□тнее	<i>Как благодатнее выйти замуж</i>
652. благода□тно	<i>Благодатно отдохнули юные христиане</i>
653. благоден-стве-нее	<i>Живу невозмутимее и благоденственнее всех родовитых и богачей</i>
654. благо-де□нственно	<i>Благоденственнее живём</i>
655. благоду□шно	<i>Блаженный Феодор переносил всё благодушно и молился за оскорбляющих (Жития всех святых)</i>
656. благоже-ла□тельнее	<i>И прохожие относятся к ним благожелательнее</i>
657. благоже-ла□тельно	<i>21% британцев благожелательно относится к евро</i>
658. благозвү□чнее	<i>Классика на итальянском звучит благозвучнее</i>
659. благозвү□чно	<i>... звучит более благозвучно и женственно</i>
660. благоле□пнее	<i>Можете ль сделать пригожей, благолепнее этого</i>

	<i>храма другой</i>
661. благоле□пно	<i>Стараясь благолепно украшать храмы и монастыри ...</i>
662. благомы□сляще	<i>Директор ... благомысляще и законопослушно зна-комился с прессой</i>
663. благонадёжнее	<i>Лучше, безопаснее и благонадёжнее поступить так</i>
664. благонадёжно	<i>Сравнивать параметры свечей на разных проме-жутках времени не благонадёжно</i>
665. благона-ме□ренно	<i>А летний отпуск 2002 вполне благонамеренно и семейно провёл в Анталии</i>
666. благопра□вне	<i>... вести себя как можно благоправнее и благоразумнее</i>
667. благопра□вно	<i>Веди себя благоправно</i>
668. благообра□знее	<i>Понятнейшая формулировка размывает границы, но благообразнее выглядит</i>
669. благообра□зно	<i>И спали они благообразно</i>
670. благополу□чнее	<i>Отопительный сезон в Артеме в этом году прошёл благополучнее</i>
671. благополу□чно	<i>Семь астронавтов благополучно вернулись на Землю</i>
672. благопри-сто□йнее	<i>И ведут себя подвыпившие животные гораздо бла-гопристойнее человека</i>
673. благопри-сто□йно	<i>Пока светло, всё выглядит благопристойно</i>
674. благоприя□тнее	<i>Где благоприятнее всего вести бизнес</i>
675. благоприя□тно	<i>Ситуация складывается весьма благоприятно</i>
676. благо-прия□тственно	<i>Как это все теперь благоприятственно реагируют</i>
677. благоразу□мнее	<i>Благоразумнее в горы вообще не ходить</i>
678. благоразу□мно	<i>Я буду жить благоразумно</i>
679. благораспо-ло□женнее	<i>А с окружающими ты МОЖЕШЬ вести себя добрее ... благорасположеннее</i>
680. благораспо-ло□женно	<i>Любой кандидат должен корректно благорасполо-женно отзываться ...</i>
681. благоро□днее	<i>Благороднее ли состоять в законном браке без не то, что любви, а даже без уважения?</i>
682. благоро□дно	<i>Быть донором благородно и почётно</i>
683. благоскло□ннее	<i>Население России стало благосклоннее относиться к иностранным инвестициям</i>
684. благоскло□нно	<i>План Украины благосклонно принят всеми сторонами</i>
685. благослове□ннее	<i>Благословеннее отдавать любовь и внимание, чем принимать</i>
686. благослове□нно	<i>«Благословенно вам» (название фильма)</i>
687. бла□гостнее	<i>Куда благостнее замазать всю дискуссию елеем</i>
688. бла□гостно	<i>На меня благостно действуют их угрозы</i>

689. благотво- ри□тельное	<i>Вкладывать деньги в детские интернаты и дома для престарелых благотворительнее</i>
690. благотво- ри□тельно	<i>Выпечкой благотворительно помогла здешняя пекарня</i>
691. благотво□рнее	<i>Мой ник влияет на меня всё благотворнее</i>
692. благотво□рно	<i>Выборы благотворно повлияли на депутатов</i>
693. благоуго□днее	<i>Тысяча тысяч служат Ему на небесах несравненно ближе и благоугоднее</i>
694. благоуго□дно	<i>Не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры?</i>
695. благоусмот- ри□тельно	<i>Анафема благоусмотрительно была отменена Поместным Собором РПЦ</i>
696. благоустро□енно	<i>Возможность жить достойно и благоустроено ...</i>
697. благоуха□ннее	<i>Пока соцветье губ твоих цветет Благоухание звезды ранней</i>
698. благоуха□нно	<i>Розовый ветер несёт благоуханно забытьё</i>
699. благочести□вее	<i>Благочестивее почитать неведомое</i>
700. благочести□во	<i>Как благочестиво отпраздновать пасху?</i>
701. благочи□ннее	<i>Все члены этого шаловливого общества старались вести себя как можно благочиннее</i>
702. благочи□нно	<i>Умой руки и сиди благочинно</i>
703. блаже□ннее	<i>Блаженнее давать, нежели принимать</i>
704. блаже□нно	<i>Кто-то (не помню кто) блаженно улыбается</i>
705. бле□дненько	<i>Паровоз смотрелся очень бледненько</i>
706. бледнёхонько	<i>НСРЯ: Бледнёхонько. Нареч. нар.-поэт. Соотносится по знач. с прил.: бледнёхонький</i>
707. бледнёшенько	<i>У меня бледнёшенько болел живот</i>
708. бледне□е	<i>Стараюсь теперь одеваться бледнее</i>
709. бле□дно	<i>Поддельная зелень выглядит бледно</i>
710. бледнова□тее	<i>Фильм, конечно, бледноватее выглядит</i>
711. бледнова□то	<i>На их фоне наши потуги смотрятся бледновато</i>
712. блеску□че	<i>Картины написаны лихо, размашисто и блескуче</i>
713. блестя□ще	<i>Защита прошла блестяще!</i>
714. блёкло	<i>Приморский край выглядит блёкло</i>
715. блёстко	<i>Шашки наголо сверкают блестко</i>
716. ближа□йше	<i>Может, это – оно самое из ближайше реального?</i>
717. бли□же	<i>Новый год всё ближе и ближе</i>
718. близе□нько	<i>Срок уже близенько</i>
719. близёхонько	<i>На ту беду Лиса близёхонько бежала</i>
720. близёшенько	<i>Они сойдутся близёшенько</i>
721. бли□зко	<i>Метро близко</i>
722. близлежа□ще	<i>Так же «Дикси» скромнее по ценам и близлежаще</i>

	<i>расположен</i>
723. близору□ко	<i>Зайчик солнечный играет близоруко на асфальте</i>
724. блинообра□зно	<i>Над блинообразно растекийся тушей курился синеватый дымок</i>
725. блиста□тельно	<i>Блистательно умыли руки</i>
726. блонди□нистее	<i>Он выглядел немного по-другому, чем год назад, – выше, загорелее ... и даже блондинистее</i>
727. блонди□нисто	<i>Наивно, блондинисто нужно спрашивать</i>
728. блудли□во	<i>Ходят всякие блудливо</i>
729. блу□дно	<i>Царевна Софья ... жила блудно с боярами</i>
730. блужда□юще	<i>«Это был просто сон», – подумал Сережа, блуждающе глядя в потолок</i>
731. блюсти□тельно	<i>Рекомендательно, не задевая самолюбия клиента, но блюстительно ...</i>
732. бобови□дно	<i>Форма плода у бананов бобовидно согнутая</i>
733. БО□БРИКОМ	<i>Арагорн без бороды и со стрижкой бобриком</i>
734. бога□тенько	<i>Живут некоторые очень даже богатенько</i>
735. бога□то	<i>Богато живёшь</i>
736. богаты□рски	<i>Богатырски сильное рождается сердце</i>
737. бога□че	<i>Стали ли мы жить богаче?</i>
738. боге□мнее	<i>У Фредерика Безбедера получилось богемнее</i>
739. боге□мно	<i>Год начался богемно</i>
740. богобо□рчески	<i>Богоборчески разрубить каменную икону ...</i>
741. богобоя□зненное	<i>Будучи счастлив, он вёл бы себя лучше, честнее, благоправнее, богобоязненное?</i>
742. богобоя□зненно	<i>Чапесн покачал головой – смиренно так, богобоязненно</i>
743. боголе□пнее	<i>Да они ещё лучше других празднуют в безмолвии своем, – возвышеннее и боголепнее</i>
744. боголе□пно	<i>... любит боголепно пребывать мысленно в божественных местах</i>
745. богоме□рзко	<i>Наши стихи богомерзко модны</i>
746. богоми□льски	<i>Кроме легенд да некоторых богомильски окрашенных народных песен ничего не сохранилось</i>
747. богомо□льнее	<i>Сомкнуть нежней и богомольнее ...</i>
748. богомо□льно	<i>И я целую богомольно её невидимую ткань</i>
749. богосло□вски	<i>Богословски осмысливаются темы греха, искупления, святости ...</i>
750. богослуже□бно	<i>Быть Русской Церковью богослужебно, богословски, эмоционально</i>
751. богоспа-си□тельно	<i>... Отечеству нашему Российскому царя Самодержца богомудренного, богоспасительно правящего</i>
752. богоуго□днее	<i>Не намного ли богоугоднее было бы построить новую школу?</i>

753. богоуго□дно	Богоугодно жил как раз Каин
754. богоху□льное	Кто скажет богохульное ?
755. богоху□льно	А ругаешься отвратительно, богохульно, не смешно
756. бо□дренько	Целый день улыбаться бодренько ...
757. бодр□е	Держись бодрее, ветеран!
758. бо□дро	Рынок акций бодро падает
759. бодр□чески	Он бодрячески вскочил
760. бодр□ще	Пьётся легко, воздействует непосредственно и бодряще
761. боеви□тее	Да и вся команда выглядела гораздо боевитее
762. боеви□то	Анфас машина выглядит очень боевито
763. бое спосо□бнее	В этом году мы выглядим намного увереннее и бое-способнее
764. бое спосо□бно	Гости смотрелись более бое способно
765. бо□жески	Прошу божески
766. боже□ственное	Мироздание выглядит гораздо таинственнее и божественнее
767. боже□ственно	Ты просто божественно получила на этих фотках
768. бо□йко	Торговля идёт бойко
769. бо□йче	Бойче идёт нынче и торговля
770. бойче□е	Торговля спиртным в Сети идёт бойче
771. бо□к о□бок	Финиш бок о бок
772. БО□КОМ	Под ними разместили те же изделия боком
773. боксёрски	НСРЯ: боксёрски. Нареч. Как свойственно боксёру, как характерно для него
774. бо□ле	Я к вам пишу, чего же боле
775. бо□лее	Комплект от 12 цветов и боле
776. боле□зненнее	Чем ближе к кости, тем болезненнее проходит процесс
777. боле□зненно	Как это сделать менее болезненно?
778. болеутоля□юще	Тёплая морская вода действует болеутоляюще
779. боло□тисто	Сыро внизу, болотисто и противно
780. болтли□во	Бойко говорить, рассуждать болтливо и резко ...
781. больне□е	Чем сильнее и беззаветнее ты любишь, тем больнее
782. больнёхонько	И когда-нибудь может зацепить краем весьма больнёхонько
783. больнёшенько	И как есть-то мне больнёшенько
784. БО□ЛЬНО	Так ли уж больно рожать?
785. бо□льше	Узнайте про Италию больше!
786. большеви□стски	Иван вернулся с войны большевистски настроенным
787. большегла□зо	Пугачев подумал, большеглазо посмотрел в сторону реки
788. бо□рзо	Говори кратко, проси мало, уходи борзо
789. борода□вчато	А мужчины так и живут бородавчато

790.борода□то	Бородато глядят образа
791.борцо□вски	НСРЯ: борцовски. Нареч. разг. Как свойственно борцу, как характерно для него
792.БОСИКО□М	Очень полезна ходьба босиком ...
793.босоно□го	А может, всё-таки рвануть босоного ?
794.ботани□чески	Хотя арбуз ботанически представляет собой ягоду
795.бо□чечно	... проросли по заливку, по бокам, по бочечно круглой спине
796.бочкова□то	Диоген ведь бочковато думает
797.БОЧКО□М	Россия бочком продвигается в Ирак
798.бочко□м- бочко□м	Ну я бочком-бочком дальше себе пошёл
799.бочкообра□зно	Рабочая поверхность кольца выполнена бочкообразно
800.боязли□вее	Чем дальше, тем боязливее косился юный хоббит на непроглядные заросли
801.боязли□во	Они боязливо оглядываются по сторонам
802.боя□зненно	В избу боязненно просочился Захаров
803.боязне□е	Мне намного боязнее идти в институт
804.бо□язно	Что-то боязно завтра взвешиваться
805.браву□рно	Сказано бравурно
806.браконье□рски	НСРЯ: браконьерски. Нареч. Как свойственно браконьеру, как характерно для него
807.бра□нно	А народ суетливо, угрюмо, бранно подтверждает свое прозвище – «дачники»
808.бранчи□во	Он бранчиво Андрею выговор прочёл
809.бранчли□во	Есенин смотрел на это дело бранчливо
810.БРА□ТСКИ	НСРЯ: братски. Нареч. 1) Как свойственно брату, как характерно для него. 2) перен. Дружески.
811.бредо□вее	Получилось недурно, только ещё бредовее
812.бредо□во	Последнюю осень эпохи бредово , бедламно, в забвенье встречает моё поколение
813.брезгли□во	Брезгливо взял визитную карточку
814.бре□нно	НСРЯ: бренно. Нареч. устар. Соотносится по знач. с прил.: бренный
815.бретёрски	Он рисовался храбростью и бретёрски насмехался над ними
816.брига□дно	Вот и сегодня иду, бригадно , на гипнотизёра из Харькова смотреть
817.бродя□жнически	Тело распада, напротив, ведёт себя бродяжнически
818.бро□ско	Называется всё это безобразие броско
819.брюзгли□во	– Пахнет, пахнет, – сказал деверь брюзгливо
820.брюха□то	Скалы, брюхато нависающие над звериной тропой
821.бугри□сто	Всё заделали, но бугристо

822.бу□днично	Как-то буднично выиграли кубок России
823.бу□йно	Гражданка Кузнецова вела себя буйно
824.бу□йственно	Вот буйственно несётся ураган
825.БУКВА□ЛЬНО	Не слишком ли буквально мы воспринимаем слова «свободный рынок»?
826.букини-сти□чески	Если даже я завяну – букинистически они будут ценны
827.бунтовщи□чески	Дивизия настроена бунтовщически и самостийно
828.буржу□йски	НСРЯ: буржуйски . Нареч. разг. Как свойственно буржуям, как характерно для них
829.бурли□во	Море вздуется бурливо
830.бурла□цки	... бурлацки вздохнув, соображает регистраторша
831.бу□рно	Товарищи бурно выражали своё недовольство
832.быкова□то	Как-то всё это быковато выглядит
833.БЫ□СТРЕНЬКО	Переходим быстренько сюда
834.быстрёхонько	Да и вообще быстрёхонько время полетело
835.быстрёшенько	Как вставала я ранёшенько, убиралась я быстрёшенько
836.бы□стро	Как быстро похудеть без вреда для здоровья?
837.быстрогла□зо	Еля быстроглазо огляделась кругом
838.быстрокры□ло	И разметались быстрокрыло тени
839.быстролётно	Всё это быстролётно мелькнуло в уме Сергея
840.быстроно□го	А ты где, мой асфальтовый бег быстроного скользящей машины
841.быстрораство-ри□мо	Он на сопромате пел быстрорастворимо
842.быстроте□чнее	Чем больше город, тем оживлённее и быстротечнее сама жизнь проходит
843.быстроте□чно	Как быстротечно жизнь проходит
844.быстрохо□дно	Господа работают в быстроходно движущихся дирижаблях

Таким образом, в нашем реестре пока 1244 адвербиальные лексемы только на две буквы: 400 – на А и 844 – на Б. Следующий фрагмент реестра русских наречий (на буквы В, Г и т. д.) будет представлен в дальнейших публикациях сборника «Язык, сознание, коммуникация».

Литература

1. Багрянцева В.А., Галактионова И.В., Литневская Е.И. Внимание: образон! // Русская словесность, 1999. № 3.
2. Ван Цин. Семантика русских наречий на -о/-е: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1996.
3. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М., 2000.

4. *Панков Ф.И.* Наречная темпоральность и её речевые реализации: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997.
5. *Тихомирова Т.С.* Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1972.

С л о в а р и

1. *Грамматический словарь – Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. – М., 1977.
2. *НСРЯ – Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. Интернет-версия – www.rubricon.com.

Э л е к т р о н н ы е и с т о ч н и к и

1. Материалы лаборатории компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ (зав. лабораторией – проф. А. А. Поликарпов). «Электронный корпус русских газет конца XX века (10 млн словоупотреблений)». Интернет-версия – www.philol.msu.ru/~lex/corpdscr.html.
2. Поисковая система Яндекс.

О формально-структурной дезинтеграции сложного предложения в устно-речевом потоке

© кандидат филологических наук С.А. Шульскис, 2005

С началом изучения русской устной спонтанной речи (конец 60-х годов XX в.) объектом внимания исследователей становятся явления, влияющие на организацию и функционирование устного сложного предложения. Как выяснилось, сегментация, присущая устно-речевому потоку, порождает самые разнообразные свойства отношений, возникающих между компонентами предложения. Наиболее полно сегментация проявляется в монологической речи. Диалог, как правило, состоит из коротких ситуативно закрепленных реплик. В них обычно, во-первых, четко представлены границы предложения, во-вторых, более четкая внутрисконструктурная организация. Чем короче предложение, тем меньше возможностей для проявления деструктурирующих тенденций.

Иное дело устный монолог. Принцип сегментации, реализуемый в нем, позволяет говорящему в пределах одной конструкции соединять сегменты самого разнообразного устройства, что нередко выводит синтаксические построения устной речи, структурированные по типу сложного предложения, из сферы кодифицированных синтаксически нормированных моделей.

Преимущественно в монологической форме осуществляется, в частности, современная русская устная публичная речь, материал которой позволяет выявить различного рода отклонения от традиционно выделяемых схем построения русского предложения. Думается, что при обучении русскому языку иностранных специалистов необходимо уделять внимание ряду явлений, обуславливающих формирование и организацию предложения в устно-речевом потоке. Представление о диапазоне деформируемости русского предложения при устном продуцировании способствует лучшему пониманию устной речи, а также позволяет более осознанно подойти к ее изучению, что, в свою очередь, облегчает процесс включения в межкультурную коммуникацию.

В устной речи предложение оказывается под воздействием различных устно-речевых тенденций, одни из которых «работают» на скрепление формальной структуры предложения, другие – на ее расшатывание. Например, проявление тенденции к избыточности сегментных средств часто обеспечивает устойчивость сложному предложению, не позволяя ему распасться на отдельные фразы при устном продуцировании. Так, в устной речи весьма распространено дублирование подлежащего сложноподчиненного предложения в пределах одной предика-

тивной единицы, что нарушает нормы письменной речи, но необходимо с точки зрения устной организации предложения. Например: *Те / которые создавали идеологию / новую идеологию / в девяносто / девяносто втором году / они были пропитаны глубинной антикоммунистической идеологией //*. Ср.: *Те, кто создавал новую идеологию в девяносто втором году, были пропитаны глубинной антикоммунистической идеологией.*

Здесь подлежащее и сказуемое в главной части предложения оказались дистанцированы друг от друга придаточной частью. В этом случае при устном продуцировании возникают как минимум две возможности для трансформации предложения. Во-первых, существует опасность неправильного соотнесения грамматических форм главных членов предложения. Проговорив начало, говорящий иногда по ходу речи забывает, в какой грамматической форме было употреблено подлежащее и неправильно выбирает форму сказуемого, что приводит к ошибкам типа: *Наша партия / все что от нее зависело / все / что могло помочь этим людям / все что могли сделать / сделали //*. Ср.: *Наша партия сделала все, что от нее зависело, все, что могло помочь этим людям...* Во-вторых, нередко, забыв начало предложения (способ синтаксической организации), говорящий отказывается от его продолжения и переходит к новой конструкции: *Жалобы граждан / права которых я защищаю / когда вот вижу / что нарушения носят массовый характер / э-э / Поэтому я часто бываю в Чечне / и на Северном Кавказе / и на Чукотке / и где угодно //*.

В подобных случаях процесс формирования предложения в устной речи часто облегчается дублированием подлежащего, благодаря которому устраняется дистанция между субъектом и предикатом, в силу чего четко соблюдаются грамматические нормы соотнесенности членов предложения, а также обеспечивается необходимый скрепляющий потенциал, который не позволяет говорящему оставлять предложение незаконченным и переходить к следующей единице.

Действие таких тенденций придает формально-структурную устойчивость устному сложному предложению. Но в устной речи действуют и противоположные им дезинтегрирующие тенденции, результатом которых является образование а с т р у к т у р и р о в а н н ы х предложений (предложений с нарушенной внутрискруктурной организацией). Устный монолог изобилует конструкциями, в которых по ходу продуцирования речи происходит отступление от первоначальной ориентации на ту или иную схему сложного предложения. При этом вновь образованная единица формально отвечает статусу предложеньеской структуры (так как обладает необходимыми грамматическими признаками): она содержит предикативные цен-

тры, распространяющие члены, определенные средства связи (оформляющие семантико-синтаксические отношения). Однако при комбинации элементов предложения может происходить нарушение семантико-синтаксической соотнесенности между ними. Начинают действовать дезинтегрирующие тенденции: формально имеются необходимые условия для организации предложения, однако в самом процессе организации происходит сбой в ориентации на ту или иную схему предложения, в результате чего расположение компонентов внутри предложения не отвечает правилам книжно-письменного построения.

Основной принцип организации устного предложения – посегментное нанизывание – создает благоприятные условия (особенно в монологическом тексте) для возникновения аструктурированных конструкций. Если к тому же конструкция строится еще и по принципу экономии сегментных средств, понимание смысла предложения в целом затрудняется, однако формально-семантическая реконструкция, осуществляемая на фоне синтагматического восстановления элиминированных участков устно-речевой цепи, позволяет соотнести конструкцию с тем или иным общелитературным эквивалентом. Ср.: *Первичное дело / э-э / несмотря на то что / вот я хотел бы сказать / многие из наших радиослушателей / имеют различные жалобы / различные недомогания / и зачастую не знают / к какому конкретному врачу обратиться //*.

Здесь произошло наложение двух информационных пластов: говорящий предполагал рассказать об определенном заболевании и одновременно сообщить, к какому специалисту с аналогичной проблемой следует обратиться. По ходу речи второй информационный пласт оформляется как констатация ситуации: *многие из наших радиослушателей... не знают, к какому... врачу обратиться*. В результате начало предложения (от *первичное дело* до *сказать*) оказывается синтаксически не соотнесенным с его последующей частью.

Если восстановить элиминированные участки устно-речевой цепи и трансформировать ее отдельные звенья, можно предположить, что мысль говорящего могла быть выражена следующим сложноподчиненным многокомпонентным предложением: *Несмотря на то, что я хотел бы сказать об этом заболевании, первичная задача – сообщить радиослушателям, которые имеют различные жалобы, к какому конкретному врачу они могут обратиться*.

Ср. еще: *Если люди говорят / что / так сказать / хотите ли вы вернуться / там к ценам за водку / три шестьдесят два / там / к ценам / понятно / что здесь девяносто процентов / выступает дружно «за» //*.

Во втором случае диффузность структуры возникает также как результат наложения двух денотативных планов, неверно оформленных

грамматически. Речь шла о том, что, когда социологи спрашивают, хочет ли население вернуться к прежним ценам, ответ всегда положительный. Говорящий начинал конструкцию таким образом, что сначала должна была быть представлена позиция населения. Ср.: *Если люди говорят, что они хотят вернуться к прежним ценам, это понятно.* Но по ходу речи в конструкцию был введен вопрос социологов, причем в прямой форме, что синтаксически не оправдано. В данном случае вопрос должен иметь косвенную форму и сочетаться с более точным предикатом. Ср.: *Понятно, что если спрашивают, хотят ли люди вернуться к ценам за водку 3 р. 62 коп., то 90 процентов выступают дружно «за»*

Конструкция может структурироваться и таким образом, что в ней присутствует неоправданное нагромождение связочных средств, затрудняющих идентификацию типов отношений. Например: *Когда они (журналисты – С.Ш.) это делают / безответственно / а это тоже бывает / тогда / государство / я понимаю что / когда оно реагирует на это //*. Ср.: *Я понимаю, что, когда журналисты делают это безответственно (а это тоже бывает), государство реагирует на это.*

Приведенный материал показывает, что аструктурированные конструкции различны и при этом нетипизированы. Общим для них является то, что при произвольном следовании форме сложного предложения слабо дифференцируются синтаксические связи между компонентами внутри него. Аструктурированные конструкции возникают в результате отступления в процессе речепроизводства от изначально заданной схемы предложения. Оно может быть формально различным.

Так, в устном монологе распространены конструкции, в которых введение дополнительной информации в виде определенного сегмента высказывания приводит к отступлению от заданной в начале предложения книжно-письменной схемы. Ср.: *Стали замечать что вот такое широкое / и порой бесконтрольное использование психотропных средств / которое / э-э / ну буквально захлестнуло весь мир / э-э / в 50-е 60-е годы / помимо того что состояние / безусловно улучшается / но со временем создаются проблемы //*. Изначально такая конструкция строится по типу многокомпонентного сложноподчиненного предложения с придаточными изъяснительным и местоименно-соотнесительным. Ср.: *Стали замечать, что такое широкое и бесконтрольное использование психотропных средств, помимо того, что улучшает психическое состояние, со временем создает проблемы.* Введение дополнительной информации, которая оформляется как придаточное определительное (от *которое* до *годы*), деформирует предложение. Поскольку сегмент с дополнительной информацией достаточно протяженный, произ-

нося его, говорящий забывает начало предложения (способ синтаксической организации начала конструкции) и вынужден продолжать высказывание, нарушая морфолого-синтаксическую соотнесенность предикативных частей предложения, в результате чего немотивированно образуется полипредикативное предложение с союзом *но* на основном уровне членения.

Ср. еще: *Но вот когда люди говорят что / сравнивают девяносто первый и щас / мы согласны / с тем что / щас ситуация другая //*. Здесь сегмент с дополнительной информацией оформляется как вставочная конструкция (от *сравнивают* до *щас*). Наличие этого сегмента приводит к обрыву высказывания и его продолжению по другому типу структурирования, в результате чего начальный сегмент (от *но* до *что*) оказывается вне синтаксических связей в предложении. Ср. книжно-письменный вариант: *Но когда люди, сравнивая 91-й год и современную ситуацию, говорят, что сейчас ситуация другая, мы согласны.*

Нарушение семантико-синтаксической соотнесенности сегментов предложения может быть вызвано отступлением от синтаксических правил расположения предикативных частей внутри конструкции. Например: *А / понимаете / мысли такой / что человек пишет / а потом будет думать / что дальше делать / вот / мысль такая у Булгакова была / а у них не было //*.

Изначально предложение строилось как полипредикативное сложносочиненное предложение с сопоставительными отношениями на основном уровне членения. Ср.: *Мысли такой, что человек сначала пишет, а потом думает, что делать дальше, у них не было, а у Булгакова такая мысль была.* В реальном воплощении перегруппировка предикативных частей оставляет незаконченным начальный информационный сегмент *мысли такой...* Он оказывается не охваченным семантико-синтаксическими связями в предложении.

Прерывание синтаксической перспективы высказывания может быть связано с тем, что говорящий в другой форме, иными средствами передает информацию, которую предполагалось выразить. Например: *Да / конечно / а-а / российские люди / в значительной степени адаптировались к / к резко обострившемуся неравенству послесоветского периода / но полагают / что / основные / что масса / что большинство людей / так сказать / эмоционально / и интеллектуально / согласны с тем / неравенством / которое существует / в российском обществе / м-м / я боюсь что это не так //*.

Последний сегмент предложения, оформленный как сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным (от *я* до *не так*), оказывается синтаксически не соотнесенным с предыдущими частями предложения. Изначально информация, которую излагает говорящий,

требовала иной организации предложения. Ср.: *Российские люди в значительной степени адаптировались к резко обострившемуся неравенству послесоветского периода, но не следует полагать, что большинство людей согласны с тем неравенством, которое существует в российском обществе.* По ходу речи эта же мысль выражается иными лексико-синтаксическими средствами, что приводит к деструктуризации предложения.

Еще пример: *С одной стороны / большинство абсолютно готово к пересмотру приватизации / а с другой стороны / сказать / что да / вот мы вообще говоря / все должны примерно равны / по доходам / по распределению / оно не готово к этому //*.

Семантико-синтаксическое отношение последнего сегмента (от *оно* до *к этому*) к предыдущим частям предложения трудно квалифицировать. Согласно первоначальному замыслу, вероятно, мысль говорящего должна была быть выражена следующим образом: *С одной стороны, большинство абсолютно готово к пересмотру результатов приватизации, а с другой стороны, оно не готово к тому, что все должны быть равны по доходам, по распределению.*

То же самое происходит в следующем примере: *Вот / вообще говоря / разговоры о том / что как-то американцы богатели / особенным образом / э я с этим не согласен //*.

Изначально предложение строилось как сложноподчиненное с придаточным изъяснительным. Ср.: *Разговоры о том, что американцы богатели каким-то особенным способом, не верны, на мой взгляд.* По ходу речи говорящий выражает первично заданную мысль иначе: с помощью предикативной части *я с этим не согласен*, которая структурно-грамматически не соотносится с предшествующими частями предложения.

Возможны случаи, когда говорящий, изменив свой замысел по ходу речи, вводит в предложение определенный сегмент, а затем отказывается от него, возвращаясь к изначальному замыслу. Сегмент оказывается вне структурно-семантических связей внутри предложения. Например: *В Минатоме по этому поводу / вот я во всяком случае ничего не слышал / но я обычно такие вещи / если что-то такое серьезное происходит / то у нас / естественно / э-э / обсуждается на наших коллегиях / и на наших оперативных совещаниях //*. Ср.: *В Минатоме я по этому поводу ничего не слышал, но если что-то такое серьезное происходит, то это обсуждается на наших коллегиях и оперативных совещаниях.*

Перестройка предложения по ходу речи может и не прерывать его семантико-синтаксической перспективы, но спонтанность и необратимость устно-речевого потока не всегда позволяют говорящему правильно

но выбрать синтаксическую форму того или иного сегмента. Например: *Это говорит о / каком-то исчезновении социального такта / который я думаю / которой / думаю / удивились бы и русские дворяне / и русские аристократы / не говоря там о большевиках / аскетах / в какой-то степени они были //*.

Согласно литературной норме, последние два сегмента предложения (от *аскетах* до *были*) должны быть оформлены как придаточное определительное: *Это говорит об исчезновении социального такта, которому удивились бы и русские дворяне, и аристократы, не говоря уже о большевиках, которые в какой-то степени были аскетами*. В реальном воплощении последний сегмент (от *в какой-то* до *были*) представляет собой предикативную часть, присоединяемую бессоюзной связью к предыдущим частям предложения. При этом квалифицировать ее семантико-синтаксические отношения внутри предложения затруднительно.

Основной сферой действия деструктурирующих тенденций в синтаксисе сложного предложения являются полипредикативные предложения, образованные на основе двух типов связи (сочинение, подчинение), а также сложноподчиненные многокомпонентные предложения. А вот в сфере сложносочиненного предложения не отмечены конструкции аструктурированного типа. Представляется, что это не случайно.

Реальное порождение предложений в устной речи происходит не только путем воспроизведения готовых синтаксических образцов, но и путем создания каких-то новых форм синтаксической организации, которые могут оказаться и воспроизводимыми, и окказиональными. А так как сложная мысль (что характерно для интеллектуализированного типа речи) требует воплощения в усложненной форме, то естественно, что формирование предложений по принципу нарушения семантико-синтаксической перспективы высказывания в большей степени свойственно сфере полипредикативных предложений. Чем сильнее желание говорящего представить многоаспектный охват излагаемых фактов, взаимосвязь явлений, взаимообусловленность ситуаций, тем чаще происходит отступление от изначально задуманной структурно-семантической схемы предложения, ведущее к возможной представленности в предложении разных типов связи. Предложения, образованные на основе одного типа связи, обладают большей степенью структурно-семантической спаянности, что реже позволяет говорящему отступать от определенной структурно-семантической схемы.

Тип предложения (сложносочиненное или сложноподчиненное), объем и степень его синтаксической сложности влияют на характер дезинтеграционных процессов, протекающих в нем при устном продуцировании.

Паратактическая форма позволяет говорящему сегментировать общее содержание высказывания на отрезки, обладающие относительной автономностью. Они в устной речи, как правило, небольшие по объему, не содержат в себе элементов, синтаксически усложняющих структуру (причастных, деепричастных оборотов, протяженных рядов однородных членов, обособлений различного рода и др.). Предикативные единицы (ПЕ) сложносочиненного предложения (ССП) обычно строятся по типу двусоставного минимально распространенного простого предложения. В этом случае проявление деструктурирующих тенденций минимизировано: небольшой объем и семантическая определенность, представленная в предикативных единицах ССП, обеспечивают формально-структурную устойчивость предложению.

Другое дело сложноподчиненное предложение (СПП). Предикативные части СПП лишены автономности, они находятся в отношении взаимной обусловленности. Усложнение семантической организации обычно ведет к усложнению компонентного состава предложения, что, в свою очередь, создает благоприятные условия для внутривидовых перестановок, которые и приводят к образованию аструктурированных конструкций.

При этом степень синтаксической сложности конструкции в устной речи не находится в прямой зависимости от типа предложения. Подобно тому, как ПЕ сложносочиненного предложения часто строятся по типу простого нераспространенного предложения, так и части СПП могут не содержать в своем составе распространяющих или усложняющих ПЕ элементов. Однако механизм такого построения частей предложения в случае паратактических и гипотактических структур различен.

Грамматическая природа открытых сложносочиненных предложений предполагает цепочечный принцип образования структуры. Паратактическая форма изначально закладывает возможность членения выражаемой мысли на относительно автономные отрезки. ПЕ поэтапно, последовательно соединяются, образуя предложение. При этом фактор устности обуславливает относительную простоту устройства ПЕ, так как в устной речи сегменты неосложненного строения быстрее и легче оформляются грамматически, что облегчает речевые усилия говорящего.

В случае сложноподчиненного предложения действует иной механизм образования ПЕ неосложненного синтаксического устройства. Он связан с различными способами экономии сегментного состава высказывания. С одной стороны, взаимная зависимость ПЕ гипотактических структур требует наличия в предложении определенных соотносимых элементов, ее создающих: это двойные связочные средства, анафориче-

ские и катафорические элементы, повторы, различного рода актуализаторы и под. Все это обуславливает распространение ПЕ внутри сложноподчиненного предложения.

С другой стороны, фактор устности предполагает такое построение СПП, при котором грамматическая правильность (соотнесенность видо-временного и модального планов, правильный выбор местоименных коррелятов, соотнесенность грамматических форм субъекта и предиката) достигается при условии простоты и краткости ПЕ. Поэтому говорящий часто прибегает к компрессии текста: необходимая часть информации, которая уже звучала в предыдущем контексте, не вводится во вновь образуемое предложение. В результате возникают конструкции, предикативные части которых (или одна из них) состоят либо только из главных членов, либо из одной самостоятельной лексемы (любого члена предложения). Ср.: *(Если конечно / им удастся данные свои подтвердить /) Правда / не думаю что удастся //; (... эта широкомасштабная мировая война / безусловно / потребует подготовки очень мощной армии //) Армии / которая могла бы в этой войне победить //*.

Таким образом, паратактическая форма по своей природе приспособлена для продуцирования в устной речи ПЕ неосложненного устройства, а гипотактическая – часто подвергается трансформации, в результате которой нередко возникают аструктурированные конструкции.

Сегментированный характер речепроизводства в целом создает благоприятные условия для «разрыхления» структуры сложного предложения. При этом аструктурированность, являющаяся следствием такого «разрыхления», не воспринимается адресатом как деформация, вызывающая дискомфорт восприятия, так как информация получается и осмысливается по сегментам.

Л и т е р а т у р а

1. *Андреева С.В.* Структурно-семантическая трансформация языковых единиц в речевом потоке // Семантика языковых единиц. Т.2. М., 1998.
2. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
3. *Воронина Н.И.* Сегментная и суперсегментная организация разговорной речи: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2001.
4. *Ганиева И.Ф.* Синтаксическое описание устного спонтанного текста – возможности, анализ, результаты: Автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 1998.
5. *Крылова О.А.* Сложное предложение в языке и речи // Сложное предложение. Традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Вып. 1. М., 2000.
6. Современная русская устная научная речь / Под ред. *О.А. Лантевой*. Общие свойства и фонетические особенности. Т. 1. Красноярск, 1985.

Синтаксический потенциал бессоюзной связи при формировании полипредикативного предложения в устной речи

© кандидат филологических наук С.А. Шульскис, 2005

Организация и функционирование сложного предложения в устной речи подчинены определенным закономерностям, обусловленным формой реализации речи. Они подробно описаны в лингвистической литературе. Однако долгое время исследователи не обращались к изучению полипредикативного сложного предложения (ПСП). Считалось, что в условиях устно-речевого потока большой объем и наличие слабых синтаксических связей на основном уровне членения не обеспечивают полипредикативной конструкции необходимый скрепляющий потенциал, позволяющий ей функционировать в качестве целостной синтаксической единицы (при устной реализации ПСП распадается на отдельные фразы). Данные последних синтаксических исследований спонтанной речи, показывают, что это не так. Устная речь насыщена полипредикативными структурами, чему способствует ее поsegmentная организация.

Согласно устоявшимся в лингвистике представлениям, термином «полипредикативные» традиционно принято обозначать конструкции, предикативные части (ПЧ) которых соединены разнотипной синтаксической связью (сочинением, подчинением, бессоюзием). Образование ПСП подчинено принципу иерархичности, соответственно которому одна связь является доминирующей, а другая (другие) второстепенной (второстепенными). Доминирующая связь формирует основной уровень грамматического членения в предложении. Тип ПСП определяется по виду этой связи: выделяют предложения с сочинительной связью на основном уровне членения и предложения с бессоюзной связью.

Здесь мы рассмотрим полипредикативные бессоюзные сложные предложения (ПБСП). Устная форма реализации накладывает определенные ограничения на их формирование и функционирование. Это обуславливает структурно-семантические особенности данного типа конструкций сравнительно с аналогичными книжно-письменными. Интересно проанализировать, каковы же эти особенности.

В качестве сферы функционирования ПБСП рассматривается современная устная публичная речь (УПР). УПР – это публично адресованная речь на любые социально значимые темы (политика, экономика, медицина, образование, спорт, наука и др.). Это речь прежде всего радио- и телевыступлений специалистов в различных областях знания.

УПР обладает свойствами, релевантными для организации ПБСП. Три фактора – интеллектуализированный характер речи (обусловленный тематикой выступления), преимущественно монологическая форма (обусловленная неконтактным, как правило, способом общения) и устная реализации – порождают специфику полипредикативных конструкций УПР.

Анализ ПБСП строится с учетом особенностей строевых элементов предложения. Различаются три их основных вида: часть, компонент, блок. Частью называется совокупность сегментов, построенных по типу простого предложения. Под компонентом понимается структурно-формальное объединение, аналогичное схеме сложноподчиненного предложения. Блок – структурно-смысловое единство частей, оформленное бессоюзной или/и сочинительной связью. Для ПБСП релевантно также понятие форманта. Под формантом понимается строевой элемент предложения, представляющий собой либо часть, либо компонент, либо блок.

Как уже отмечалось, ПСП может содержать либо три типа связи (сочинение, подчинение, бессоюзие), либо два (бессоюзие / сочинение или бессоюзие / подчинение). В случае участия в организации предложения бессоюзия и сочинения, возникает вопрос относительно закономерностей выделения в качестве ведущей синтаксической связи именно бессоюзной.

Бессоюзная связь может обладать различной «поглощающей» силой в зависимости от того, какую конструкцию она оформляет: существующую автономно, не соотносимую с союзными структурами, или синонимичную сложносочиненным или сложноподчиненным. Это значительно увеличивает трудности при вычленении бессоюзия в качестве доминирующей связи. На сегодняшний день в лингвистической литературе не выработаны четкие критерии для решения этого вопроса. Проблема, как правило, ограничивается эмпирическими наблюдениями (см. работы М.Ф. Алексеенко, Л.Д. Беднарской и др.).

Для материала устной речи актуальным является следующее замечание. Полипредикативное сложное предложение, включающее три типа связи, как правило, является достаточно протяженным по объему. Для УПР в силу особенностей восприятия устного текста изначально не характерны большие по объему конструкции. Такие предложения встречаются крайне редко и структурируются таким образом, чтобы каждая предикативная часть содержала определенный показатель (лексический, грамматический, структурно-семантический), указывающий на тесную взаимосвязь с последующей частью. Например: ¹Когда человеку плохо / ²я имею в виду плохо психически / ³то надо четко дифференцировать или различать / ⁴это психиатрия / ⁵то есть человек уже

ку-ку / или ⁶здесь / человек имеет нормальное / так сказать / четкое и ясное мышление / ⁷но просто просто ему действительно плохо / ⁸и у него депрессия //.

ПЧ-2 и ПЧ-5 являются вставочными конструкциями, содержащими дополнительное пояснение. ПЧ-1 и ПЧ-3 связаны условными отношениями, оформляющимися союзом *когда*. ПЧ-3 и ПЧ-4 связаны бессоюзной связью, выражающей изъяснительные отношения (*различать* что?), в силу чего ПЧ-3 является структурно не завершенной и находится в тесной формально-грамматической связи с последующей предикативной единицей (ПЧ-4). ПЧ-6-8 построены по схемам простого предложения и соединены сочинительными союзами. При этом ПЧ-6,7 четко соотносятся по смыслу с ПЧ-4 и вступают в разделительно-противительные отношения. Ср.: [... *надо различать:*] *это психиатрия, или человек нормален, но ему плохо...* ПЧ-8 находится в тесной формально-смысловой связи с ПЧ-7, на что указывает структурный параллелизм предикативных частей, использование контекстных синонимов (*плохо – депрессия*), использование косвенной формы выражения субъекта (*ему – у него*).

Все перечисленные признаки прочно скрепляют структуру, что поддерживается интонационным и темпоральным оформлением. Однако такие конструкции в УПР встречаются нечасто. Чем обширнее конструкция, тем больше у нее возможностей распаться на отдельные простые предложения по линии бессоюзной или сочинительной связи. Ср.: ¹*Мы помним / ²двухтысячный год / среди прочего / это был год / э-э / беспрецедентно хорошего экономического / э-э / положения / в стране // ³Так что вот на фоне этого э / беспрецедентно хорошего положения / на на фоне / нормальных финансовых поступлений в страну / и э в условиях военных действий / можно было бы действительно провести / перестройку оборонно-промышленного комплекса / и начать мелкосерийное производство новых вооружений // ⁴Но этого не произошло // ⁵И это печально //.*

В данном примере ПЧ-1 и ПЧ-2 связаны тесной структурно-семантической зависимостью (изъяснительными отношениями: *помним* что?). ПЧ-3 представляет собой самостоятельное отдельное предложение, несмотря на наличие союза *так что* в начале конструкции. Иной модальный план этого предложения (*можно было бы...*), а также иной предмет речи (*перестройка оборонно-промышленного комплекса, производство новых вооружений*) вполне позволяют оформить данную конструкцию как отдельное простое предложение, что и делает говорящий, создавая определенный интонационно-темпоральный фон. ПЧ-4,5, несмотря на наличие сочинительных союзов и вмещающих местоимений *этого, это*, также оформляются говорящим как отдельные простые

предложения, что оправдывается их разноструктурной и разнограмматической оформленностью (*не произошло* – безличное предложение с глагольным сказуемым; *это печально* – личное двусоставное предложение с именным сказуемым).

Исходя из всего сказанного, отметим, что в УПР в основном представлены ПБСП, включающие бессоюзную и подчинительную связь, так как именно такой тип конструкций обладает наибольшим количеством структурно-семантических элементов, прочно скрепляющих структуру предложения. Обратимся к их анализу.

С точки зрения представленности семантических отношений, оформляемых бессоюзной связью, среди ПБСП были выявлены следующие типы:

1. Соединительно-перечислительные: *Есть разная общественность / есть разные организации / которые выступают против войны в Чечне* // 2. Сопоставительные: *Значит / человеку наверно / не надо здесь конкурировать / ему нужно сосредоточиться на том / что он умеет делать лучше* // 3. Присоединительные: *Сейчас они (институты – С.Ш.) становятся академиями или университетами / потому что они / начинают включать в свое обучение / многие предметы / скажем / э-э / и специальности и экономические / и юридические / что не всегда оправдано* // 4. Изъяснительные: *Ну вот вы представьте / я немец / который хочет учить русский язык* // 5. Пояснительные: *Э-э скажем так / э-э / проведение единого национального экзамена / или единого государственного экзамена / в России / сильно затруднено / потому что у нас одиннадцать часовых поясов / огромные пространства / плохо с дорогами как видно* // 6. Объяснительные: *Но когда советский Союз распался / при Ельцине / как мне кажется / причина здесь только одна / там не было больше чему держаться* // 7. Пояснительно-объяснительные: *Прежде всего я хочу / э-э / просто сделать такое маленькое замечание / субъекты Российской Федерации / это конституционное понятие / поэтому в отношении субъектов не надо применять выражения типа «так называемые»* //

Обращает на себя внимание то, что количество семантико-синтаксических отношений в ПБСП существенно ограничено сравнительно с бипредикативными бессоюзными предложениями других разновидностей интеллектуализированной речи (см. [Шульские 2000]). Палитра семантико-синтаксических отношений в бипредикативных бессоюзных конструкциях богаче, чем в полипредикативных. Представляется, что ограниченность семантических отношений в ПБСП связана с действием фактора внутривидовой организации предложения. Средством дифференциации семантических отношений в бипредикативной конструкции является лексико-семантическое

тивной конструкции является лексико-семантическое наполнение предикативных частей. Оно разнообразно, и, соответственно, разнообразны типы выделяемых отношений. В ПБСП дифференциация отношений, как правило, осуществляется за счет формантов, построенных по схеме сложноподчиненного предложения, так как они содержат семантические союзы, благодаря которым непосредственно указывается тип отношений. Естественно, что в этом случае количество отношений, выражаемых непосредственно бессоюзной связью, снижается. Поэтому в ПБСП в целом представлено ограниченное количество типов семантико-синтаксических отношений, сравнительно с бипредикативными конструкциями.

Что касается внутрiformантной организации ПБСП, то здесь выделяются только два типа предложений:

1) предложения с бессоюзной связью между частью и компонентом: *Была выявлена структура ДНК _ / было показано / что это наверняка ген / струк / образование генной природы //*; 2) предложения с бессоюзной связью между блоком и компонентом: *Были протесты местного населения / была экологическая экспертиза _ / единогласно было принято о том что / проект экологически безопасен //*.

Уже отмечалось, что в УПР представлены в основном ПБСП, включающие бессоюзную и подчинительную связь, так как такие конструкции обладают наибольшим скрепляющим потенциалом. Поэтому в УПР функционируют в основном два вышеназванных типа предложений. Соединение же части и блока, а также компонента и компонента (что распространено в книжно-письменном синтаксисе) в условиях устной реализации речи не обладает необходимой степенью скрепляющей потенции (нет опоры на конструктивные элементы высказывания). Такие конструкции при устном продуцировании чаще всего распадаются на отдельные предложения.

Говоря о структурной организации полипредикативного предложения, следует отметить еще одно. В отечественной лингвистике было сформулировано основное правило построения многокомпонентных сложных предложений, согласно которому «так как полипредикативные конструкции разворачиваются слева направо, то на всех конечных уровнях членения постпозитивные форманты, как правило, сложнее, чем предшествующие» [Уханов 1985:100]. Применительно к книжно-письменному синтаксису это так. В устном же синтаксисе существуют значительные отступления от этого принципа. Как показывает наш материал, ПБСП структурируются совершенно свободно: инициальную позицию нередко занимает формант более сложного строения, чем последующий.

Устный текст во многом строится по принципу ассоциативных связей. По ходу речи говорящий что-то вспоминает, что-то дополняет, уточняет. В результате этого инициальный формант предложения структурируется по более сложной схеме (отражающей сложность мысли), чем последующий. К тому же он может осложняться элементами, не входящими в структурную схему предложения, но весьма расширяющими объем форманта в целом. Так, например, в УПР бессоюзных конструкций с препозицией компонента по отношению к части много. При этом компонент может быть усложнен дополнительной придаточной частью. Например: *На одном совещании / по одному вопросу / в котором / я принимал участие / которое проходило вчера / было сказано / резолюции ООН давно перестали быть / для некоторых / непрерываемыми //; Выяснилось / что для того чтобы успеть к первому сентября / за пять месяцев / э издатели / должны подать пленки / э-э / в типографии / запустить этот процесс сейчас / по-другому это не получится //; Пациент указывает на то что он жалуется / может быть не жалуется / что его гипотетически беспокоит / наследственные какие-то вещи / врач диагностирует //*

В организации полипредикативного бессоюзного сложного предложения УПР отражаются принципы, закономерности, способы построения устной спонтанной речи. Это обуславливает возможность и необходимость изучения ПБСП в общей системе ее синтаксических единиц.

Литература

1. *Алексеевко М.Ф.* Полипредикативные сложные предложения с бессоюзной связью в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1973.
2. *Беднарская Л.Д.* Бессоюзные сложные предложения и текст // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988.
3. *Беднарская Л.Д.* Закономерности грамматического и смыслового членения многокомпонентного сложного предложения // Филологические науки, 2001, № 1.
4. *Инфантова Г.Г.* Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. Ростов-на-Дону, 1973.
5. *Константинова А.Ю.* К вопросу о выделении и интерпретации предложения и высказывания в устной научной речи // Лингвостилистические особенности научного текста. М., 1981.
6. *Лаптева О.А.* Живая русская речь с телеэкрана. М., 2000.
7. *Поликарпов А.М.* Сложное предложение в немецкой разговорной речи. Архангельск, 2000.
8. *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
9. *Уханов Г.П.* Способы построения и синтаксические связи в сложных предложениях // Служебные слова и синтаксические связи. Владивосток, 1985.
10. *Шульскис С.А.* Явление бессоюзия в устной научной речи: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2000.

Разновидности композиционно-речевой формы «описание»

© Т.А. Ленкова, 2005

Являясь одной из композиционно-речевых форм (далее КРФ), «описание» служит для передачи состояния действительности, окружающей человека. Как правило, выделяются две основные разновидности «описания» – статическое и динамическое. Однако, немецкое языкознание изобилует множеством терминов для обозначения одной и той же КРФ. Так, для статического описания используются наименования *Gegenstandsbeschreibung* и *Vorgangsbeschreibung*, а для динамического – *Schilderung*, *Beschreibung erlebnismäßig-künstlerischen Typs*, *das personenreiche bewegte Bild*, *Zustandsschilderung*, *Situationsschilderung*, *Vorgangsschilderung*, а также *Erlebnisschilderung*.

Попробуем разобраться в многообразии приведенных выше терминов. О любом предмете или процессе можно высказаться отвлеченно, то есть, не принимая во внимание то впечатление, которое может быть произведено на собеседника. Иногда рассказчик, передавая какую-либо информацию, погружается в гущу событий и из их эпицентра «транслирует» нам, как происходящие процессы и окружающие его предметы воздействуют на него, какие мысли и чувства они вызывают. Таким образом, разница между статическим и динамическим описанием обусловлена противоположными целеустановками. Статическое описание стремится с максимальной объективностью передать все существенные характеристики предмета или процесса. Динамическое описание в большей степени занято выражением влияния, действия, оказываемого предметом или процессом на объект.

Объектом статического описания может быть как предмет, так и процесс. Для обозначения данных языковых явлений в немецком языке существует два термина *Gegenstands-* и *Vorgangsbeschreibung*. Описывающий, как правило, передает ту информацию, которую он видит, слышит, обоняет, ощущает. Например, свидетель преступления описывает внешность предполагаемого виновника. Статическое описание широко распространено во всех сферах человеческой жизнедеятельности и, прежде всего, в области техники. Примерами статичности могут служить как описания станков, приборов, испытательных установок, так и описания произведений искусства, внешности человека, пейзажей. Например:

Der Bayerische Wald, ganz im Südosten, bildet mit dem angrenzenden Böhmerwald der Tschechischen Republik das größte zusammenhängende Waldgebiet Europas. Hier gibt es sogar noch richtigen «Urwald» mit Moo-

ren, Bergbächen und Gletscherseen. Eine echte Entdeckung ist auch der Nationalpark Müritz in Mecklenburg – Vorpommern, ein Gebiet mit mehr als 130 großen und kleinen Seen und alten Buchenwäldern. Mit etwas Glück kann man hier noch Seeadler beobachten. Die «Sächsische Schweiz» nahe Dresden wartet mit einer für Mitteleuropa einzigartigen, bizarren Felslandschaft auf, dem Elbsandsteingebirge, das sich auch vom Schiff aus, während einer Fahrt auf der Elbe, bewundern lässt¹.

Чаще всего, описываемый предмет состоит из определенных частей, которые могут быть описаны автономно, и затем синтезированы в один общий образ. Очередность описания зависит от структуры и функций частей. Такое описание, однако, возможно в том случае, если предмет находится в абсолютном покое. Как только он начинает функционировать, то на первый план изложения выходит темп, изменения в структурном устройстве, степень действия той или иной части в процессе. Одним словом, из статического описания предмета мы получаем статическое описание процесса (Gegenstandsbeschreibung → Vorgangsbeschreibung). Мы говорим здесь именно о статическом описании процесса, так как в подобных типах текстов регистрируется лишь общий ход процесса, его наиболее существенные, типичные фазы, то есть, речь идет не о единичном, а о характерном и повторяющемся течении событий. Сферами применения статического описания процесса являются инструкции по эксплуатации, руководства по проведению лабораторных опытов, кулинарные рецепты. Например:

«Gebratener Karpfen»: Den vorbereiteten Karpfen in Portionsstücke teilen, leicht säuren, salzen mit gehackter Petersilie, Pfeffer, geriebener Zwiebel und ein wenig abgeriebener Zitronenschale bestreuen. Die Fischstücke in Mehl wenden und in reichlich heißem Fett braten. Mit Zitronenscheibchen und Anchovisröllchen garnieren².

Рассказчик может пользоваться при описании как индуктивным, так и дедуктивным методом, иногда опираясь на кругозор и интересы своего собеседника. Однако, какой бы путь он ни выбрал, принцип объективности изложения должен оставаться неизменным. Описание удалось, если оно заменило слушателю/ читателю его собственное видение предмета или процесса. При этом особое внимание должно уделяться тщательному подбору языкового материала. В технических описаниях очень часто встречаются профессионализмы. Например, описание вольера для птиц:

«Die Funktionsbereiche der Kleinvoliere»: Sitzungen auf einer erhöhten, eingezogenen Ebene bieten Gelegenheit zum Ruhen und Schlafen; von da geht es zum Einstreubereich am Boden, wo das Huhn scharren und staubba-

¹ Deutschland. Nr.2/2001.

² Das Kochbuch. Leipzig, 1979, S. 127.

den kann. Der Futtertrog ist eine große Rinne, an der mehrere Hühner Platz finden. Auch die Vielzahl der Wasserstellen erlaubt stressfreies Trinken. Ungestört kann sich das Huhn zum Eierlegen hinter einen Vorhang aus Plastikplanen zurückziehen; von dort rollen die Eier aus dem Käfig und werden dann eingesammelt. Der Kot fällt durch Gitter und kann über Laufbänder entsorgt werden³.

Кроме того, М. П. Брандес выделяет такие разновидности описания как:

- 1) описания с единым планом прошедшего времени,
- 2) описания с единым планом настоящего времени,
- 3) номинативные описания.

Она считает, что однотипность форм сказуемого является основным показателем статичности. За содержание данной КРФ М.П. Брандес принимает некое застывшее состояние. При этом смысловую нагрузку несут существительные и прилагательные. Подобный метод описания она называет номинативным⁴.

Если в статическом описании передача информации происходит непрерывно и носит объективный характер, то в динамическом описании наблюдается иная картина. Вместо холодной объективности статики здесь господствует субъективность, сконструированная по модели конкретной жизненной ситуации. Недаром динамическое описание часто называют «Beschreibung erlebnismäßig-künstlerischen Typs». При этом отличие от статического описания заключается не только в предмете, но и в занимаемой по отношению к этому предмету позиции автора. Если в статике на передний план выходит неподвижность предмета или повторяемость процесса, то в динамике особый акцент делается на однократности, неповторимости объекта наблюдения, когда так и хочется задержать мгновение.

Не случайно именно КРФ «динамическое описание» служит средством острых психологических зарисовок. Динамика сосредоточена на фиксации душевных порывов, полета мысли, психологических состояний человека. В качестве основных разновидностей данной КРФ следует назвать динамическое описание событий (*Vorgangsschilderung*) и динамическое описание внутренних переживаний (*Erlebnisschilderung*). Например:

Vorgangsschilderung:

- 1) Jede Runde eines Rennens ist für mich anders. Die Reifen werden schlechter, das Benzin schwindet, das Auto wird leichter. ... Während der rasenden Fahrt reißt die Funkverbindung zwischen Schumacher und Ross Brawn niemals ab. Während der eine raketengleich

³ Die Zeit. Nr.44/2004.

⁴ Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1990. С. 64-74.

dahinfliegt und der andere unbewegt in einem Sessel sitzt, ist ein Gespräch im Gange.⁵

- 2) In Kolonnen drängten die Protestierer unter dem solidarischen Hupkonzert vieler Autofahrer in die Innenstadt. Auf den Fahnen über ihren Köpfen prangten Juschtschenkos Symbol, das Hufeisen, und sein Motto: «Tak!»- «Ja!». An den Ärmeln, als Stirnband, an Autoantennen und um Hundehäse wehten die orangefarbenen Bänder. Die Demonstranten flochten sie in die Zweige der Kastanienbäume entlang des Kreschtschatik, bis diese wie schamanische Wunderbäume aussahen. ... Das Publikum zeigte statt geballter Fäuste seine winkenden Hände.⁶

Некоторые германисты полагают, что от динамического описания событий следует отличать Zustandsschilderung и Situationsschilderung (соответственно описание кратковременного состояния, например, большого человека, или описание кратковременной ситуации, например, перед соревнованиями)⁷.

Situationsschilderung:

Die Spannung steigt: am 31. Mai 2002 wird die Fußball-Weltmeisterschaft 2002 in Japan und Süskorea angepfiffen. In den vier Wochen vom Eröffnungsspiel in Seoul bis zum Finale am 30. Juni 2002 in Jokohama kämpfen 32 Mannschaften in acht Gruppen und den folgenden (?) Entscheidungsspielen um den Einzug ins Endspiel. Milliarden Menschen werden das größte Sportereignis des Jahres am Fernsehen verfolgen, Millionen werden die Spiele (?) live in den zwanzig Stadien erleben. Auch in Deutschland wird das WM-Fieber ausbrechen.⁸

В заключение темы позволим себе сделать некоторые выводы, действительные как для статического, так и для динамического описания.

1. При изображении типичных, повторяющихся признаков предмета или процесса описание имеет тенденцию к обобщению; при изображении индивидуальных признаков предмета или процесса речь идет о конкретизации описания (Tendenz zum Allgemeinen und Besonderen).
2. Описание основывается на различных аналитико-синтетических операциях. С помощью анализа устанавливается, какие признаки и составные части обнаруживают описываемый предмет или процесс. Посредством синтеза выявляется общий образ описываемого объекта.

⁵ Deutschland. Nr.6/2000.

⁶ Die Zeit. Nr.44/2004.

⁷ Ausdruckslehre. Leipzig, 1962, S. 111-119.

⁸ Deutschland. Nr.2/2001.

3. Наиболее часто в одном тексте присутствует несколько разновидностей КРФ «описание», что иногда затрудняет разграничение статического и динамического описания.

Л и т е р а т у р а

1. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1990.
2. Романенко Л.Д. Эмоциональные композиционно-речевые формы в немецкоязычной газете. М., 1986, с.127-138.
3. Ausdruckslehre. Leipzig, 1962.

И с т о ч н и к и я з ы к о в о г о м а т е р и а л а

1. Deutschland. Nr.2/2001.
2. Deutschland. Nr.6/2000.
3. Das Kochbuch. Leipzig, 1979.
4. Die Zeit. Nr.44/2004.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Аллюзивность художественных текстов П. Дж. Вудхауза

© С. С. Алешко-Ожеская, 2005

Исследование проблем аллюзивности художественных текстов предполагает изучение текста с точки зрения и восприятия его читателем, изучение ассоциативного ряда, возникающего у читателя в процессе узнавания в тексте следов других текстов. Проблема «узнаваемости» аллюзий и цитат в процессе чтения неразрывно связана с уровнем общей культуры читательской аудитории, ведь аллюзии и цитаты становятся фразеологическими сочетаниями и привносят в текст дополнительный смысл только в том случае, если они воспринимаются как аллюзии и цитаты, т.е. если они соотносимы с теми произведениями, где они были использованы впервые.

Чтобы получить максимум заключенной в тексте информации, читатель должен приложить определенные усилия, чтобы эту информацию извлечь. Ему необходимо не только найти и выявить аллюзию в тексте, но и вспомнить соответствующий эпизод или контекст произведения, где она была использована изначально. Далее, он должен сопоставить те две ситуации, в которых была использована данная аллюзия, и понять, какой смысл привносит в новое художественное произведение скрытая ссылка на оригинал. По-другому этот процесс восприятия аллюзии в художественном тексте можно кратко представить в виде цепочки: понимание прямого значения контекста – узнавание ссылки на другое произведение – соотнесение с контекстом первичного произведения – понимание дополнительных смыслов, подтекстов, «глубинного» значения – соотнесение с фондом знаний – интеллектуально-эмоциональное восприятие текста, осознание его смысла.

Однако следует учитывать, что читатель обладает определенной долей невнимательности, а значит, не всегда может «разглядеть» аллюзию и отреагировать на скрытую в ней информацию. Включение идиом в текст как раз выполняет функцию привлечения внимания, ведь идиомы представляют собой национально-специфические единицы языка, отражающие то, что принято называть особенностями национального характера. Как отмечает В.Н. Телия ([Телия 1996: 233]), в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными стереотипами, мифологемами и которые при употреблении в речи воспроизводят характерные для той

или иной лингво-культурной общности менталитет. Следовательно, чтобы правильно понять значение идиомы и ее отношение ко всему высказыванию, читатель должен проследить ее связь с другими элементами текста.

Используя фразеологизмы в художественном тексте, а в особенности фразеологизмы с культурным компонентом значения, писатель ориентируется на особенности национального языкового сознания, особенности того, что хранится в сознании читателя. Это набор определенных национальных стереотипов, ассоциаций, рождающихся у представителей данного лингво-культурного сообщества в процессе чтения и восприятия текста. Фразеологические единицы с культурным компонентом значения всегда хорошо известны и узнаваемы всеми членами лингво-культурного сообщества. Все апелляции к таким единицам являются понятными и коннотативно окрашенными.

Как отмечает А.В. Вернер ([Вернер 1998: 15]), наиболее продуктивными источниками фразеологизмов с культурным компонентом значения являются: 1) производственная деятельность людей; 2) общественные реалии, нравы, традиции, обычаи; 3) религия, мифология, фольклор; 4) высказывания исторических личностей, перешедшие в разряд крылатых слов; 5) литературные произведения, легенды. Все это является частью культурного наследия определенного лингво-культурного сообщества, а потому апелляции к фразеологическим единицам с культурным компонентом значения будут понятны адресату без дополнительной расшифровки и комментария. Можно сделать вывод, что подобные фразеологические единицы относятся к национальной когнитивной базе. Феномены такого рода называются прецедентными.

Согласно классификации В.В. Красных ([Красных 2002: 47-49]), вербальные прецедентные феномены делятся на 4 основные группы:

- прецедентная ситуация, т.е. некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу;
- прецедентный текст, т.е. законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; к числу прецедентных текстов относятся произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы и т.п.;
- прецедентное имя, т.е. индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (как правило, прецедентным) или с прецедентной ситуацией;
- прецедентное высказывание – воспроизводимый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной. К числу прецедент-

ных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера, а также пословицы.

Данная классификация применима к разнообразным коммуникативным актам. Применительно же к художественным текстам, а в частности к проблемам использования в них аллюзий, считаю возможным немного ее видоизменить. Литературные аллюзии по своему объему различны: от одного слова до цитирования нескольких стихотворных строк или даже целых абзацев произведений других авторов. С учетом объема вкрапленных элементов других литературных текстов в художественное произведение можно произвести разделение аллюзий на:

- имена, т.е. сравнения с известными художественными персонажами, историческими деятелями, ссылки на название произведения другого писателя и т.д.;
- словосочетания, высказывания, которые в свою очередь можно поделить на собственно фразеологические единицы и цитаты.

Рассмотрим использование разных типов аллюзий на материале романа П. Дж. Вудхауза “Hot water”.

1. Имена

The town itself was to the left, a straggling huddle of red roofs and white walls in the centre of which, raising a golden dome proudly skywards, stood the building which had made the place the popular resort it was – the Casino Municipal. For St Rocque, once a tiny fishing village, has become in recent years a Mecca¹ for those who enjoy watching their money gathered in with rakes by sad-eyed croupiers.

В данном отрывке при описании небольшого городка, в котором происходит основное действие романа, писатель использует широко известное географическое название Мекка. Мекка – центр ежегодного паломничества сотен тысяч мусульман. В приведенном отрывке данная аллюзия выполняет сразу две функции. Во-первых, на поверхностном уровне происходит сравнение и в каком-то смысле уподобление маленького городка Мекке, чтобы читатель мог лучше представить место действия романа (переполненный город). Но помимо этого есть и другая функция: Мекка – место, связанное с религией, для мусульман это священное место, место поклонения, в описании же города ясно, что люди стали приезжать туда из-за казино. Значит, употребление названия Мекка здесь также не случайно. За счет снижения возвышенного образа религиозного поклонения до поклонения деньгам и азартным играм достигается комический эффект.

¹ Здесь и далее полужирный курсив наш. – С. А.-О.

*And thus the native hue of resolution – Mr. Gedge’s resolution – was sicklied o’er with the pale cast of thought (Mr. Gedge’s), and enterprises of great pith and moment – such as ringing the bell and telling the butler to show Packy the door – with this regard their currents turned awry and lost the name of action. Few men in alpaca coats and striped flannel trousers had ever so closely resembled **Hamlet** as did Mr. Gedge at this moment.*

В эпизоде романа мистер Гедж попадает в сложную ситуацию. Ему сообщают, что он убил человека на карнавале, хотя сам он ничего не помнит. Пэки требует, чтобы мистер Гедж позволил ему жить в доме под чужим именем в обмен на свое молчание. Здесь герой сравнивается с шекспировским Гамлетом. Кроме того, использование слов ‘pale’, ‘resolution’ усиливают эффект сравнения. Но в этом отрывке, как и в предыдущем примере, возвышенный образ Гамлета снижается, когда читатель обнаруживает, что у уподобляемого ему мистера Геджа решимости не хватает даже на то, чтобы выставить Пэки из дома.

*She thought wistfully of Packy. With a sudden whole-hearted intensity she wished that he were here now, and, looking up, saw that he was. He was at that very moment coming down the path towards her. Quick service, decided Jane, and jumped perhaps two inches and a quarter in her astonishment at this miracle. She felt a little as **Aladdin** might have done if he had rubbed his lamp by accident.*

Упоминание известного персонажа «Тысячи и одной ночи» заставляет читателя вспомнить эпизод, когда Аладдин в первый раз потирает лампу. Здесь уже происходит не сравнение двух персонажей, как в предыдущем примере, а, скорее, сравнение ощущений героев. Джейн так хотела увидеть Пэки, ей так нужна была его помощь, что, когда он совсем неожиданно оказался рядом с ней, для нее это было как чудо. Аллюзия на эпизод из сказок «Тысячи и одной ночи» помогает читателю точнее понять и представить себе гамму чувств, пережитых героиней. Используемые при описании слова ‘miracle’, ‘astonishment’, ‘wished’, ‘quick service’ (намек на то, как быстро джин из лампы исполнял желания) еще больше усиливает этот эффект.

*In suspecting that Blair Eggleston might find matter for criticism in his recent performance, Packy had not erred. In the novelist’s manner, as he now gazed at Jane, there was a quite definite suggestion of **Othello**. He breathed heavily and was, indeed, so overcome by emotion that he even passed the clothes-brush absently through his hair.*

В данном эпизоде, как и в предыдущем, Блэр Эглстон сравнивается с персонажем трагедии Шекспира «Отелло» не внешне, а на основе тех эмоций, которые испытывает герой. Ассоциации, возникающие у образованного читателя при ссылке на Отелло, в первую очередь связаны с его ревностью. Блэр Эглстон ревнует, т.к. его невеста целует другого, и

аллюзия на Отелло усиливает эффект. Однако уже в следующем предложении Вудхауз опять снижает тот возвышенный тон, на который настраивает читателя ссылка на всемирно известную трагедию, упоминание о том, что, задыхаясь от ревности, герой проводит по волосам щеткой для одежды.

В продолжении этой сцены снова встречается аллюзия на идиллии Теннисона о короле Артуре:

“... perhaps you would have liked me to tell Father that it’s really you...”

*The remark had a sedative effect. The stern, accusing look in Blair Eggleston’s eye, which would have recalled to a reader of **poetry of the late Lord Tennyson the celebrated scene of King Arthur’s interview with Guinevere in the convent**, gave place to one positive alarm.’*

В данном примере взгляд Эглстона сравнивается со взглядом короля Артура, когда он узнает о связи королевы и Ланселота. Помимо того, что с помощью аллюзии читатель яснее может представить себе мучения Эглстона, здесь также скрыт намек на то, что произойдет далее в романе. Читатель может вспомнить, что по легенде королева и Ланселот полюбили друг друга и в конце концов остались вместе. То же происходит и с героями романа, хотя они и сами еще о том не подозревают. Эглстон ревнует, потому что видит, как его невеста Джейн целует Пэки (ее заставляет сделать это отец). Но уже есть намек на то, что, как и королева с Ланселотом, так и Джейн с Пэки в конце романа останутся вдвоем и поймут, что любят друг друга.

*It was as one visiting a historic monument that he came at length to the dark and narrow flight of stairs which seemed to lead to **Journey’s End**... He [Packy] hoped his companion was not going to dwell too much on the dear old days at the Château. “This is my first visit. Rather like **Hell**, isn’t it?” The secretary smirked, as **Virgil** might have done had **Dante** essayed a mild pleasantry while he was conducting him through the **Inferno**.*

Здесь мы можем наблюдать, как писатель последовательно ссылается на одно и то же художественное произведение – «Божественную комедию» Данте. Герой романа Пэки идет в нежилую часть особняка в сопровождении секретарши, которая должна показать ему, мнимому хозяину дома, протекающий бак. По мере приближения к цели путешествия в контексте встречаются ссылки на произведение Данте ‘Journey’s End’, ‘Hell’, ‘Inferno’, причем расположены они в порядке от менее экспрессивного к более экспрессивному. Создается эффект нагнетания обстановки. И хотя самого описания помещения автор не дает, благодаря аллюзиям у читателя складывается вполне отчетливая картина того, что герой мог там увидеть. В добавление к этому оба персонажа, Пэки и секретарша, ведущая его, уподоблены героям «Божественной Комедии», Данте и Виргилию, который тоже был провожатым.

*They started to walk off the dock, Mr. Gedge a little like **Daniel** threading his way through the den of lions. So far, the constabulary had been inert. But you never knew. They might just be biding their time.*

Мистер Гедж опасается встречи с полицией, т.к. думает, что убил человека и что его разыскивают, поэтому, возвращаясь с пристани, где он встречал жену, он боится. И снова чувство страха героя передано автором не напрямую, а через аллюзию. В этом отрывке представлена аллюзия на эпизод из Библии. Даниил был брошен в ров со львами за нарушение царского указа, но львы не тронули его и он был прощен. То же самое происходит и в романе: никто не арестовал мистера Геджа, т.к. он был невиновен. Два эпизода оказываются очень похожи. Привлечение библейской истории заставляет читателя проводить аналогии и служит средством раскрытия характера героя.

There was a sound like the collision of two heavy pieces of wood, and Soup Slattery slid to the floor. Mr. Carlisle expelled a long, whistling breath and passed the sleeve of his coat across his forehead.

“At-a-girl!” he said reverently.

*His bride-to-be had no leisure to listen to verbal tributes. She was as brisk as **Lady Macbeth** giving instructions on what to do with the guest in the spare bedroom.*

В данном примере будущую невесту мистера Карлайла Вудхауз сравнивает с шекспировской леди Макбет, тем самым еще раз подчеркивая тот факт, что она оказалась способна хладнокровно предать мистера Слэттери, чтобы ограбить дом. Кроме того, как и леди Макбет, которая давала советы мужу, она «дает инструкции» будущему супругу Карлайлу.

2. Словосочетания, высказывания

А) Фразеологические единицы

*You can't expect a man who has been tied hand and foot in a smelly boat-house for goodness know how many hours to be a little sunbeam right away. Leave him lay for a day or two, and you'll be surprised. You know how it is about **the milk of human kindness**. Something starts a leak and out it goes with a hoosh. But give time and little by little it will flow back till the reservoir is full again.*

Идиома ‘the milk of human kindness’ (доброта по отношению к другим людям) восходит к «Макбету» У. Шекспира (акт I, сцена V). В своем монологе леди Макбет говорит, что муж ее «чрезмерно полон благостного млека» (в пер. М. Лозинского). В данном же контексте идиома обыгрывается: актуализируется основное значение слова ‘milk’ (молоко) при помощи слов ‘leak’ (протечка), ‘flow’ (течь), ‘reservoir’ (резервуар). Таким образом, достигается комический эффект высказывания.

*Mr. Slattery did not reply. Although his granite face did not show it, inwardly he was tingling with rapture. It was as if there had been a belt of fog hiding **the Promised Land** from him and Mr. Gedge had ripped it apart and brought the sun smiling through... ...Mr. Carlisle licked his lips. A dreamy look had come into his face. Like Mr. Slattery a short while before, he seemed to be gazing upon **the Promised Land**.*

Имя 'the Promised Land' (земля обетованная, место, где люди ожидают получить богатство, здоровье и счастье), перешедшее в разряд фразеологических единиц, восходит к тексту Библии. Это земля Ханаан, обещанная евреям Богом. В романе эта идиома встречается дважды. И мистер Слэттери, и мистер Карлайл находятся без денег и хотят ограбить дом богатого мистера Геджа. Знакомство мистера Слэттери с мистером Геджем дает им шанс осуществить свои планы, а потому они с надеждой смотрят на этот дом как на землю обетованную, которая сулит им стать богатыми.

Приведем еще несколько примеров использования фразеологических единиц как аллюзий, взятых из романов П. Дж. Вудхауза 'Piccadilly Jim' и 'Summer moonshine':

*Tubby was obliged to support himself against the wall. His voice, when he next spoke, shook as his legs were doing. **Manna in the wilderness** seemed but a feeble way of describing this.*

В данном эпизоде романа 'Summer moonshine' снова встречается аллюзия на Библию. В Библии «манна» – это хлеб, сошедший с небес, когда людям Израиля нечего было есть в пустыне. «Манна небесная» может ассоциироваться с каким-нибудь счастливым моментом, с чем-то очень нужным, что человек получил неожиданно. И в романе этот фразеологический оборот используется для описания чувств, охвативших героя при разговоре по телефону с девушкой, неожиданно позвонившей ему и назначившей ему свидание.

*Adrian began to understand his emotion. He was aware of her views on her stepson Joseph, and he appreciated how galling it must be for a woman who for years has been looking on a young man as a **prodigal** to discover suddenly that the **prodigal** has made good.*

Основой для идиомы 'the prodigal son' (блудный сын) послужила притча о сыне одного человека, который взял свою долю принадлежащего ему наследства и отправился по свету. Оставшись без денег, сын возвращается к отцу, и он прощает его и принимает его назад. Таким же блудным сыном представляется героине ее пасынок Джозеф, и ей неприятно слышать, что тот, кого она считала «блудным сыном», которому она покровительствовала, вдруг оказался способен сделать что-то сам (нависать пьесу), да еще и удачно.

Эта же идиома используется в романе 'Piccadilly Jim':

*Well, he [Jim] could go home. No, he couldn't. His pride revolted at that solution. **Prodigal Son** stuff was all very well in its way, but it lost its impressiveness if you turned up again at home two weeks after you had left. A decent interval among the husks and swine was essential.*

Идиома здесь введена во внутреннюю речь персонажа, который сам ассоциирует себя с блудным сыном. Однако здесь обыгрывается представление о том, что блудный сын в притче скитался долгое время, прежде чем вернуться назад. В тексте же романа прошло всего две недели, и автор иронично подчеркивает, что, чтобы соответствовать тому образу, сложившемуся и устоявшемуся представлению о котором существует у читателя, Джиму просто «необходим значительный интервал времени». Таким образом Вудхауз подчеркивает ироничное отношение героя к самому себе.

Б) Цитаты

Вернемся к роману ‘Hot Water’ и рассмотрим использование в художественном тексте цитат:

*Ever since his [Mr. Gedge's] his marriage two years ago and the subsequent exodus to Europe he had been pining wistfully for California. The poet speaks of a man whose **heart was in the Highlands, a-chasing of the deer.** Mr. Gedge's was in Glendale, Cal., wandering round among the hot dogs and filling stations.*

Цитата из известного стихотворения Роберта Бернса ‘My heart's in the Highlands’ в приведенном отрывке дана без кавычек и неточно. Однако писатель сразу же заостряет внимание читателя на ней, вводя дополнительное указание на то, что это именно цитата, слова ‘the poet speaks’ («поэт говорит»). Тем самым читателя заставляют обратить внимание на цитату и вспомнить все стихотворение. Речь в нем идет о том, что лирический герой скучает по Шотландии и что, где бы он ни был, его сердце всегда останется в горах Шотландии. В аналогичной ситуации находится и мистер Гедж, скучающий по Америке и мысленно всегда возвращающийся туда. Однако уже в следующем предложении романтический образ, навеянный аллюзией на стихотворение Бернса, опускается до уровня хот-догов, о которых вспоминает мистер Гедж. Контраст между возвышенно-романтическим описанием Шотландии в стихотворении и примитивно-обыденным представлением об Америке мистера Геджа создает комический эффект.

Приведем примеры цитирования, взятые из других романов П. Дж. Вудхауза:

*I have just come form the village, and there are ugly stories going about down there. People are talking. They say that as **the ploughman homeward***

plods his weary way of an evening, he sometimes hears screams coming from Walsingford Hall.

В отличие от предыдущего примера, здесь нет никакого указания на то, что персонаж использовал в своей речи цитату из «Элегии, написанной на церковном дворе» Томаса Грея. Лишь элементы аллитерации (повторяющиеся сочетания звуков pl, w) заставляют читателя остановиться и задуматься над этой строчкой. Приведем полный вариант четверостишья:

The curfew tolls the knell of parting day;
The lowing herd wind slowly o'er the lea;
The ploughman homeward plods his weary way,
And leaves the world to darkness and to me.

Зачем же была дана цитата в контексте романа 'Summer moonshine'? Если читатель знаком с элегией Т. Грея, то он обязательно вспомнит, что при дальнейшем описании природы в элегии создается картина спокойствия природы. Наступает ночь, и природа и все живое замирает. В элегии далее присутствуют слова 'stillness', 'solitary reign', 'drowsy tinklings' и т.п. Все это создает ощущение тишины и покоя. В приведенном же отрывке из романа крестьянин по пути домой слышит крики, доносящиеся из замка. Комический эффект, следовательно, в данном эпизоде строится на контрасте: тишина, спокойствие в элегии – крики, порождающие разного рода истории, в романе.

Апелляция к фразам, эпизодам или событиям других произведений в рамках создаваемого писателем художественного текста является широко распространенным стилистическим приемом. Аллюзии, цитаты, ссылки и т.п. обогащают новый текст. Основываясь на контрасте или сравнении, они зачастую служат средством раскрытия характера персонажей, средством создания комического эффекта, иронии, пародии или наоборот служат способом усиления, дополнительного повтора, чтобы подчеркнуть важность заключенной в контексте информации. Благодаря аллюзиям понимание, восприятие и интерпретация прочитанного не ограничивается рамками заданного текста. Границы его значительно расширяются. Цитаты и аллюзии вызывают у читателей одного лингвокультурного сообщества сходные ассоциации, но не всегда полностью одинаковые. Поэтому каждый читатель способен разглядеть за аллюзией что-то свое, близкое только ему одному, а значит способен глубже понять авторский замысел.

Таким образом, аллюзивность делает речь персонажей П. Дж. Вудхауза более эмоционально и экспрессивно окрашенной, позволяет автору разнообразить повествование и комментарии и вносить дополнительные оттенки смысла в свой текст.

Л и т е р а т у р а

1. *Аветова Т.Ю.* Роль интертекстуальности в создании художественного образа. На материале романа Ч. Диккенса «Наш общий друг» // Интертекстуальные связи в художественном тексте: Межвузовский сборник научных трудов. СПб., 1993.
2. *Бокий О.В., Емельянова О.В.* Концептуальное обыгрывание фразеологических единиц и национально-культурная специфика фразеологии // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Вып. 3. СПб., 1999.
3. *Вернер А.В.* Семантическая и функционально-коммуникативная характеристика фразеологических единиц с культурным компонентом значения. М., 1998.
4. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. Москва, 1958.
5. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Лекционный курс. М., 2001.
6. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Лекционный курс. М., 2002.
7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
8. *Швыдкая Л.И.* Парадигматические свойства идиоматических единиц // Фразеологическая система английского языка. Челябинск, 1985.

Образ автора в тексте театральной рецензии

© Н. Н. Мошникова, 2005

Образность является яркой отличительной чертой театрального дискурса. Согласно Патрису Пави, постановка—это “всегда образное воплощение, но она более или менее воображаемая и “воображающая” субъект дискурса, представляемый мир фигурируют в ней благодаря созданию образов, приближающихся к реальностям, о которых говорит текст или которые он внушает”¹. Авторы театральных рецензий также могут создавать свои художественные образы.

Образность театральной рецензии проявляется прежде всего в выборе языковых средств выражения автора, а именно в выборе метафор и метафорических сравнений, а также при помощи экспрессивно-ассоциативной лексики (чаще всего глаголы, прилагательные и существительные). В данной статье мы рассмотрим образность театрального дискурса на примере такой значимой и необходимой категорий публицистики как образ автора в текстах театральных рецензий в целом и те средства, с помощью которых этот образ реализуется.

Согласно литературному энциклопедическому словарю, “в образе неразрывно слиты объективно-познавательное и субъективно-творческое начала”, т.е. “художественная специфика образа определяется тем, что он отражает и осмысливает существующую деятельность, а также тем, что он творит новый, небывалый, вымышленный мир”. В нашем случае это вымышленный мир автора и вымышленный мир события. “Само терминологическое словосочетание “образ чего-то” или “образ кого-то” указывает на устойчивую способность художественного образа соотноситься с внехудожественными явлениями,” “с жизнью, сознанием”².

В.В. Виноградов определил образ автора как “цементирующую силу, которая связывает все стилевые средства в цельную словесно-художественную систему”, как “внутренний стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения”³. По мнению Г.Я. Солганика, образ автора является также “важнейшей стилеобразующей категорией публицистического текста”. Основное отличие автора публицистического текста от художественного состоит в том, что в публицистике образ автора совпадает с создателем текста, тогда как в

¹ Патрис Пави. Словарь театра. М., 1991.

² Литературный Энциклопедический Словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М., 1987.

³ В.В. Виноградов. О теории художественной речи. М., 1971. С. 191.

художественной литературе этого никогда не происходит⁴. Кроме того, позиция автора в публицистике как правило более активная и открытая, что “делает публицистику мощным средством воздействия, часто превосходящим по силе художественную литературу”⁵. Понятие “автор” включает в себя, во-первых, отношение к событию, а во-вторых, способность выразить свое отношение к нему на бумаге. Кроме того, автор может выступать в тексте как *человек социальный* и *человек частный*. В чистом виде эти два вида встречаются крайне редко, потому что человек социальный всегда является и частным и наоборот. Но сущность авторского я определяется соотношением именно этих двух граней. Человек социальный в структуре категории автора характеризуется социальным анализом события, объективно-субъективным отношением к нему, а также употреблением мы-предложений. Человек частный в структуре категории автора, напротив, проводит индивидуальный анализ события, отличается субъективно-объективным отношением к действительности и преобладанием я-предложений⁶.

Известный американский литературовед У.Бутом предложил в 1960-е гг. термин *имплицированный автор*, который означал “тот комплекс представлений об авторе, которые реальный автор стремится породить у своих читателей, конструируя текст данным, а не каким-либо иным образом”⁷. Другой известный немецкий литературовед В. Изер предложил позже термин *имплицированный читатель*, который означал читательскую актуализацию потенциального значения текста по ходу чтения⁸, то есть это читательская аудитория, на которую ориентируется автор текста. По мнению И.М. Кобозевой, существует непосредственная связь между автором и его читательской аудиторией. Адресант “определяет цель коммуникативного акта”, “уместность и успешность которого зависят от адресата”⁹. Другими словами, позиция адресата достаточна активна, читатель, по словам Дж. Каллера, участвует в сценическом действии текста¹⁰, “реконструирует — весьма приблизительно — внутренний мир имплицированного автора, тем самым

⁴ Г.Я. Солганик. Стилистика публицистической речи // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 2. М., 2004. С. 268.

⁵ Э.Р. Агаларова. Особенности газетно-публицистического стиля // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001. С. 88.

⁶ Г.Я. Солганик. Стилистика публицистической речи // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 2. М., 2004. С. 268.

⁷ W.C. Booth. The rhetoric of fiction. Chicago, 1961.

⁸ W. Iser. The implied reader Baltimore. London, 1978.

⁹ И.М. Кобозева. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003. С. 104.

¹⁰ J. Culler. Structuralist poetics: Structuralism, linguistics and the study of literature. London, 1975.

выполняя его предписания”¹¹. Позиция адресанта публицистической речи также весьма активна, это как правило “свободно (нередко радикально) мыслящий человек, выступающий от собственного имени, реализующий себя в свободной, эмоциональной речи”¹².

Адресат текста, по мнению М.М. Бахтина, “может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчиненным, начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т.п., он может быть и совершенно неопределенным неконкретизированным другим”¹³. Имплицированный автор, адресат, на которого рассчитаны театральные рецензии в нашем исследовании — это прежде всего подготовленная публика, театралы и все увлекающиеся театром, а имплицированный автор, адресант театральной рецензии — это профессиональный критик, чья позиция также является очень активной, эмоционально-экспрессивной и личностной.

Таким образом, адресант театрального дискурса в нашем исследовании — это всегда человек частный, который оценивает театральную постановку со своей индивидуальной точки зрения, выражая субъективно-объективное отношение к событию. Это отношение всегда оценочное и критическое, даже в тех случаях, когда постановка оказалась удачной с точки зрения критика. Как правило, автор играет в театральном дискурсе роль *ирониста*, подшучивающего, а иногда и зло высмеивающего постановку и все связанное с ней, реже *полемиста*, целью которого является склонить читателя к своей точке зрения с помощью эмоционального давления и других приемов, и еще реже *исследователя*, стремящегося эмоционально проанализировать событие и дать ему соответствующую оценку.

Можно выделить следующие три основные направления оценки в театральном дискурсе:

- 1) оценка в целом (спектакля, постановки),
- 2) оценка исполнения (игра актеров, работа режиссера и каждого отдельного человека, занятого в спектакле),
- 3) оценка восприятия спектакля (самого критика, других критиков, самих актеров, зрителей).

¹¹ В.З. Демьянков. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 1. М., 2003. С. 124.

¹² Г.Я. Солганик. О закономерностях развития языка газеты в XX веке // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2002. №2. С. 50.

¹³ М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 280.

Таким образом, можно еще раз сказать, что в театральных рецензиях как правило всегда преобладает экспрессия и оценочность. Критики могут использовать I- или we-предложения, часто одновременно обе конструкции в пределах одной статьи или одного предложения. Читатель конструируется автором как непосредственный собеседник диалога (а не монолога), человек, если не профессионально занимающийся театром, то, по крайней мере, им увлекающийся. Такое отношение к адресату подчеркивают you-предложения, которые вместе с we-предложениями позволяют автору “сблизиться” со своим читателем, установить неформальный, дружеский тон общения, а кроме того заставить таким образом читателя посмотреть на событие глазами автора статьи.

В своей рецензии критик может говорить, например, от лица всех:

Anyone coming to this show expecting a retro sing-along like ‘Grease’ will not get what they’re expecting, but I can almost guarantee they will come away happy.

We see them first when their adventures are over, grown-ups keeping the tragic trust they have promised themselves, so that we move with them into a massive flashback.

Beginning after the story’s conclusion, he establishes a narrative device that allows for switches and elisions, but we know the direction we are taking.

Также критик может открыто говорить лично от себя:

I wouldn’t have missed it but it’s too long, too literal and not the knock-out event one hoped for.

So maybe I’m wrong; but I have to report that I found *His Dark Materials*, at the Olivier Theatre, a mess — sometimes exciting, just occasionally inspired, but all too often mediocre.

I was reminded of nothing so much as the show about Dick Barton, Special Agent, which I saw at the Warehouse Theatre, Croydon the other day — except that with Dick Barton you get a few laughs.

Кроме того, нередко автор статьи обращается непосредственно к своему собеседнику, т.е. к читателю. Например:

In terms of reimagining author Philip Pullman’s weird parallel multiverse for the stage, you know that director Nicholas Hytner has cracked it when you find yourself believing that you are actually listening to a fearsome talking polar bear drunkenly bemoaning the loss of his all-important armour.

It’s rare on stage that you get to see a properly normal person, free of exaggerated suffering or unusual eloquence.

There is clever comic business as well, especially in the bits of the plays that you see the actors performing, as it were, in the wrong direction.

Автор может также использовать различные “специальные приемы интимизации” со своим читателем, чтобы “выглядеть близким читателю человеком”¹⁴. Привнесение личного опыта на страницы рецензии в связи с постановкой, рассказывание шуток, анекдотов, историй, поговорок, слухов, личных наблюдений, языковая игра, использование разного вида вопросов, упоминание о длительности постановки, если она показалась скучной или неудачной.

Одним из таких приемов является привнесение личного опыта на страницы рецензии в связи с постановкой. Например:

There’s a nasty trick that he finally plays on Laertes that I’ve not seen before.

In ten years of theatre-going, I have walked out of three productions during the interval.

I’ll come clean, I’ve hated this play ever since I was force-fed it at A’ level. Since then I’ve tried to make friends with it through numerous twee cod/rustic productions but it’s never been for me.

...as a child I did try Kipling and I didn’t like it one bit.

I first read Leo Butler’s play on a flight to Bucharest.

Еще одним приемом “интимизации” является упоминание о времени. Критики достаточно часто обращают внимание на время, которое необходимо чтобы что-то понять или узнать. Чаще всего они обращают внимание на продолжительность спектакля, особенно в тех случаях, когда спектакль, по их мнению, был неудачным. Время как один из способов раскрытия образа автора отличается от времени в образе события. Если в образе события время — это просто временные рамки, т.е. дни, в течение которых показывается спектакль, то здесь это отношение критика к происходящему. Например:

It takes the same amount of time to learn that Frances’s novels are best-sellers.

It was a long haul. The first act lasts an hour and a half; the second, just under an hour. During this time the stage is awash with joviality, amplified voices, a certain amount of shouting, busy feet, all those adorable songs, scenery whistling in and out, and—of course—rain.

It can’t have been easy reducing 1,300 pages to six hours of stage time.

You can’t fault Nicholas Wright’s two-part, six-hour adaptation of Philip Pullman for lack of ambition, skill and fidelity to the original trilogy.

Помимо всего прочего образ автора может раскрываться в использовании им шуток, поговорок, слухов, историй, анекдотов и личных наблюдений. Например:

¹⁴ Г.Я. Солганик. Стилистика публицистической речи // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 2. М., 2004. С. 271.

Gnarled old news veterans like to tell the tale of the unworldly theatre critic who, instead of calling the news desk when he discovers the theatre where he has been sent is on fire, simply goes home on the grounds that there will now be no show to review. So, for the record, as the audience came out of the Royal Lyceum, the fire brigade was in attendance at the theatre's administrative office just across the street (анекдот).

The Arabs say, "Life is a bridge; on a bridge you build no house" (поговорка).

There are jokes here that miss as well as hit but, by taking such evident care to entertain its audience, Joz Houben's production earns our indulgence (шутка).

"Do you like Kipling?" goes the old joke. "I don't know, I've never kiplined." comes the response (шутка).

I've heard it said that football is the new theatre (слухи).

I noticed members of the audience shaking hands with the cast at the end of Roy Williams's excoriating attack on British racism (личные наблюдения критика).

There's a famous story about the 18th-century actress Peg Woffington. Having played the male role of Sir Harry Wildair, she strode into the Covent Garden green room to announce: "I believe half the men in the town take me for one of their own sex". To which a fellow actress replied: "It may be so but the other half can convince them to the contrary" (история).

Критик часто пытается привлечь внимание читателя при помощи языковой игры слов. Например:

Kelly, on the other hand, was built more like a docker than a dancer, and it was that muscular athleticism (and Kelly's incongruously sweet voice) that I missed.

Joe McFadden's John is a young whipper-snapper hungry to learn, who, by the end of the play, realizes he probably will.

When the air raid warning sirens sound, Lyndhurst's Norman steps out tentatively to inform the audience that the show will go on with the words: "All those who wish to live — I mean leave — should do so now" (языковая игра в цитате).

Not only can't I wax lyrical, I can't wax at all about Wax.

Кроме того, автор пытается "сблизиться" со своим читателем, используя вопросы. Авторы англоязычных театральных рецензий прибегают к вопросительным формам намного чаще, чем авторы, например, экономических статей¹⁵. Этот факт еще раз подчеркивает экспрессивность театрального дискурса. В одних случаях, критики используют вопросительные конструкции, чтобы привлечь внимание читателей к

¹⁵ Е.Н. Малюга. Причины употребления вопросительных форм в англоязычных газетах // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 19. М., 2001. С. 42-44.

обсуждаемой теме, в других — как мысли вслух, размышление перед лицом читателя. В этом случае критик может сам же ответить на поставленный вопрос, если он не риторический, т.е. не требующий ответа. Необходимо также отметить, что, несмотря на достаточно большое количество проанализированных рецензий, ни в одной нам не встретились расчлененные вопросы. То же самое отмечает Е.Н. Малюга, говоря об экономических статьях¹⁶.

Одним из наиболее часто используемых видов вопроса в театральном дискурсе является косвенный вопрос. Например:

The question of whether Christopher is really mentally ill, or the victim of an 'ethnocentric' diagnosis; of whether Robert is expedient or experienced; and whether Bruce is arrogant or intuitive, is left deliberately unanswered.

Had anyone asked me how to stage *His Dark Materials*, Philip Pullman's 1,500-page trilogy, this would have been the only possible answer, albeit a total cop-out.

What I question is the adaptability of Pullman's trilogy, be it into theatre, radio or film.

Другим также часто встречающимся типом вопроса в театральном дискурсе является вопрос, который автор задает самому себе от лица читателей и на который пытается дать возможный ответ. Например:

What would it be like to go to the theatre and have these assumptions overturned? Well, that really would be another world.

How could the presentation of shape-changing demons, intergalactic pitched battles, flying witches, magic and metaphoric "dust", and parallel universes come across in a medium that for all its contemporary technology now has to compete with the spectacular advances of cinematic computer graphics as seen in *The Lord of the Rings* and the *Potter* films? Frankly, the answer is, it can't.

Why bring on a sofa for the scene in which the three leads sing "Good Mornin" if you're not going to let them walk over its back? Why seduce us into believing that Simon Coulthard will reproduce Donald O'Connor's famous against-the wall backflip, and then reveal the wall as a paper fake and collapse it over his head? All that's generated is a sense of bathos.

Еще один вид вопроса в театральном дискурсе — это вопрос в комментарии. Например:

There remains the question of Pullman's attack on religion — or on "organized religion", as some prefer to put it. (Is there any other kind?)

Best described as Milton's *Paradise Lost* meets Tolkien's *Lord Of The Rings* and C.S. Lewis's *Narnia* series, this trilogy is a metaphysical stew, spiced with Big Questions (Does God exist? Can evil be good?) and very

¹⁶ Там же.

lightly seasoned with hormones, as Lyra, the central character, journeys from innocence to experience.

Образ критика формируется также благодаря тем способам ведения диалога, которыми он пользуется при общении с читателем на страницах своей статьи.

Одним из таких способов ведения диалога с читателем является предположение о чем-либо в рецензии. Например:

Cynics might sniff at the sheer glee of the Dallas ensemble's sunshine-and-psychedelia schtick, but the cassock-clad spectacle is a sight to behold, and two dozen of them ought to be enough to win you over.

Her emotions may be skewed but as Fielding plays her she comes across as real.

America may be country non grata at the moment, but this sophisticated, resolutely non-schmaltsy show plays to its strengths.

As welcome as this revival is, it would be even better if it inspired a new play.

I suggest, if you are already Pullmanised, you will find the most invaluable element of the National Theatre's production of *His Dark Materials* is the programme that accompanies it.

В некоторых случаях критик может высказывать предположение того, что думает не он сам, а его читатель. Например:

You might think these characters are played for comic effect; in fact, they high-light — sometimes powerfully — the limits, and fallouts from, personal fantasies.

Более редкий случай предположения — это предположение, которое выражено в виде надежды. Например:

It's to be hoped that Taymor will return to weave her magic on something more substantial very soon.

Еще одним способом ведения диалога со своим читателем является просьба о прощении. Например:

This was the third, for which I apologise to TO and its readers profusely (ТО здесь обозначает название журнала "Time Out", в котором была напечатана рецензия).

Также, для поддержания видимого диалога с читателем, критик может давать советы. В некоторых случаях сразу двойной совет:

I heartily recommend that you heed Mr Todd's advice and remove your arse from the sofa — if only to head for the Lyric immediately.

Иногда совет выглядит как рекомендация. Например:

If houses such as the King's Head are to attract and hold on to new audiences, they need productions that are not only pleasurable means of passing the time but also vital ways of understanding the society in which we live.

...sit back and let this comedy of manners wash over you.

It is the tough job of director and cast to make what coherence of this they can.

Go and see it for yourself.

В более редких случаях совет дается в виде рецепта или даже списка покупок. Например:

Add testosterone and alcohol and you've got a cast-iron recipe for mindless disaster.

Here's a killer shopping list for anyone casting a stage adaptation of *Singin' in the Rain*: one male lead with film star looks, machine-gun tap skills and perfect comic timing; one sweet-voiced ingénue capable of hoofing her way over the back of a sofa; one perky comic who can belt out a tune, tinkle the ivories and perform backflips by running at the wall; one comedienne with the grace of a swan and the voice of a helium-filled Brooklyn broad.

Бывают также случаи завуалированного, скрытого совета. Например:

But the company is still falling far short of the artistic renaissance it so desperately needs.

Также для поддержания диалога с читателем критик может разыгрывать сцену отгадывания чего-либо. Например:

My guess is that there is a small part of us all that delights in the showmanship of the acting, the resplendent costumes and playful badinage that comes with the genre.

We might guess at Madeleine's occupation from...

Образ критика как человека частного и эмоционального проявляется в его эмоциях в рецензии.

К таким эмоциям мы отнесли:

– проявление интереса, например:

Is this, I wonder, an example of Page's famous diplomacy?;

– сожаление о чем-либо в постановке, например:

...my only complain is that Christopher Oram's minimal forest doesn't easily transfer to the Lyric's proscenium arch.;

– удивление от чего-либо, например:

So it's a bit of a surprise to meet up with my childhood hero again.;

– радость, например:

His team-mates then return as Mr Bumble from Oliver! And a Dr Strangelove Nazi.

– раздражение:

Sure enough even the critics have a walk on part; the inevitable gibe ("they don't even buy a f***ing ticket!") was greeted with a round of applause allits own on the first night.;

– скуку:

But I must admit that, lover of all things bold and imaginative though I hope I am, I was weary by the end;

– притворное снисхождение или прощение:

Come back Cliff Richard's Heathcliff, all is forgiven;

– ироническое наставление:

Always beware of musicals that open with milkmaids frolicking around flowery knolls in dresses that, like their faces, appear to have been scrubbed with whatever soap made our pastoral predecessors whiter than white. Be doubly wary if a beautiful pink dawn has risen over the hills etched on to the blackcloth. Be trebly, quadruply so if the author is supposed to be that somber observer of human pain, Thomas Hardy;

– насмешку:

You can see the attraction. Match the story of the doomed and beautiful Tess with some great music and you just might come up with something along the lines of *Latraviata*. Not this time;

– притворный страх:

This, I fear, is a show that has missed its time.

There are some misbegotten musicals on which it would be kinder to turn a deaf ear and a fuzzy eye. And I fear that for all the valiant efforts of a large company and creative team this old-fashioned musical version of Tess Off The d'Urbervilles may win just such a response;

– ироничное сожаление:

Unfortunately this is Tess the musical...

Критики проявляют не только свои эмоции на страницах рецензии, но и чувства, ощущения, а иногда даже запахи. Например:

But as long as he's satisfied, you sense he'll be happy whatever the critics say.

We never, though, get a sense of the time that has elapsed...

You can feel the humanity prowling around the piece but the figures on stage are distancingly anonymous.

Fascinating as all this is, it's hard to avoid the feeling that you're witnessing a sophisticated update of the freak show, or perhaps a visit to the asylum to laugh at the amusing inmates.

There is little sense of physical frailty, almost no sense of majesty, and no apparent reason for his abdication.

Occasionally, too, I felt that Hamilton's habit of physically describing everything she says could be curbed.

There's an awful sense of loss, of wasted love and desperate yearning, reinforced by Jean Kalman's clever set.

Hayden Griffin's set is so authentic you can almost smell the beer-stained carpet.

Очень ярко образ критика проявляется в его оценке события, и в том, как эта оценка проявляется.

По мнению Н.И. Клушиной, оценочность является “универсальной чертой публицистического стиля” и “пронизывает все ярусы публицистических текстов”. Автор говорит о двух основных видах оценки: открытой и скрытой. Скрытая оценка отличается от открытой тем, что проявляется завуалировано, а не открыто. Скрытая оценка может проявляться имплицитно (оценка “заложена в значение слова”) и эксплицитно (оценка “присуща не конкретному слову, а его употреблению”)¹⁷.

Приведем примеры открытой оценки в театральном дискурсе:

Of all the questions raised by this production, the two most important are: Who cares and why bother? Other people’s dreams are always a nightmare, this one more than most.

I can’t say that I enjoyed it entirely while I watched it, but now I can’t get it out of my head.

The play is highly watchable.

What, I kept asking myself, is the point of an epic send-up of bad art when there is so much good art still waiting to be discovered?

Более интересными, с нашей точки зрения, являются случаи проявления скрытой оценки, т. е. не явной, не очевидной. Эти случаи, как уже говорилось, мы разделили на два основных вида: случаи имплицитной и эксплицитной оценки.

Имплицитная оценка (передающаяся с помощью значения слов) представлена в театральном дискурсе с помощью прежде всего метафор, например:

Cooper is dashing, sings in an agreeable light baritone, dances admirably well even when soaking wet, exudes charm and an intermittent American accent and carries (in a Sisyphian sense) the show.;

Here’s a killer shopping list for anyone casting a stage adaptation of *Singin’ in the Rain*: one male lead with film star looks, machine-gun tap skills ...;

By the final curtain, however, there is no shadow of a doubt that, by pasting his heart to the front of his raincoat, Cooper’s move from mute ballet dancer to song and dance man is working.;

...Kerryson’s dead-hand direction makes a millstone of the story almost fatally dragging down the show’s spirit.

и метафорических сравнений, например:

¹⁷ Н.И. Клушина. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 1. М., 2003. С. 274; Н.И. Клушина. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе / Под ред. Г.Я. Солганика. М., 2000.

The only people having a good time are the cheerleaders for mediocrity who laugh like drains while jealously wishing it was them up there.

Josefina Gabrielle is agreeable enough as Cooper's girl-next-door love interest, and the peppy Simon Coulthard gives goofy support as the clowning second banana.

Достаточно интересным случаем проявления имплицитной оценки автора является употребление синтаксических единиц, стянутых в одно слово. Мы выделили следующие виды синтаксических единиц в театральном дискурсе:

- синтаксические единицы с like, например:
 - banraku-like black-garbed operators
 - was left Shakespeare-like
 - Wolfit-like employer
 - Fool-like dogsbody
 - part Mary Shelley-like warning of man's abuse of scientific endeavour
- передающие диапазон, например:
 - childhood-to-adult beauty
 - three lone women-grandmother Hen
 - actor-manager
- в одно предложение, например:
 - the whole Spacey-goes-to-Waterloo enterprise
 - thespian self-aggrandisement of the I've-climbed-the-mountain-that-is Lear variety
 - a show-must-go-on ethos
 - doesn't-matter-who-you-are ending
- в два слова, например:
 - in the heart of ego-land
 - second-rate
 - two-men show
- сравнительные, например:
 - yet larger-than-life even when he's behaving smaller-than-most
- характеризующие, например:
 - care-free teenager-turned-debilitated victim
 - a little custard-pie-and-mashed-potato-throwing
 - bodily-function-based humour
 - a tough behind-the-limelight world
- с предлогами, например:
 - rites-of-passage,
 - ...he is on the programme cover, lips-to-lemon, eyes-a-rolling...

Еще один способ проявления имплицитной оценки в театральной рецензии является использование образований от имен собственных с помощью суффиксов, например:

Are you a Pullmaniac too?

...if you are already Pullmanised...

We live in interesting times. Given the terroristic nature of the “real” world, western society seems more and more to be retreating into the Tolkienised, Potterised and now Pullmanised metaphorical and mythological fantasy worlds.

Эксплицитная оценка (связанная уже с употреблением слова, а не с его значением) проявляется в театральном дискурсе при помощи комментария, например:

Pumped up with victory, he struts the stage when he wins — for once it feels as if the production needs a large space — but emotionally collapses when Arthur turns on him.

I suppose it depends on whether you see the function of the stage adaptation as a sort of animated crib sheet that covers the main episodes and saves you the bother of reading the book (the National’s His Dark Materials and almost all atage versions of Jane Austen fall into that category), or whether the show can remain true to a novel while becoming an independent work of art in its own right (think Complicite’s Street of Crocodiles or most Shared Experience shows).

Также эксплицитная оценка в театральные рецензиях критиков связана с употреблением цитат, например:

As the dramatist says in his introduction to the published text, such thespians “worshipped Shakespeare, believed in the theatre as a cultural and educative force and saw themselves as public servants”;

а также комментированием этих цитат, например:

Lyndhurst’s final cry of, “What about me?” is rendered as a screech of anguish, and it represents a part of theatrical folklore that is nigh on impossible to express cleanly and without bitterness: that it is an unforgiving profession to all but a few.

His final cry, “What about me?” falls flat.

Кроме того, эксплицитная оценка проявляется, конечно же, в его иронии, например:

This is a show, then, for children of all ages under about 17 — and maybe for a good many of their parents as well.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что образ автора является важным связующим элементом любой театральной рецензии. Как было показано выше, образ автора раскрывается в тексте рецензии, прежде всего, в проявлении эмоций и ощущений, оценке, различных способах “сближения” (“интимизации”) со своим читателем и поддержания диалога с ним.

Л и т е р а т у р а

1. *Патрис Пави*. Словарь театра. М., 1991.
2. Литературный Энциклопедический Словарь / Под общ. ред. *В.М. Кожевникова и П.А. Николаева*. М., 1987.
3. Longman Dictionary of contemporary English. Longman Dictionaries, 2001.
4. *В.В. Виноградов*. О теории художественной речи. М., 1971.
5. *Г.Я. Солганик*. Стилистика публицистической речи // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 2. М., 2004.
6. *Г.Я. Солганик*. О закономерностях развития языка газеты в XX веке // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2002. №2.
7. *Э.Р. Агаларова*. Особенности газетно-публицистического стиля // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
8. *W.C. Booth*. The rhetoric of fiction. Chicago, 1961.
9. *W. Iser*. The implied reader Baltimore. London, 1978.
10. *И.М. Кобозева*. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
11. *J. Culler*. Structuralist poetics: Structuralism, linguistics and the study of literature. London, 1975.
12. *В.З. Демьянков*. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 1. М., 2003.
13. *М.М. Бахтин*. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
14. *Е.Н. Малюга*. Причины употребления вопросительных форм в англоязычных газетах // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 19, М., 2001.
15. *Н.И. Клушина*. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 1. М., 2003.
16. *Н.И. Клушина*. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе / Под ред. Г.Я. Солганика. М., 2000.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Психолингвистика: Программа курса для аспирантов филологического факультета

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2005

Вводные замечания

Курс «Психолингвистика» адресован аспирантам филологического факультета.

Актуальность и своевременность данного курса обусловлены тем, что современный лингвист (и более широко – современный филолог) не может не быть знакомым с психолингвистикой, с основными школами и направлениями психолингвистических исследований, с наиболее важными проблемами, разрабатываемыми в настоящее время представителями данной научной дисциплины.

Предметом курса является изучение речевой деятельности в оптимально широком (в соответствии с целями и задачами самого курса) спектре проблем, актуальных для современной науки. При этом привлекаются данные не только собственно психолингвистики, но и психологии и лингвистики, что представляется необходимо обязательным с точки зрения сути обсуждаемых вопросов.

Цель данного курса – сформировать базовые представления о самой психолингвистике, другими словами:

1. дать представление о наиболее значимых и наиболее интересных направлениях, школах, теориях, работах, которые оказали огромное влияние на становление психолингвистики, определили ее сегодняшнее лицо и отражают основные взгляды отечественных и зарубежных психолингвистов прошлого и настоящего,
2. познакомить с наиболее известными исследователями, их идеями и трудами,
3. очертить круг проблем, представляющихся наиболее актуальными для современной науки, и показать некоторые возможные пути их осмысления и решения.

Основные рекомендуемые пособия по курсу:

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997 и 2001.

- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Лекционный курс. М., 2001.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
- Фрумкина Р.М.* Психолингвистика. М., 2004.

После каждой темы указан список литературы, рекомендуемой для прочтения в связи с обсуждаемыми проблемами.

Курс состоит из 15 тем и рассчитан в среднем на 70 часов.

Т е м а 1. Психолингвистика (ПЛ) как самостоятельная научная дисциплина

1. Объект и предмет ПЛ. Цель ПЛ исследований.
2. История ПЛ. Предпосылки возникновения ПЛ в лингвистических и психологических исследованиях.
3. Периодизация ПЛ (взгляды таких исследователей, как Д. Кэрролл, А. Блюменталь, Дж. Кесс, А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов). Наиболее известные психолингвистические школы и направления:
 - * ПЛ Ч. Осгуда;
 - * ПЛ Дж. Э. Миллера и Н. Хомского;
 - * «Новая ПЛ»: Дж. Верч, Дж. Брунер, Ж. Мелер, Ж. Нуазе, Д. Дюбуа;
 - * Теория речевой деятельности, Московская психолингвистическая школа (МПЛШ).
4. Интеграционный характер ПЛ. Основные постулаты ПЛ.
5. Актуальные проблемы ПЛ. Место ПЛ в ряду других наук.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М., 1997. М., 2001.
2. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.
3. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
4. *Наумова Т.Н.* Психологически ориентированные синтаксические теории в русской и советской лингвистике. Саратов, 1990.
5. *Никитина Е.С.* Проблема сознания в психологии (исторический аспект) // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 35-50.
6. *Тарасов Е.Ф.* Введение. История психолингвистических школ. Теория речевой деятельности // Текст лекций «Введение в психолингвистику» (для студентов педагогических факультетов, аспирантов и слушателей ФПК). М., 1991. Ч. 1. С. 3-54.
7. *Харре Р.* Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17, N 2. С. 3-15.
8. *Blumenthal A.L.* The Emergence of Psycholinguistics // Synthese. 1987. Vol. 72. Pp. 313-323.
9. *Carroll D.W.* Psychology of Language. Pacific Grove, CA: Brooks / Cole, 1994.

10. *Kess J.F.* Psycholinguistics: Psychology, Linguistics, and the Study of Natural Language. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1993.

Т е м а 2. Язык как предмет ПЛ

1. Звук и смысл, фоносемантика (концепция А.П. Журавлева). Феномен синестезии (А.Р. Лурия).
2. Слово в сознании человека (концепция А.А. Залевской). Различные подходы к исследованию значения и функционирования слова в речевой деятельности: ассоциативный, параметрический, признаковый, прототипный, ситуационный (событийный) (А.Р. Лурия, Ч. Остуд, Р.Л. Солсо, Л. Барсалоу, Э. Рош, В.Я. Шабес и др.).
3. Психолингвистический аспект словообразования и грамматики (Л.В. Сахарный, С.Н. Цейтлин, А.А. Залевская и др.).
4. Невербальные компоненты коммуникации (В.Г. Колшанский, К. Леонхард, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов, Г.Е. Крейдлин и др.).

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Белянин В.П.* Введение в психиатрическое литературоведение. Мюнхен, 1996.
2. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.
3. *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
4. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М., 1997.
5. *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.-Вена, 2001.
6. *Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л., 1975.
7. *Журавлев А.П.* Символическое значение языкового знака // Речевое воздействие. М., 1972.
8. *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л., 1974.
9. *Журавлев А.П.* Фоносемантика // Текст лекций «Введение в психолингвистику» (для студентов педагогических факультетов, аспирантов и слушателей ФПК). М., 1991. Ч. II. С. 76-118.
10. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.
11. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
12. *Колшанский Г.В.* Паралингвистика. М., 1974 или 2005.
13. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. М., 2002.
14. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004.
15. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
16. *Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Солова Е.Г.* Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб., 1996.
17. *Сахарный Л.В.* Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л., 1985.
18. *Теория метафоры.* М., 1990.

Т е м а 3. Сознание, языковое сознание

1. Сознание как «специфически человеческая форма отражения действительности и высший тип психики» (отечественная школа психологии: Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, А.А. Бруд-

ный и др.). Соотношение сознания и действительности. Сознание – мышление – интеллект.

2. Языковое сознание (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева, А.М. Шахнарович, И.А. Зимняя и др.).
3. Картина мира vs. языковая картина мира (М. Хайдеггер, Т.В. Цивьян, В.Г. Колшанский, В.И. Постовалова, представители МПЛШ).

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995, № 1. С. 37-67.
2. *Брудный А.А.* Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности). Фрунзе, 1972.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
4. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.-Л., 1934; или: Собр. соч. в 6-ти томах. М., 1982. Т. 2. С. 5-361; или: М., 1996.
5. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
6. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990 или 2005.
7. *Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
8. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
9. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969 или 2005.
10. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М., 1972.
11. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М., 1994.
12. *Леонтьев А.Н.* Человек и культура. М., 1961.
13. *Постовалова В.И.* Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 65-72.
14. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. М., 1989.
15. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). М., 1995.
16. *Розенцток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1994.
17. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. М., 1986.
18. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005; или: Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
19. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
20. *Шахнарович А.М., Юрьева Н.М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990.
21. *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993.

Т е м а 4. Речь, мышление, речевая деятельность

1. Речь и мышление.
 - * Научные концепции Л.С. Выготского и Н.И. Жинкина. Категории значения и смысла в учении Л.С. Выготского. Ситуация – мотив – интенция. Внутренняя речь. Научные взгляды Н.И. Жинкина. Универсально-предметный код (УПК).
 - * Экспериментальные данные о соотношении языка и мышления.
2. Речевая деятельность.

- * Деятельность и речевая деятельность (А.Н. Леонтьев, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, В.Н. Гридин и др.).
- * Речевая деятельность в концепции Л.В. Щербы. Речевая организация в концепции А.А. Залевской.
- * Речевая деятельность, речь, речевое поведение (взгляды представителей МПЛШ; Ш. Бутон, Р. Титоне и др.).
- * Спонтанность vs. прогнозируемость речевого поведения (Т.В. Рябова, И.И. Ильясов, Е.И. Негневицкая, Б.М. Гаспаров, Ю.Н. Караулов).
- * Концепция Ф. де Соссюра: язык – языковая способность – речевая деятельность – речь. Концепция А.А. Леонтьева: язык как предмет – язык как процесс – язык как способность – речевая деятельность.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Алейников А.Г.* Модель речевой деятельности (в терминах теории графа) // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 11-21.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.-Л., 1934; или: Собр. соч. в 6-ти томах. М., 1982. Т. 2. С. 5-361; или: М., 1996.
3. *Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
4. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М., 1997.
5. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // ВЯ, 1964 № 6. С. 26-38; Риторика, 1997 № 1 (4). С. 13-21.
6. *Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М., 1958.
7. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.
8. *Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.
9. *Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1985.
10. *Зимняя И.А.* Психология обучения иностранным языкам в школе. М., 1991.
11. *Зимняя И.А.* Психология обучения неродному языку. М., 1989.
12. *Зимняя И.А.* Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976. С. 5-33.
13. *Исследование речевого мышления в психолингвистике.* М., 1985.
14. *Караулов Ю.Н.* Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С.67-96.
15. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
16. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969 или 2005.
17. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
18. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М., 1972.
19. *Общая и прикладная психолингвистика.* М., 1973.
20. *Проблемы психолингвистики.* М., 1975.
21. *Психолингвистика.* М., 1984.
22. *Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. М., 1967.
23. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1933.
24. *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Тема 5. Языковой / речевой механизм

1. Оппозиция механизм / процесс. Трактовки термина «механизм». «Механизм» в психологии (Б.Ф. Ломов, школы Н.П. Бехтеревой и Д.Н. Узнадзе, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.Г. Асмолов и др.).
2. Речевые механизмы. Типы и виды речевых механизмов. Концепции Н.И. Жинкина и И.А. Зимней.
3. Принципы функционирования речевых механизмов: принцип ассоциирования, узнавание, принцип использования разных видов опор, принцип (механизм) глубинной предикации, принцип (механизм) смысловых замен, принцип регуляции / контроля.
4. Различные подходы к описанию работы речевого механизма: модульный подход (Дж. Фодор, В. Левелт, Х. Патнем); коннекционистский подход (Х. Дрейфус, Д. Румельхарт, Дж. Мак-Клиланд, Дж. Лакофф).

Список литературы

1. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // ВЯ, 1964 № 6. С. 26-38; Риторика, 1997 № 1 (4). С. 13-21.
2. *Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М., 1958.
3. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.
4. *Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.
5. *Цепцов В.А.* От критики коннекционизма к гибридным системам обработки информации // Познание. Общество. Развитие. М., 1996. С. 136-148.
6. *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Тема 6. Возрастная психолингвистика (психолингвистические проблемы онтогенеза речи). Овладение языком как системой

1. Языковая способность человека (вопрос о наличии генетических предпосылок и наследственных механизмов овладения речью; гипотеза врожденных знаний Н. Хомского).
2. Периоды речевого развития ребенка:
 - * дословесный период (стадии голосового развития: стадия крика, стадия гуления, стадия лепета; интонация и ритм);
 - * становление фонетического строя (формирование фонематического восприятия, усвоение норм произношения, овладение слоговой структурой);
 - * становление лексико-семантической системы; детское словотворчество;
 - * становление грамматической системы (становление морфологической структуры и синтаксического строя);

- * речевое развитие школьников (уровни эволюции языковой личности Г.И. Богина):
 - овладение письменной речью;
 - становление дискурсивного мышления (коммуникативные стратегии дискурсивного поведения: 1) репрезентативная / изобразительная: репрезентативно-иконическая и репрезентативно-символическая; нарративная / аналитическая: объектно-аналитическая и субъектно-аналитическая);
 - формирование скрытого механизма внутренней речи.
- 3. Детская речь vs. речь взрослых.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Богин Г.И.* Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин, 1975.
2. *Богин Г.И.* Схемы действия читателя при понимании текста. Калинин, 1989.
3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.-Л., 1934; или: Собр. Соч. в 6 тт. М., 1982. Т. 2. С. 5-361; или: М., 1996.
4. *Горелов И.Н.* Проблемы функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
5. *Горелов И.Н.* Избранные труды по психолингвистике. М., 2003.
6. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М., 1997. М., 2001.
7. *Детская речь.* Материалы к библиографическому указателю. СПб., 1996.
8. *Жинкин Н.И.* Язык – речь – творчество. (Избр. труды.) М., 1998. Ч. III. От лепета к тексту: становление речевой способности и структура текста.
9. *Исенина Е.И.* Дословесный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
10. *Кольцова М.М.* Ребенок учится говорить. М., 1979.
11. *Лепская Н.И.* Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.
12. *Мецераков А.И.* Слепоглухонемые дети. М., 1974.
13. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М., 2004.
14. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. М., 1989.
15. *Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистический аспекты. Саратов, 1999.
16. *Седов К.Ф.* Структура дискурса и становление языковой личности: Грамматический и прагмалингвистический аспекты. Саратов, 1998.
17. *Уфимцева Н.В.* Врожденные структуры: за и против // Биологические и кибернетические аспекты речевой деятельности. М., 1983.
18. *Уфимцева Н.В.* Биологические и социальные факторы в речевом развитии // Этнопсихолингвистика. М., 1988. С.163-183.
19. *Уфимцева Н.В.* Методологические проблемы онтогенеза языкового сознания // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. М., 2005. С.217-226.
20. *Хомский Н.* О природе и языке. М., 2005.
21. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
22. *Шахнарович А.М., Юрьева Н.М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза). М., 1990.
23. *Anisfeld M.* Language Development from Birth to Three. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Hillsdale, New Jersey-London, 1984.
24. *Chomsky N.* Aspects of the Theory of Syntax. Cambr. Mass., 1965.
25. *Klima E.S., Bellugi U.* Syntactic Regularities in the Speech of Children // Lyons J. & R. J. Wales (eds.) Psycholinguistics Papers. Edinburgh, 1966.
26. *McNeil D.* The Creation of Language by Children // Ibid. Op.

27. *Velichkovsky B.M., Rumbaugh D.M.* (eds.) *Communicating Meaning: The Evolution and Development of Language.* Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Mahwah, New Jersey, 1996.

Т е м а 7 . Билингвизм. Психолингвистические проблемы двуязычия и овладения вторым языком

1. Вопросы теории билингвизма. Различные подходы и трактовки понятия. Возможные классификации билингвизма.
2. Понятия «первый vs. второй язык», «родной vs. иностранный язык». Различные подходы к изучению особенностей овладения вторым / иностранным языком:
 - * контрастивный анализ;
 - * анализ ошибок;
 - * интроспективные методы;
 - * комплексный подход.
3. Стратегии овладения и пользования языком.
4. Детский билингвизм. Периоды речевого развития двуязычного ребенка. Особенности динамики детского и взрослого билингвизма.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Верещагин Е.М.* Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков. М., 1969.
2. *Жууктенко Ю.А.* Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.
3. *Залевская А.А.* Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
4. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.
5. *Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1985.
6. *Зимняя И.А.* Психология обучения неродному языку. М., 1989.
7. *Леонтьев А.А.* Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному: психолингвистические исследования. М., 1970.
8. *Alatis J.* (ed.) *Bilingualism and Language Contact: Anthropological, Linguistic, Psychological and Sociological Aspects.* Monograph Series on Languages and Linguistics, 23. Washington, 1970.
9. *Bialystok E.* An Analytical View of Second Language Competence: A Model and Some Evidence // *The Modern Language Journal.* 1979, Volume LXIII. Pp. 257-262.
10. *Chastian K.* *Developing Second-Language Skills: Theory and Practice.* 2-nd ed. Rand McNally College Publ. Comp. Chicago, 1976.
11. *Diller K.C.* (ed.) *Individual Differences and Universals in Language Learning Aptitude.* Newbury House Publishers, Inc., Rowley, London, Tokyo, 1981.
12. *Dodson C.J., Price E., Williams L.T.* *Towards Bilingualism.* Cardiff, 1968.
13. *Ervin S.M., Osgood Ch.E.* Second Language Learning and Bilingualism // *Journal of Abnormal and Social Psychology.* Suppl. 49, 1954. Pp. 139-146.
14. *Gass S.M., Selinker L.* *Second Language Acquisition: An Introductory Course.* Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Hillsdale, New Jersey-London, 1994.
15. *Hornby P.* (ed.) *Bilingualism. Psychological, Social and Educational Implications.* 1977.

16. *Kellerman E., Smith M.S.* (ed.) *Crosslinguistic Influence in Second Language Acquisition*, Pergamon Press, NY, Oxford, Toronto, Sydney, Frankfurt, 1986.
17. *Kelly L.C.* (ed.) *Description and Measurement of Bilingualism*. Toronto, 1969.
18. *Kessler C.* *The Acquisition of Syntax in Bilingual Children*. Georgetown Univ. Press, Washington DC, 1971.
19. *Kinzel P.* *Lexical and Grammatical Interference in Speech of a Bilingual Child*. Seattle, 1964.
20. *Mackey W.F.* *The Description of Bilingualism // Journal of the Canadian Linguistic Association*, 7-2, 1962. Pp. 51-85.
21. *McLaughlin B.* *Second Language Acquisition in Childhood: Volume 1. Preschool Children*. 2nd ed. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Hillsdale, New Jersey-London, 1984.
22. *McLaughlin B.* *Theories of Second Language Learning*. Edward Arnold, London, 1987.
23. *Richards J.C.* (ed.) *Error Analysis: Perspectives on Second Language Acquisition*. Longman, London, 1974.
24. *Taeschner T.* *The Sun Is Feminine. A Study on Language Acquisition in Bilingual Children*. Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg-NY-Tokyo, 1983.

Тема 8. Модели порождения и восприятия речи

1. Модели порождения речи.
 - * Стохастические модели порождения речи (Н. Хомский, Дж. Миллер, Дж. Селфридж, Ч. Осгуд).
 - * Модели непосредственно составляющих (В. Ингве, Ч. Осгуд, Н. Джонсон, В. Левелт, М. Брэйи, Й. Энгелькам; отечественные исследователи).
 - * Модели на основе трансформационной грамматики (Н. Хомский, Дж. Кац, Дж. Фодор, М. Халле, Дж. Миллер).
 - * Когнитивные модели (И. Шлезингер, Ч. Осгуд и др.).
 - * Психолингвистические модели порождения МПЛШ (взгляды А.Р. Лурия и Н.И. Жинкина; концепции и модели А.А. Леонтьева, Т.В. Ахутиной (Рябовой); модели Л.А. Чистович, Т.В. Черниговской и В.Л. Деглина; концепция И.А. Зимней).
2. Модели восприятия речи.
 - * Параметры классификаций. Пассивные теории восприятия («грамматика слушающего» Ч. Хокетта). Модель «анализа через синтез» (М. Халле, К. Стивенс).
 - * Когнитивная модель восприятия У. Кинча.

Список литературы

1. *Жинкин Н.И.* *Язык – речь – творчество*. (Избр. труды.) М., 1998.
2. *Исследование речи*. Новосибирск, 1968.
3. *Леонтьев А.А.* *Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания*. М., 1969.
4. *Леонтьев А.А.* *Основы психолингвистики*. М., 1999.
5. *Лурия А.Р.* *Язык и сознание*. М., 1979.
6. *Модели восприятия речи*. Л., 1966.
7. *Рябова Т. В.* *Механизм порождения речи по данным афазиологии // Вопросы порождения речи и обучения языку*. М., 1967. С. 76-94.

8. Чистович Л.А. Психоакустика и вопросы теории восприятия речи // Распознавание слуховых образов. Новосибирск, 1970.
9. Chomsky N., Halle M. The Sound Pattern of English. NY, 1968.
10. Katz J., Fodor J.A. The Structure of Semantic Theory // Language. V. 39. № 2. 1963.
11. Kintsch W. The Representation of Meaning in Memory. Hillsdale, 1974.
12. Kintsch W., Dijk T.A. van Towards a Model of Text Comprehension and Production // Psychological Review. V. 85. 1978.
13. Miller G.A., Chomsky N. Finitary Models of Language User // Handbook of Mathematical Psychology. V. 2. NY, 1963.
14. Miller G.A., Selfridge J.A. Verbal Context and the Recall of Meaningful Material // American Journal of Psychology. V. 63, 1951.
15. Osgood Ch.E. On Understanding and Creating Sentence // American Psychologist. V. 18. № 12. 1963.
16. Osgood Ch.E. Lectures on Language Performance. NY, 1980.

Тема 9. Виды знаний. Когнитивные структуры (КС)

1. Виды знаний, существующие классификации.
 - * Общие классификации. Знание научное vs. ненаучное. Социальное vs. индивидуальное знание.
 - * Оппозиции видов знаний, актуальные для лингвистических и психолингвистических исследований. Знания предметные vs. методологические. Знания языковые vs. метаязыковые. Знания декларативные vs. процедурные. Знания энциклопедические vs. языковые. Знания врожденные vs. приобретаемые (взгляды эмпириков и рационалистов; концепция Н. Хомского; МПЛШ; идеи Б.М. Величковского). Знание выученное vs. освоенное (С. Крашен, Х. Селиджер, Е. Стевик, Е. Бялысток, отечественные лингводидакты). Знания имплицитные vs. эксплицитные. Выводное знание (А. Гарнхам, А.А. Залевская), импликатура (Г. Грайс), выводное знание vs. импликация (Дж. Томас).
 - * Интериоризация и экстериоризация знаний (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, А.Г. Асмолов).
2. КС как форма кодирования и хранения информации.
 - * Феноменологические когнитивные структуры (ФКС) и лингвистические когнитивные структуры (ЛКС).
 - * Соотношение КС и разных видов компетенции, КС и разных картин мира.

Список литературы

1. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
3. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.

6. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. М., 1989.
7. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Тт. I-II. М., 1958.
8. *Хомский Н.* О природе и языке. М., 2005.
9. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005.
10. *Chomsky N.* Syntactic Structures. The Hague, 1957.
11. *Chomsky N.* Aspects of the Theory of Syntax. Cambr.MA, 1965.
12. *Chomsky N.* Language and Mind. NY, 1968.
13. *Chomsky N.* Knowledge of Language: Its Nature, Origin and Use. NY, 1986.
14. *Garnham A.* Psycholinguistics: Central Topics. London, NY, 1985.
15. *Grice H.P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. NY, 1975. Pp. 41-58.
16. *Grice H.P.* Presupposition and Conversational Implicature // Radical Pragmatics. NY, 1981. Pp. 183-198.
17. *Krashen S.* Principles and Practice in Second Language Acquisition. Oxf., 1982.
18. *Putnam H.* Against the New Associationism // Speaking Minds: Interviews with Twenty Eminent Cognitive Scientists. Baumgartner P. & S. Payr (Eds.). Princeton, NJ, 1995. P. 177-188.

Тема 10. Процесс социализации. Феномен языковой личности. Человек говорящий.

1. Индивидуальное сознание человека как определенная проекция сознания общественного (И.А. Зимняя). Личность как носитель индивидуального сознания.
2. Процесс социализации. Содержание, условия, основной канал и результаты социализации (А.Н. Леонтьев, МПЛШ).
3. Взгляды на «Я» человека в отечественной и зарубежной науке. Феномен языковой личности (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов и др.). Структура ЯЛ (по Ю.Н. Караулову). Человек говорящий как совокупность личностей: языковой, речевой, коммуникативной.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Брудный А.А.* Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности). Фрунзе, 1972.
2. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. М., 2004.
3. *Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3-8.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987 или 2004.
5. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
6. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
7. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
8. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М., 1972.
9. *Леонтьев А.Н.* Человек и культура. М., 1961.
10. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М., 1994.
11. *Макаров М.Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1990.
12. *Общая и прикладная психолингвистика.* М., 1973.
13. *Проблемы психолингвистики.* М., 1975.

14. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
15. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С 34-37.
16. Язык и личность. М., 1989.
17. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.

Т е м а 1 1 . Знания и представления. Когнитивные пространства и когнитивная база. Структура знаний и представлений человека говорящего

1. Знания и представления: содержание, структура, критерии разграничения.
2. Индивидуальное когнитивное пространство (ИКП). Коллективное когнитивное пространство (ККП). Когнитивная база (КБ). Содержание; сходства и различия. Процессы анкоринга и объективизации (по С. Московичи).
3. Структура знаний и представлений личности.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. Барт Р. "S/Z". М., 1994.
2. Брудный А.А., Шукуров Э.Д. Мир общения. Фрунзе, 1977.
3. Колианский В.Г. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
4. Коул М. Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
6. Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
7. Леонтьев А.А. Общение как объект психолингвистического исследования. Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
8. Леонтьев А.Н. Человек и культура. М., 1961.
9. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
11. Общая и прикладная психолингвистика. М., 1973.
12. Общение в свете теории отражения. Фрунзе, 1980.
13. Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978.
14. Проблемы психолингвистики. М., 1975.
15. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. / Отв. ред. А.А. Леонтьев. М., 1974.
16. Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972.
17. Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986.
18. Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985.
19. Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., 1998.
20. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7-22.
21. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambr. 1996 (1st ed. - 1983).
22. Moscovici S. The Phenomenon of Social Representation // Social Representations. Cambr., 1984. Pp. 3-69.

Тема 12. Коммуникация: природа, цель, условия. Понятие пресуппозиции. Типы пресуппозиций. Типы коммуникации

1. Условия адекватного понимания речевых действий (речевая деятельность в структуре деятельности неречевой) (отечественные и зарубежные школы психологии и психолингвистики).
2. Природа коммуникации (А.А. Брудный, Г.В. Колшанский, МПЛШ и др.). Коммуникация как речевое взаимодействие. Цель коммуникации. Коммуникация успешная vs. неуспешная. Коммуникативные неудачи: коммуникативный сбой и коммуникативный провал. Условия успешной коммуникации: факторы, обуславливающие адекватную коммуникацию (Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Шрейдер и др.).
3. Понятие пресуппозиции в зарубежной и отечественной науке; пресуппозиция как общий фонд знаний, общий опыт, общий тезаурус, общие предварительные сведения, которыми обладают коммуниканты. Пресуппозиция как зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов. Типы пресуппозиций (микроресуппозиция, социумная пресуппозиция, макропресуппозиция), соотносимые с когнитивными совокупностями (ИКП, ККП и КБ).
4. Типы коммуникации, выделяемые на основе критериев моно- vs. межсоциумная и моно- vs. межкультурная коммуникация.

Список литературы

1. *Барт Р.* "S/Z". М., 1994.
2. *Брудный А.А., Шукуров Э.Д.* Мир общения. Фрунзе, 1977.
3. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
4. *Колшанский В.Г.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
5. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
6. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
7. *Леонтьев А.А.* Общение как объект психолингвистического исследования. Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
8. *Леонтьев А.Н.* Человек и культура. М., 1961.
9. *Макаров М.Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
10. *Общая и прикладная психолингвистика.* М., 1973.
11. *Общение в свете теории отражения.* Фрунзе, 1980.
12. *Общение: теоретические и прагматические проблемы.* М., 1978.
13. *Проблемы психолингвистики.* М., 1975.
14. *Психолингвистические проблемы массовой коммуникации.* / Отв. ред. А.А. Леонтьев. М., 1974.
15. *Речевое воздействие.* Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972.
16. *Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы.* М., 1986.
17. *Речевое общение: цели, мотивы, средства.* М., 1985.

18. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97-112.
19. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7-22.
20. *Шрейдер Ю.А.* Семантическая информация и принцип фокализации // Общение в свете теории отражения. Фрунзе, 1980. С. 32-48.
21. *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. Cambr. 1996 (1st ed. - 1983).
22. *Moscovici S.* The Phenomenon of Social Representation // Social Representations. Cambr., 1984. Pp. 3-69.

Тема 13. Коммуникативный акт. Дискурс

1. Основные модели коммуникации: кодовая (С. Шэннон и В. Уивер, Д.Г. Богушевич, О.Л. Каменская, О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина), инференционная (Г. Грайс, К. Бах, М. Гарниш, Д. Спербер, В. Уильсон) и интеракционная (Д. Шиффрин). Модели Р.О. Якобсона, Н.Г. Комлева.
2. Коммуникативный акт vs. речевой акт. Коммуникативный акт (КА): его природа и структура. Ситуация и дискурс как составляющие КА. Компоненты и аспекты КА: конситуация (экстралингвистический), контекст (семантический), пресуппозиция (когнитивный), речь (собственно-лингвистический).
3. Термин и понятие «дискурс» в современной научной литературе. Узкое и широкое понимание дискурса. Идеи Т.А. ван Дейка, А.Е. Кибрика, Ю.Н. Караулова.
4. Дискурс как вербализуемая речемыслительная деятельность, как совокупность процесса и результата. Два плана дискурса: собственно-лингвистический и экстралингвистический (лингвокогнитивный).

Список литературы

1. *Герасименко Н.А.* Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2. М., 1998. С. 20-23.
2. *Дейк Т.А. ван* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
3. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
4. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
5. *Макаров М.Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
6. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
7. *Менджерцкая Е.О.* Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1977. С. 130-133.
8. *Миронова Н.Н.* Оценочные характеристики дискурса // Политический дискурс в России-2. М., 1998. С. 60-66.
9. *Миронова Н.Н.* Политический дискурс vs. оценочный дискурс // Политический дискурс в России. М., 1997. С. 41-50.
10. *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах.* / Под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. М., 1987.

11. *Розениток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1994.
12. *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. Cambr., 1996.
13. *Schiffrin D.* Approaches to Discourse. Oxford, Cambridge, Mass., 1994.

Тема 14. Понятие «текст». Текст с точки зрения ПЛ

1. Термин и понятие «текст» в современной научной литературе. Специфика психолингвистического подхода к тексту.
2. Текст как единица дискурса и «ядро» КА.
3. Дифференциальные признаки текста: тематическое, коммуникативное, структурное единство (О.И. Москальская). Текстобразующие категории: концепт текста, смысловое (семантическое) строение, логическое строение; коммуникативное воздействие, эстетическое воздействие; синтаксические, лексические и фонологические категории.
4. Понятие «концепт текста» в современном контексте (идеи Н.И. Жинкина, Т.М. Дридзе). Концепт текста как отправная и финальная точки «жизненного цикла» текста. Связь концепта текста с ситуацией.
5. Текст как объект психолингвистического исследования. Предикативность с точки зрения ПЛ. Предикатема как минимальная единица мысли. Связность и целостность текста как его основные характеристики.

Список литературы

1. *Аспекты изучения текста.* М., 1981.
2. *Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.
3. *Гак В.Г.* О семантической организации текста // Лингвистика текста: Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 61-66.
4. *Головина Л.В.* Креолизованный текст: закономерности построения // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 45-88.
5. *Голод В.И., Шахнарович А.М.* Когнитивные и коммуникативные аспекты текста как инструмента общения // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М., 1984. С. 26-34.
6. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М., 1997.
7. *Дридзе Т.М.* Социально-психологические аспекты порождения и интерпретации текстов в деятельности речевого общения // Аспекты изучения текста. М., 1981. С. 129-136.
8. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
9. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Риторика. 1997, № 1(4). С. 13-21.
10. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
11. *Залевская А.А.* Слово. Текст. Избранные труды. М., 2005.
12. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
13. *Леонтьев А.А.* Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. М., 1979.

14. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
15. *Лингвистика текста.* Куйбышев, 1976.
16. *Лингвистика текста.* Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I-II.
17. *Лингвистика текста.* Уч. зап. МГПИИЯ. Вып. 103. М., 1976.
18. *Лингвистика текста.* Уч. зап. МГПИИЯ. Вып. 141. М., 1979.
19. *Москальская О.И.* Грамматика текста. М., 1981.
20. *Рубакин Н.А.* Тайна успешной пропаганды // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972. С. 130-135.
21. *Сахарный Л.В., Баринова И.А.* Изучение цельности и связности текстов разговорной речи // Семантика целого текста. Одесса, 1987. С. 140-141.

Тема 15. Порождение и восприятие текста. Модель коммуникативного акта (КА)

1. Модели порождения и восприятия текста (МПЛШ). Направленные зависимости текстообразующих категорий.
2. Взгляды на восприятие, понимание, интерпретацию речевого произведения в научной литературе. Уровни переработки речевого сообщения (А.Р. Лурия, Ю.С. Зеленев). Суть процесса понимания (МПЛШ). Понимание vs. интерпретация текста (Е.С. Кубрякова). Библиопсихология (Н.А. Рубакин, Ю.А. Сорокин, В.П. Белянин).
3. Факторы, влияющие на процессы порождения и восприятия текста.
4. Модель коммуникативного акта.

Список литературы

1. *Алехтин В.Б.* О смысловой структуре связного текста (в связи с обучением порождению текстов на иностранном языке // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку. М., 1976. С. 112-122.
2. *Аспекты изучения текста.* М., 1981.
3. *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста.* / Отв. ред. И.А. Слюсарева. М., 1982.
4. *Вопросы порождения речи и обучения языку.* М., 1967.
5. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Риторика. 1997, № 1(4). С. 13-21.
6. *Зимняя И.А.* К вопросу о восприятии речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1961.
7. *Зимняя И.А.* Речевой механизм в схеме порождения речи (применительно к задачам обучения иностранному языку) // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969. С. 5-16.
8. *Зимняя И.А.* Психология слушания и говорения: Автореф. дисс. ... докт. псих. наук. М., 1973.
9. *Зимняя И.А.* Психология текста как продукта речевой деятельности // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 143-149.
10. *Зимняя И.А.* Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 51-58.
11. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.

12. *Кубрякова Е.С.* Текст – проблемы понимания и интерпретации // Семантика целого текста. М., 1987. С. 93-94.
13. *Лингвистика текста.* Куйбышев, 1976.
14. *Лингвистика текста.* Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I-II.
15. *Лингвистика текста.* Уч. зап. МГПИИЯ. Вып. 103. М., 1976.
16. *Лингвистика текста.* Уч. зап. МГПИИЯ. Вып. 141. М., 1979.
17. *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах.* / Под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. М., 1987.
18. *Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия.* / Ред. Ю.А. Жлуктенко, А.А. Леонтьев. Киев, 1979.
19. *Речевое общение: цели, мотивы, средства.* М., 1985.
20. *Рубакин Н.А.* Тайна успешной пропаганды // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972. С. 130-135.
21. *Смысловое восприятие речевого сообщения* (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
22. *Тарасов Е.Ф., Соснова М.Л.* О формах существования текста // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 30-44.
23. *Текст как психолингвистическая реальность.* М., 1982.
24. *Текст, контекст, подтекст.* М., 1986.

Модификация программ по русскому языку в университетах Италии в условиях общеевропейского образовательного пространства

© кандидат филологических наук С. Л. Нистратова (Италия), 2005

Идея интеграции европейского образования, предложенная на встрече в Болонье, больше известной как Болонский процесс, предполагает создание к 2020 году единого европейского образовательного пространства. Важнейшими предпосылками для реализации этой цели является взаимное признание дипломов и стандартизация целей обучения, невозможные без координации национальных учебных программ.

Процессы интеграции охватывают и область преподавания иностранных языков, в частности русского языка. «Университетский сектор высшего образования в Европе также характеризуется стремлением к координации программ обучения и, естественно, способов проверки усвоения этих программ. Только в этом случае можно говорить о расширении академической мобильности учащихся, подкрепленной взаимным признанием дипломов»¹. Обучение русскому языку в университетах должно отвечать требованиям, предъявляемым к обучению иностранным языкам Советом Европы. Таким образом, в настоящий момент назрела насущная необходимость в пересмотре национальных учебных программ по русскому языку на основе общеевропейских стандартов.

На протяжении последних нескольких лет в Италии идет реформа высшей школы, в соответствии с которой университеты переходят на новую систему: «3+2». В настоящее время весь процесс обучения делится на два этапа – 3 года и 2 года. После трех лет обучения студенты получают диплом (так называемый «трехгодичный диплом» – *laurea triennale*) и далее могут либо продолжить свое образование, специализироваться в течение двух лет и получить диплом второй ступени (*laurea specialistica*), либо закончить на этом свое образование.

Как видим, итальянская система высшего образования аналогична системе, принятой в некоторых российских вузах. Итальянскую *laurea triennale* и *laurea specialistica* в какой-то степени можно соотнести с бакалавриатом (4 года) и магистратурой (2 года). Напомним, что прежде в Италии весь процесс обучения в университете длился 4 года.

¹ Л. Б. Трушина. Тестовая система по РКИ как инструмент интеграции в европейское образовательное пространство // Мир русского слова, 2004, №4. С. 78.

Перестройка университетской системы потребовала пересмотра и всех учебных программ, в том числе и по иностранным языкам. Как справедливо замечают итальянские слависты С. Гардзонио и К. Ласорса Сьедина, реформа заставила многие итальянские университеты обратить особое внимание на преподавание иностранных языков, в частности, русского, пересмотреть программы и цели обучения².

Следует заметить, что традиционно в университетах Италии существовала такая система обучения, в которой основное место занимало преподавание русской литературы, язык же при этом оставался на периферии, играл вспомогательную, второстепенную роль. Например, до недавнего времени в университетских программах практически отсутствовали самостоятельные теоретические курсы по русскому языку, по лингвистике³. Язык входил всего лишь в качестве составной части в курс по литературе, поэтому преподавание языка во многих университетах ограничивалось практическими занятиями.

Сейчас положение меняется к лучшему: язык представлен в качестве отдельного предмета, на лингвистические дисциплины в учебных планах отводится большее количество часов. Такое изменение статуса языка в системе обучения повышает мотивацию к изучению языка, студенты начинают выбирать для своих дипломных работ темы не только по литературе, но и по русскому языку⁴.

Таким образом, в связи с реформой системы высшего образования, а также в соответствии с задачей интеграции в единое европейское образовательное пространство, перед итальянскими русистами встала важная научно-методическая задача перестройки учебного процесса и модификации учебных программ.

В этих новых условиях преподаватели сталкиваются с двумя главными трудностями: во-первых, как освоить объем основного программного материала, который раньше был рассчитан на 4 года обучения (поскольку часть студентов после третьего курса заканчивает изучение иностранного языка), и, во-вторых, как получить результаты, соответствующие заданным общеевропейским стандартам?

Решение первой проблемы видится в следующем.

Прежде всего, необходимо максимально интенсифицировать учебный процесс, что может быть достигнуто с помощью использования современных методик и учебных пособий, в том числе мультимедий-

² S. Garzonio, C. Lasorsa Siedina. *Lingua e linguistica russa in Italia oggi* // Studi italiani di linguistica teorica e applicata, XXXIII, 2004, №2. P. 163.

³ S. Pescatori. *Il russo per scopi speciali* // Studi italiani di linguistica teorica e applicata, XXXIII, 2004, №2. P. 239.

⁴ Так, например, в Венецианском университете на факультете иностранных языков и литератур в этом году впервые за последние пять лет был защищен диплом по русскому языку.

ных, а также компьютерных программ-тренажеров, предназначенных для самостоятельной работы студентов. Заметим, что на большинстве факультетов итальянских университетов практикуется система свободного посещения занятий, поскольку многие студенты вынуждены работать. В этих условиях большая роль при изучении иностранного языка должна отводиться пособиям, рассчитанным на самостоятельное освоение.

Далее, нам представляется, что следует четко скоординировать программы практических занятий и теоретических курсов. К сожалению, как показывает практика, материал теоретических курсов, например, по грамматике, нередко не соответствует тематике практических занятий, на которых также изучается грамматика. В результате чего на усвоение материала студентам приходится затрачивать значительно больше сил и времени, чем это требуется при рациональной организации обучения.

По сложившейся традиции практические занятия по иностранному языку в итальянских университетах обычно ведут так называемые «лектора». Об этой категории преподавателей следует сказать несколько слов в связи со спецификой ее положения в системе высшего образования в Италии.

Большинство преподавателей-практиков русского языка составляют носители языка, постоянно проживающие в Италии. Многие из них, к сожалению, не получили специализации преподавателя русского языка как иностранного. В лучшем случае у них есть опыт преподавания итальянского или русского языка русским. Таким образом, им не хватает базовых знаний по основным проблемам методики и лингвистики, что неизбежно сказывается на качестве обучения. Данной категории преподавателей большую помощь могли бы оказать курсы повышения квалификации. Однако, с сожалением, должны констатировать, что в Италии они не проводятся, а командирование лекторов на стажировку в Россию, как правило, не практикуется⁵.

Что касается второй проблемы, связанной с получением результатов, соответствующих общеевропейским стандартам, то для ее решения, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на следующие моменты: выбор учебных материалов; определение приоритетных целей обучения; формы контроля уровней достижения коммуникативных умений.

Как известно, в современных условиях обучения иностранному языку особые требования предъявляются к учебникам и учебным пособиям. В первую очередь, они должны быть ориентированы на обучение реальной коммуникации, поскольку коммуникативная, лингвистическая и

⁵ Большую помощь в данной ситуации могут оказать дистанционные курсы повышения квалификации преподавателей русского языка. Например, дистанционный курс, созданный Э. Г. Азимовым и Н. В. Кулибиной. См. www.pushkin.edu.ru/modus.

культурологическая компетенции студентов, полученная в результате обучения, должна соответствовать «Общеввропейским компетенциям»⁶.

Как показывает опыт, очень часто учебные материалы, используемые итальянскими преподавателями-практиками, отражают их личные вкусы и пристрастия, иногда они не полностью соответствуют поставленным целям и условиям обучения в конкретном учебном заведении.

Так, например, одной из распространенных ошибок является использование в процессе обучения устаревших учебников, не отвечающих требованиям современной методики, или же пособий, предназначенных для преподавания русского языка в условиях российской системы образования, которая предполагает значительно большее количество аудиторных занятий по русскому языку, чем в итальянских университетах. Соответственно для овладения материалом такого учебника в Италии требуется намного больше времени. Поэтому нередко возникает неудовлетворенность и студентов и преподавателей результатами их работы, снижается мотивация к изучению русского языка. Нередко после первого курса наблюдается резкое сокращение количества учащихся, поскольку многие студенты отказываются от дальнейшего изучения русского языка и переходят в группы с другими иностранными языками.

Вопрос выбора базового учебника непосредственно связан с определением приоритетных целей обучения. К сожалению, нередко в итальянских университетах многие преподаватели по-прежнему в качестве главной задачи видят обучение русской грамматике, а не практическому владению языком, использованию его в реальных ситуациях общения. В связи с этим большая часть времени на занятиях отводится на выполнение упражнений, чтение и перевод текстов. В результате такого обучения лингвистическая и коммуникативная компетенция выпускников университетов часто не соответствует общеевропейскому стандарту.

Кроме того, отдельного рассмотрения требует вопрос об объеме и содержании программ для третьего и четвертого курсов, так называемой *laurea specialistica* (курсы специализации, магистратура), которая для многих университетов является новой. Какую специализацию по русскому языку можно предложить студентам третьего и четвертого курсов? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести изучение и глубокий анализ реальных коммуникативных потребностей студентов.

В качестве одного из вариантов можно предложить курс по языку делового общения, который, несомненно, будет полезен в профессиональной деятельности выпускников, поскольку многие из них, как показывают опросы, после окончания университета находят работу в раз-

⁶ Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Страсбург: Департамент по языковой политике; М.: МГЛУ, 2003.

личных фирмах. При составлении программ данного курса преподаватели могут ориентироваться на существующие описания сертификационных уровней владения русским языком делового общения⁷. Большую помощь могут оказать уже созданные учебные пособия и тесты⁸.

Кроме того, новым перспективным направлением специализации в настоящее время является «русский язык в сфере туризма». В последнее время в Италию наблюдается большой приток русских туристов, поэтому многие студенты, после окончания университетов (а нередко еще во время учебы) находят работу в туристических агентствах в качестве гидов-переводчиков и сопровождающих. Заметим, что в Италии для получения такой работы необходимо сдать довольно сложный экзамен, в том числе и по иностранному языку. Курсов же для подготовки к нему практически не существует. В связи с этим введение соответствующей специализации в университете может оказаться очень полезным и своевременным. Такая специализация уже вводится в некоторых университетах, например, в Веронском университете.

Целесообразно также включить в программу курсов специализации общий коррективный курс русского языка, предполагающий рассмотрение наиболее сложных вопросов русской грамматики и лексики, поскольку основной задачей обучения на данном этапе является углубление лингвистической компетенции с учетом будущей специальности.

Самой главной целью модификации национальных программ по иностранным языкам в условиях общеевропейского образовательного пространства должно быть получение сопоставимых результатов обучения. Это значит, что после обучения в разных университетах по разным методикам мы должны получить результаты, которые могут быть измерены в конкретных единицах, признанных международным сообществом.

Система кредитов, не так давно введенная в университетское образование, призвана гарантировать в некоторой степени унификацию программ и результатов. Но так ли это? Как показывает опыт, объем учебного материала, освоенного студентами, набравшими определенное

⁷ См., например, Русский язык. Пороговый уровень. Т. II. Профессиональное общение. Совет Европы Пресс, 1996.

⁸ См.: *О.А. Ускова, Л.Б. Трушина. Элитный персонал и К. Русский язык делового общения (продвинутый сертификационный уровень)*. М.: Русский язык. Курсы, 2002; *Русский язык как иностранный. Типовой тест. Русский язык делового общения. Бизнес. Коммерция. Продвинутый уровень / Л. Б. Трушина, О. А. Ускова.* – М., 2002; *Русский язык как иностранный. Типовой тест. Русский язык делового общения. Бизнес. Коммерция. Средний сертификационный уровень / Н. Р. Дынькина, Л. С. Журавлева, М. М. Калиновская, Н. В. Лаврова, Л. Б. Трушина.* – М., 2002; *Тестовый практикум по русскому языку делового общения: Бизнес. Коммерция. Базовый уровень / Отв. ред. Л. С. Журавлева.* – М.: Русский путь, 2002.

количество кредитов, а также их уровень владения иностранным языком может быть разным в разных учебных заведениях. В качестве доказательства можем привести примеры из собственной практики. Нередко приходится сталкиваться с такими ситуациями, когда, записавшись в магистратуру (третий и четвертый курс) Венецианского университета, выпускники других итальянских университетов, имея одинаковое количество кредитов по русскому языку, не в состоянии освоить предлагаемую программу.

Унифицировать результаты обучения возможно, если последовать рекомендациям, содержащимся в резолюции 2001 года Совета Европы⁹ и постепенно внедрять в вузовское преподавание систему языкового тестирования. «Внедрение в практику преподавания общеевропейской шкалы уровней владения иностранным языком дает возможность при стандартизации целей (что служит предпосылкой для создания единого образовательного пространства) обеспечить, с одной стороны, вариативность/дифференциацию и индивидуализацию обучения, а с другой – унифицировать оценку коммуникативно-речевой готовности учащихся»¹⁰. Общеевропейская шкала уровней является тем инструментом, который позволяет оценивать языковые компетенции по единым критериям, отвечающим общеевропейским стандартам.

Заметим, что введение системы тестирования не требует кардинальной перестройки университетских программ и использования единой методики преподавания языка. Необходимо лишь модифицировать обучение, ориентируясь на достижение конкретных результатов, соответствующих определенному сертификационному уровню. Каким образом эти результаты могут быть получены должен решать каждый университет.

Как показывает опыт работы, студенты итальянских университетов могут достигнуть, как минимум, следующих уровней владения русским языком: после 1-ого года обучения в университете Уровня А 1 (Элементарного), после 2-ого – Уровня А2 (Базового), после 3-его – Уровня В1 (Порогового) по Общеевропейской шкале.

В настоящее время в Италии уже открыто несколько центров по приему сертификационных экзаменов по русскому языку (Бергамо, Генуя, Венеция, Милан, Флоренция).

Однако процесс внедрения системы тестирования в обучение иностранным языкам вызывает целый ряд проблем. Так, например, диску-

⁹ Common European Framework of References for Languages: Learning, Teaching, Assessment. 2001

¹⁰ *Е.В. Тарасенко*. Общеевропейская шкала уровней владения иностранным языком и постпороговый уровень русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом, №1, 1999. С. 73.

тируется вопрос о соотношении программ: в какой мере университетская программа по языку должна соответствовать программам сертификационных экзаменов, должна ли подготовка к сдаче этих экзаменов стать обязательной частью университетского курса или она должна проводиться автономно?

Одной из наиболее актуальных является проблема учета сертификационных экзаменов в системе кредитов: должны ли они оцениваться в конкретном количестве кредитов или нет. Вопрос этот является очень важным, поскольку решение его непосредственно влияет на распространение системы тестирования. Очевидно, что если студенту, подтвердившему свой уровень владения иностранным языком сдачей соответствующего сертификационного экзамена, будет начисляться определенное количество кредитов, это значительно повысит его мотивацию к участию в тестировании.

К сожалению, в настоящее время в Италии не существует однозначного решения этой проблемы, в каждом конкретном университете этот вопрос решается по-разному. В связи с этим первоочередной задачей итальянских русистов должна стать выработка единого подхода к системе тестирования, поскольку «возможность сопоставления результатов с помощью единой системы измерения обеспечивает основу для взаимного признания дипломов, потому что только признанные дипломы и сертификаты обеспечивают в итоге академическую мобильность и мобильность трудовых ресурсов»¹¹.

Л и т е р а т у р а

1. Голубева А. В. Что значит быть «на европейском уровне»? // Мир русского слова, №4, 2004.
2. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Страсбург: Департамент по языковой политике. М.: МГЛУ, 2003.
3. Русский язык как иностранный. Типовой тест. Русский язык делового общения. Бизнес. Коммерция. Продвинутый уровень / Л. Б. Трушина, О. А. Ускова. М., 2002.
4. Русский язык как иностранный. Типовой тест. Русский язык делового общения. Бизнес. Коммерция. Средний сертификационный уровень / Н. Р. Дынькина, Л. С. Журавлева, М. М. Калиновская, Н. В. Лаврова, Л. Б. Трушина. М., 2002.
5. Тарасенко Е. В. Общеевропейская шкала уровней владения иностранным языком и постпороговый уровень русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом, №1, 1999.
6. Тестовый практикум по русскому языку делового общения: Бизнес. Коммерция. Базовый уровень / Отв. ред. Л. С. Журавлева. М.: Русский путь, 2002.
7. Трушина Л. Б. Тестовая система по РКИ как инструмент интеграции в европейское образовательное пространство // Мир русского слова, №4, 2004.

¹¹ А. В. Голубева. Что значит быть «на европейском уровне»? // Мир русского слова, №4, 2004. С. 85.

8. *Ускова О.А., Трушина Л.Б.* Элитный персонал и К. Русский язык делового общения (продвинутый сертификационный уровень). М.: Русский язык. Курсы, 2002.
9. Common European Framework of References for Languages: Learning, Teaching, Assessment. 2001.
10. *Garetto E.* La certificazione del russo. Storia e prospettive // Studi italiani di linguistica teorica e applicata, XXXIII, 2004, №2.
11. *Garzonio S., Lasorsa Siedina C.* Lingua e linguistica russa in Italia oggi // Studi italiani di linguistica teorica e applicata, XXXIII, 2004, №2.
12. *Pescatori S.* Il russo per scopi speciali // Studi italiani di linguistica teorica e applicata, XXXIII, 2004, №2.

Чешский императив и императивность¹

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 2005

1. Структура функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским.

1.1. Определение побудительного высказывания.

1.1.1. Категориальная и некатегориальная императивность. Концепция А. В. Бондарко, вводящего понятие *императивной ситуации*. Прямая и косвенная императивность. Эксплицитная и имплицитная косвенная императивность.

1.1.2. Побуждение и прагматика. Понятие *речевого акта*, интерпретируемого как способ осуществления целенаправленных действий с помощью средств языка в процессе речепроизводства и заключающегося в произнесении говорящим высказывания, адресованного слушающему в определенной обстановке с конкретной целью. Локуция, иллокуция, перлокуция. Классификации речевых актов Дж. Л. Остина, А. Вежбицкой, Дж. Р. Серля. Прямые и косвенные речевые акты, простые и гибридные, институализованные и неинституализованные, инициативные и реактивные.

1.1.3. Модель структуры побудительного высказывания. Модель Л. А. Бирюлина и В. С. Храковского и возможные трансформации этой модели. Функционально-семантическая категория императивности как конгломерат подкатегорий, выделяемых на основе актантной рамки предиката: *ситуация 1*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему; *ситуация 2*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему + Говорящему; *ситуация 3*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Лицу, не участвующему в коммуникативном акте; *ситуация 4*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Говорящему и т. д.

1.2. Иллокутивные интерпретации побудительного высказывания. Классификации побудительных речевых актов В. С. Храковского и А. П. Володина, А. Вежбицкой, М. Грeпла и П. Карлика. Основания вариантов классификации побудительных речевых актов: *интуитивный способ*; *способ исчисления перформативов и иллокутивов*; *способ исчисления интерпретирующих предикатов*; *способ установления дифференциальных признаков побудительной речевой ситуации*; *способ семантико-прагматического анализа побудительных высказываний*.

¹ Программа спецкурса для студентов-богемистов.

1.3. Побудительные высказывания, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности казулируемого действия*.

1.3.1. «Авторитарные» побудительные высказывания. Чешские *příkaz, rozkaz, zákaz, nařízení, příkázání, povel, pokyn, parolenutí, objednávka* и русские *приказ, распоряжение, запрет, заповедь, наказ, повеление, команда, указание, заказ*.

1.3.2. «Пермиссивные» побудительные высказывания. Чешские *dovolení, souhlas* и русские *разрешение, согласие (согласие₁, согласие₂)*.

1.3.3 «Инструктивные» побудительные высказывания. Чешские *instrukce, recept* и русские *инструкция (инструкция₁, инструкция₂), предписание, рецепт*.

1.4. Побудительные высказывания, маркированные по признаку *индикация высокой степени мотивированности казулируемого действия*. Чешские *prosba, zaklínadlo, zapřísahání, domluva, přemlouvání, žádost, požadavek, naučení* и русские *просьба, мольба, убеждение, уговаривание, упрощивание, увещивание, заклинание, требование, наставление, поучение*.

1.5. Побудительные высказывания, маркированные по признаку *индикация полезности для агенса казулируемого действия / воздерживания от действия*. Чешские *rada, doporučení, varování, výstraha, vyhrůžka, vydírání, upozornění* и русские *совет, рекомендация, предостережение, угроза, шантаж, предупреждение*.

1.6. Побудительные высказывания, не маркированные по названным выше признакам. Чешские *nabídka, pozvání, návrh, vybidnutí, výzva* и русские *предложение, приглашение, призыв*.

1.7. Иллокутивно недифференцированные побудительные высказывания.

2. Центральная подкатегория функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским («побуждение второго лица»).

2.1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения второго лица. Ограничения лексического и стилистического характера, накладываемые на возможность образования и употребительность форм синтетического императива 2 лица ед. и мн. числа. Использование данных электронного Чешского национального корпуса (<http://ucnk.ff.cuni.cz/>).

2.2. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения 2 лица: конструкции *pojď(te) + инфинитив; běž(te) + инфинитив; koukej(te) + инфинитив; hleď(te) + инфинитив; chraň(te) se + инфинитив; opovaž(te) se + инфинитив; rač(te) + инфинитив*

2.3. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.

2.3.1. «Коинцидентальная» перформативность. Основные модели побудительных эксплицитных перформативных высказываний в совре-

менном чешском языке, употребительность этих моделей и использование в их составе перформативных глаголов *doporučovat; dovolovat; nabádat; nabízet; napomínat; nařizovat; navrhovat; obsílat; odporučovat; pobízet; poroučet; pověřovat; prosit; příkazovat; přimlouvat se; radit; rozkazovat; schvalovat; ukládat; upozorňovat; varovat; velet; vybízet; vyprošovat si; vyzývat; zakazovat; zapovídat; zapřísahat; žádat*. Варианты распределения «диктумного» и «модусного» значений в побудительных эксплицитных перформативных конструкциях.

2.3.2. «Некоинцидентальная» перформативность. Трансформация или редукция «диктумной» или «модусной» части эксплицитного перформативного высказывания. Употребительность тех или иных трансформаций, а также тех или иных перформативных глаголов в составе данных моделей.

2.4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.

2.5. Побуждение через тематизацию каузируемого действия. Особенности использования индикатива и кондиционала в составе побудительных высказываний, особенности использования вопросительных (невопросительных) конструкций, конструкций с отрицанием (без отрицания) в современном чешском языке по сравнению с русским.

2.6. Побуждение через тематизацию последствий каузируемого действия.

2.7. Побуждение через тематизацию необходимости или возможности. Особенности использования модальных глаголов *muset, moci, smět, mít* в составе побудительных высказываний. Анулотивное и контрастивное отрицание.

2.8. Побуждение через тематизацию полезности каузируемого действия.

2.9. Побуждение через тематизацию волеизъявления.

2.10. Побуждение в рамках устаревших этикетных форм обращения. «Ониканье» и «онканье» в побудительном высказывании.

3. Инклюзивное побуждение в современном чешском языке в сопоставлении с русским.

4. Побуждение «третьего лица» в современном чешском языке в сопоставлении с русским.

5. Маргинальные типы побуждения в современном чешском языке в сопоставлении с русским.

Л и т е р а т у р а

Апресян Ю. Д. Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. I. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд. – 472 с.; Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

- Безяева М. Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 752 с.
- Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. – 167 с.
- Бирюлин Л. А.* Семантика и прагматика русского императива. – Helsinki, 1994. – 229 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
- Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: Изд-во Московского университета, 2000. – 502 с.
- Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность» / Ред. *Л. А. Бирюлин и др.* – Л.: АН СССР, 1988. – 158 с.
- Креквич Й.* Побудительные перформативные высказывания. – Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. – 241 с.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с.
- Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16.
- Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17.
- Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 18.
- Русская грамматика. – Прага: Academia, 1979. – 1093 с. [два тома с продолжающейся нумерацией]
- Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. Т. II. – 710 с.
- Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. *А. Г. Широковой.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
- Типология императивных конструкций / Под ред. *Храковского В. С., Бирюлина Л. А.* – СПб.: Наука, 1992. – 301 с.
- Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
- Философия языка / Ред.-сост. *Дж. Р. Сёрл.* Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
- Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: Русский императив. – Л.: Наука, 1986. – 270 с.; [2-е изд., стереотипное:] М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
- Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1986. D. I. – 568 s.; D. II. – 536 s.
- Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1987. D. III. – 748 s.
- Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – 399 s.
- Otázky slovanské syntaxe IV / 1. – Brno, 1979. – 220 s.
- Otázky slovanské syntaxe IV / 2. – Brno, 1980. – 230 s.
- Příruční mluvnice češtiny. – Brno: Lidové Noviny, 1996. – 800 s.

РЕЦЕНЗИИ

Поэтические enigмы: стихотворения Ли Бо в переводах Сергея Торопцева

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 2005

Да, такая книга [*Ли Бо. Дух старины. Поэтический цикл. М., 2004*] должна была появиться. И будет жаль, если читатели обойдут ее своим вниманием, ссылаясь на «тяжкий опыт» знакомства с существующими поэтическими переводами. И повторяя вслед за А.Н. Радищевым: «Стихотворство у нас... в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень» [*А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Л., 1981. С. 152*]. Можно, конечно, сослаться на то, что этот пень стихосложение обошло, даже увернулось от него, но трудно забыть о еще одном ядовитом замечании А.Н. Радищева, сетовавшего, что «треух на Вергилия надет ломоносовским покроем» [Там же. С. 153].

На старокитайскую поэзию также надет свой треух – треух Шуцко-го и его последователей. Именно этот треух Сергей Торопцев попытался (и умело) снять, понимая, что он окончательно износился. Союзником Сергея Торопцева в переводческом деле следует считать В.М. Алексеева, четко осознававшего необходимость убедительной стилизации, хотя она и «есть не что иное, как подделка, маскарад. Это есть коллективно препарированная традиция» [Воспоминания о Рахманинове. 3-е изд. М., 1967. С. 319. Точка зрения Н.К. Метнера]. Такой традиции у нас до сих пор нет, но ее будущие контуры очерчены Сергеем Торопцевым резко и отчетливо.

Во-первых, следует переводить стихи Ли Бо (и других китайских поэтов) строка в строку, не ссылаясь на сверхтесноту китайского поэтического текста, «диктующего» необходимость увеличения переводных строк вдвое.

Во-вторых, русскоязычные стихотворные версии сопровождать дословным переводом, дающим возможность другим переводчикам – китаистам и некитаистам – предлагать свои варианты истолкования исходного текста.

В-третьих, к подстрочным переводам прилагать комментарии, снимающие неизбежную «темноту» и оригинального / исходного, и переводного текста и позволяющие расширить поле поисков соответствий

тем лакунам (о них см., например [Лакуны в языке и речи. Благовещенск, 2003]), которые обязательно присутствуют в китайском поэтическом тексте.

В-четвертых, окружить переводной текст натурфилософским истолкованием (именно таковы четыре статьи четырех комментаторов, завершающие книгу), смягчающим энигматичность поэтического текста в его исходном и переводном вариантах.

Примечание. Особенно это важно в данном случае: 59 стихотворений Ли Бо – это не та лирика, к которой мы привыкли в чужих переводах. В ней мало винопития и пейзажных сцен, минимум любования и восхищения миром и максимум вопрошания о его сути. Короче говоря, это лирика мысли, орнаментированная отсылками к культуральным событиям и фактам, помогающим Ли Бо парафрастически оценивать прошлое и настоящее, себя и свое окружение. Между нами и этими событиями и фактами – внушительная культуральная и хроносическая дистанция, но Сергею Торопцеву удалось «сместить» наше представление о ней за счет тщательного и подробного разъяснения их смысла, варьирующегося по мере развертывания поэтического цикла («Духа старины»).

В-пятых, Сергей Торопцев считает необходимым – и это право нельзя отрицать – представить Ли Бо как поэта, любящего краесогласие (в переводах используются перекрестные и смежные рифмы). Хотя возможен и другой подход: перевод цикла белыми стихами, но он, по видимому, менее выгоден, ибо русский читатель склонен видеть поэзию лишь там, где видит рифму.

Примечание. Рифмованные стихи – добровольные пути. Они ограничивают вариативность дорифменного пространства и являются причиной версификационных сбоев (стилистических и эвфонических). Такие сбои наблюдаются, например, в переводах стихотворений № 6, 17, 18, 23, 24, 27, 29, 35. О сути этих сбоев говорить не буду: их нужно обсуждать с глазу на глаз, и не только оспаривая предложенные решения, но и предлагая свои.

В-шестых – и это самое главное, – Сергей Торопцев все свои силы и умения направил на то, чтобы дать читателю представление о коннотациях поэтического цикла Ли Бо, т. е. о том, что Р. Барт, например, считал истинным смыслом слова (см. [Ролан Барт о Ролане Барте. М., 2002. С. 131]). Думаю, что Сергей Торопцев согласится и с другими бартовскими «постулатами»: 1) «не так важен переносимый смысл и то, откуда и куда его переносят; важен – и служит основой метафоры – только сам перенос»; 2) «в письме местами всегда есть что-то скрытое. Движущая сила скрадывается, остается ее эффект – такой операцией вычитания и характеризуется эстетический дискурс» [Там же. С. 140, 158].

Напоследок еще два соображения. Первое: книга «Дух старины» – добротнейшая страница в б у д у щ у ю историю китайской литературы, в ту историю, которая рассказывает о странствиях духа китайских поэтов (и прозаиков), об их психотипическом своеобразии и личностных установках (может быть, и о них будут написаны книги, аналогичные той, которую написал В.И. Батов – «Владимир Высоцкий: психогерменевтика творчества» [М., 2002]?). Второе: я переиздал бы эту книгу. В ее нынешнем виде она придется по душе китаистам (и вообще востоковедам) и читателям-эстетам, собирающим поэтический антиквариат. Читателям с улицы / людям с улицы было бы достаточно переводов, представленных в первой части книги и снабженных минимальным количеством комментариев.

Два раза спасибо за книгу, Сергей.